

МОЛИТВА СВЯТОМУ РАВНОАПОСТОЛЬНОМУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ

О великий и преславный угодниче Божий, богоизбранный и богопрославленный, равноапостольный княже Владимире, святое и великодейственное орудие всеблагаго Промысла о спасении народа Российскаго! Ты отринул еси зловере и нечестие языческое, уверовал еси во Единого Истиннаго Триипостаснаго Бога, и восприяв святое Крещение, просветил еси светом божественныя веры и благочестия царство Российское. Славяще убо и благодаряще Премилосердаго Творца и Спасителя нашего, славим и благодарим и ты, великий пастырю и отче наш, яко тобою познахом спасительную веру Христову, и крестихомся во имя Пресвятыя и Пребожественныя Троицы: тоуже верою избавимся от праведнаго осуждения Божия, вечнаго рабства диаволя и адова мучительства: тою верою восприяхом благодать всыновления Богу и надежду наследования небснаго блаженства. Ты еси первейший наш вождь к начальнику и совершителю нашего вечнаго спасения, Господу Иисусу Христу: ты еси ближайший предстоятель пред престолом Царя царствующих и теплый молитвенник и ходатай о царстве Всероссийстем, о народоправителех его и о всех людех: ты еси первейший виновник благословений и милостей Божиих, почивающих на нем.

О всеблагий отче и просветителю наш! Милостив буди к нашим немощем, долготерпелив ко грехам и неправдам нашим. Умоли Премилосердаго Царя Небснаго, да не прогневается на ны зело и не погубит нас со беззаконными нашими, но да помилует и спасет нас, ими же весть судьбами. Да всадит в сердце наше спасительный страх Свой, да просветит Своею благодатию ум наш, во еже узрети нам бездну погибели, в нюже стремимся, оставити стези нечестия и заблуждений, обратитися на путь спасения и истины, неуклонно исполняти заповеди Божии и уставы Святыя Церкви.

Моли, благосерде, человеколюбца Бога, да явит нам великую милость Свою: да избавит нас от нашествия иноплеменников, от внутренних нестроений, мятежей и раздоров, от глада, смертоносных болезней и от всякаго зла.

Да подаст нам благорастворение воздуха и плодоносие земли.

Да сохранит и спасет Отечество наше от козней и наветов вражиих: да дарует нам победу над врагами, да исполнит вся благая желания наша.

Да оградит державу нашу мудрыми верными деятелями, да сохранит в судящих и начальствующих правду и милость. Да даст духовным пастырем непорочность жития и ревность о спасении пасомых, всем же людем усердие в исполнении своих обязанностей, взаимную любовь и единомыслие, стремление ко благу Отечества и Святыя Церкви.

Да распространит свет спасительныя веры во всех концах нашия земли.

Да обратит к правоверию неверующих, да упразднит вся ереси и расколы, да, тако поживше в мире на земли, сподобимся с тобою вечнаго блаженства, хваляще и превозносяще Бога во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2015 №4 (78)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Богородцев
Диакон Алексей Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Анна Коваленко – корректор
Галина Гражданкина – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: dsobesednik@bk.ru, albina063@mail.ru

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА СЯТОМУ РАВНОАПОСТОЛЬНОМУ ВЕЛИКОМУ
КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ** 1

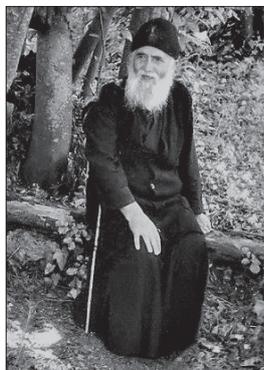
СЛОВО ПАТРИАРХА

Послание Святейшего Патриарха Кирилла
в связи с 1000-летием преставления святого
равноапостольного князя Владимира 4

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Андрей Поповкин

Взгляд на выбор князя Владимира
в духовно-личностной перспективе..... 6

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Из опыта Оппиной

О молитве Иисусовой..... 18

Монахиня Феодосия (Тимашева)

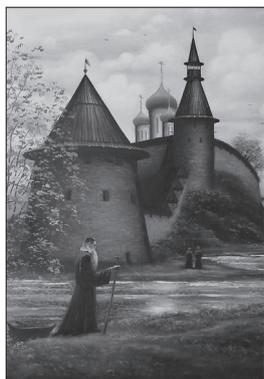
Учение святого старца Паисия о творении
добрых помыслов..... 20

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Митрополит Мануил (Лемешевский)

«Довести плуг до конца борозды»

Из дневника святителя (1960 год) 46

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Максим Размолодин

Русская интеллигенция как причина
государственных нестроений..... 72

ПОЮ БОГУ МОЕМУ

Евгений Водолазкин

Главы из романа «Лавр» 102

ПОСЛАНИЕ

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА В СВЯЗИ С 1000-ЛЕТИЕМ ПРЕСТАВЛЕНИЯ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Преосвященные архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, иноки и инокини, дорогие во Христе братья и сестры!

В нынешнем году вся Церковь Русская, а вместе с ней и весь православный мир отмечают тысячелетие преставления святого равноапостольного великого князя Владимира. Что же принес нам сей муж? Почему спустя многие столетия мы столь торжественно совершаем его память? Суть подвига князя замечательно выразил в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» святитель Киевский Иларион. «Все страны, и города, и народы, – пишет он, – чтут и славят каждый своего учителя, научившего их православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей... великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира». Его

мудрый выбор изменил весь ход нашей истории, ибо он принес нам весть о Спасителе мира Христе – Немеркнущем Солнце Правды, озаряющем Своим Божественным светом человеческое бытие. Благодаря равноапостольному Владимиру наш народ оказался под покровом усердной Заступницы и скорой Помощницы – Пречистой Девы Богородицы, prostирающей над землей нашей Своей честной омофор. Благодаря этому святому правителю была основана Церковь Русская, которая вот уже более тысячи лет несет людям слово жизни, любви и мира и в которой мы, как и наши предки, обретаем Царство Небесное.

Восприняв веру из Восточной Римской Империи – Византии, Русь в полной мере приобщилась и к Божественному Откровению, и к величайшей культурной традиции своего времени, творчески восприняв и развив ее. Подобно равноапостольному царю Константину, князь Владимир не побоялся пойти наперекор воззрениям своей дружины и бояр – правящего класса Древней Руси, связывавшего

языческие культы с властью, богатством, плодородием. Не утратил он и гнева толпы, подстрекаемой жрецами и готовой совершать кровавые жертвоприношения. Как Моисей, услышавший призыв Господа: *выведи из Египта народ Мой* (Исх. 3, 10), князь Владимир вывел Русь из языческого плена и поставил на светлую стезю исповедания Христа как Бога и Спасителя.

Сей равноапостольный муж стал одним из тех, кто олицетворяет православный идеал праведной власти, руководствующейся подлинными ценностями, направляющей человека и общество к Богу, к жизни по Его заповедям. Креститель Руси, как мы знаем, заботился не только о благочестии новопросвещенного народа, но и о его образовании, о помощи нуждающимся. Святитель Иларион, восхваляя великого князя Киевского, говорит о том, что он «не одного человека обратил от заблуждения идольской лжи, не десятерых, не город, но всю землю эту». Такие слова были произнесены еще в XI веке, когда чудо Крещения Руси произошло совсем недавно. Потом последовали десять столетий нашей христианской истории. За это время Господь явил в народе нашем множество святых, сформировались наша культура и цивилизация. И все то, чем мы живем сейчас, само наше мировоззрение имеет своим основанием судьбоносное решение князя Владимира обратиться к Богу истинному и вслед за собой повести народ. В днепровской купели было положено начало новой, Святой Руси, нашему духовному единству. За прошедшие с того времени века предпринимались попытки уничтожить Православие, посеять раздоры и гражданскую смуту среди наших народов, увлечь людей ложными идеями, обещаниями скорого земного счастья и материального благополучия. Но по милости Господней Святая Русь доньше живет в наших сердцах, ибо народы наши по сей день имеют единую веру и Церковь, общие святыни, бесчисленные образцы христианского подвига и совместную историю.

Сегодня мы тоже переживаем непростое время, когда безрассудные люди пытаются расколоть нас, лишит мир и согласия, посеяв вражду и ненависть между братьями. Такие люди, исходя из сиюминутных настроений и эгоистичных устремлений, принимают опасные решения, имеющие долговременные и порой даже неизгладимые последствия. Люди же мудрые понимают, что их жизнь и добрые поступки могут стать частью Божия замысла о спасении мира. Вот почему они всегда помнят о вечном и простирают свой взор в историю, извлекая из нее уроки и ответы на важнейшие вопросы современности. Всем нам нужно искать эти ответы, преодолевая негативный информационный шум, создаваемый средствами массовой информации. И найти их мы можем также в примерах великих личностей, оказавших благотворное влияние на развитие наших народов и причисленных Церковью к лику святых. Одним из них является равноапостольный князь Владимир, положивший в основание жизни народов исторической Руси спасительную веру Христову. Его молитвами да поможет нам Милостивый Человечколюбец Господь непоколебимо стоять в Православии, соблюдая себя, подобно Его апостолам, *в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви* (2 Кор. 6, 6). Аминь.

ВЗГЛЯД НА ВЫБОР КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В ДУХОВНО-ЛИЧНОСТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Большинство исследователей сходятся в признании того, что выбор князем Владимиром христианства, причем именно его византийского, православного образца, стал определяющим для судеб русского мира. В советский период было принято усматривать в качестве основной причины такого выбора – проявление интересов раннефеодальной знати Древней Руси. Одни исследователи оценивали это отрицательно, другие – положительно, но все вместе – с позиций, скорее, прагматических. Христианство рассматривалось как фактор, приведший к развитию или, наоборот, деградации, замене византийским суррогатом самобытной русской культуры.

Или как фактор политический, включивший Русь в орбиту христианских государств.

В числе наиболее известных работ, дававших положительную оценку Крещению Руси, безусловно, особого внимания заслуживают статьи академика В. В. Раушенбаха «Тысячелетие крещения Руси»¹ и академика Д. С. Лихачева «Крещение Руси и государство Русь»². Были и «разоблачительные» работы с марксистско-атеистических позиций, среди которых стоит выделить достаточно взвешенную и аргументированную, подготовленную Н. С. Гордиенко «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов»³.

Признавая достоинства упомянутых исследований, следует все же отметить, что, с собственно христианской точки зрения, главное в христианстве

Андрей Владимирович Поповкин – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. Постоянные читатели «ДС» уже знакомы с А. В. Поповкиным по публикациям в «ДС» № 3 (65) за 2013 год и «ДС» № 1 (69) за 2014 год.

*Выбор веры великим князем Владимиром. Худ. Завьялов Ф. С. 1847 г.
Святые сени Грановитой палаты Кремля*

отнюдь не развитие культуры, не становление государства. Главное в нем нечто совсем другое, если верить Тертуллиану – сопринродное человеческой душе. Речь идет о его знаменитом изречении: «всякая душа по природе христианка». Если мы вспомним, что Христос есть *путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6), то станет ясно, что христианская природа души проявляется, помимо прочего, в стремлении всякого духовно здорового человека к правде, к истине, в желании жить «по-настоящему», стяжать подлинные ценности. И потому Тертуллиан, а вслед за ним многие отцы Церкви и другие христианские мыслители были уверены, что человек, честно ищущий истину, рано или поздно находит её во Христе.

Однако этот аспект выбора религии как поиска истины критики и апологеты выбора князя Владимира почему-то по большей части обходят молчанием. Но ведь именно переживание подлинной Реальности, лежащей в основе всего бытия, и есть то, что определяет (по крайней мере, должно определять) религиозный выбор всякого человека. И чтобы понять выбор князя Владимира у истоков русской цивилизации, необходимо подумать о том, что главное в христианстве и каким образом оно открывается нам в опыте выбора веры.

Иными словами, следует рассматривать выбор князя Владимира как действие его души или, согласно терминологии И. А. Ильина, как религиозный акт. Конечно, мы вряд ли сможем полностью реконструировать это событие: здесь и разделяющее нас тысячелетие, и сокрытость индивидуальной душевной жизни... Однако мы можем опереться в своих поисках на некоторые до-

стижения феноменологии религии, а главное на то обстоятельство, что мы являемся духовными наследниками выбора князя Владимира. Именно это дает нам надежду достичь более глубокого понимания его выбора.

Наверное, можно сказать, что Крещение Руси, по сути, совершается в каждом поколении как бы заново, но особенно это справедливо для нашей сегодняшней ситуации. Пусть нас не вводит в заблуждение восстановление храмов, введение курса основ Православной культуры в школе и т. п. – Россия явно все еще стоит перед выбором: быть ей христианской – или примкнуть к одному из противоположных лагерей. К последним может быть отнесен советский, чтобы не сказать «совковый», материализм: нахальный, малограмотный и безапелляционный в своем отвержении Христа; утонченное и «прогрессивное», прагматичное и «романтическое» либертарианство* постхристианского Запада. А ведь есть еще и «прелесть» свежесочиненного славянского неоязычества.

Вообще, понятие выбора достаточно важно в христианстве. В наше время выбор и свободу часто отождествляют, но эта идея отнюдь не бесспорна, хотя и отстаивалась многими мыслителями. Однако если мы вспомним собственные ситуации выбора, то часто это были моменты преткновения свободного течения жизни. Например, вы катите по дороге, наслаждаясь ездой и пейзажем, и вдруг – развилка, преткновение, выбор. – Вы больше не наслаждаетесь, вы мучительно выбираете – мучительно потому, что выбор одного всегда означает утрату всего остального. С другой стороны, мы можем, вслед за А. С. Хомяковым, рассматривать свободу как бытие самим собой. Иначе говоря, можно понимать свободу как «свое-бытие», бытие в согласии со своей природой. В таком случае становятся более понятными евангельские слова: *и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 32). В самом деле, разве мы не ощущаем себя свободными, когда занимаемся делом, к которому имеем призвание? Разве мучает нас отсутствие выбора, когда мы встречаем вещь, будто предназначенную для нас? Кто в здравом уме назовет несвободными супругов, живущих в любви и согласии? В сущности, наиболее свободное и полное течение жизни имеет тот, кто более всего живет по истине, в соответствии с Божьим Промыслом. В этом случае выбор и, тем более, количество его вариантов – вовсе не мерило свободы.

Как мы помним, именно с выбора началось грехопадение человечества. Именно в том библейском событии отцы Церкви усматривают повреждение человеческой природы, выразившейся, по мнению прп. Максима Исповедника, помимо прочего, в расщеплении воли: на естественную (ведущую нас к реализации нашей природы) и на волю гномическую (выбирающую). На-

* Либертарианство (от англ. *liberty* – личная свобода) – крайняя форма либеральной демократии с абсолютным уровнем личных и экономических свобод. Либертарианцы выступают с требованиями отмены государственного налогообложения, контроля над средствами массовой информации, всеобщей воинской повинности и обязательного школьного образования, являясь сторонниками легализации однополых браков, применения наркотиков, свободного ношения оружия.

пример, хотеть, пить – естественно, человек так устроен, что ему нужна вода для жизни. Но я могу не просто хотеть пить, а только вина или кваса – это уже проявление моей гномической воли. Таким образом, ясно, что «именно на уровне “свободного выбора” (гномической воли) в человеке происходит выбор и колебание между добром и злом»⁴.

Многое в духовной ситуации нашего времени станет понятно, если разобратся, какова ситуация с выбором в наши дни. Средства массовой манипуляции сознанием, система моды, с одной стороны, количественно увеличивают вариативность выбора, но с другой – качественно – существенно его ограничивают и, главное, регламентируют. Выбор в наши дни это, как правило, выбор потребления.

Самый главный выбор, выбор жизненного пути, в современной массовой культуре как бы не замечается. Точнее, он предопределен – это достаточно растиражированные понятия: успех, лидерство, самовыражение, а если точнее, – оригинальность, производимый на окружающих эффект. Однако после всей этой захватывающей суеты – ради карьеры, заработка на «хлеб с маслом», рано или поздно встанет евангельский вопрос: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26).

Вот тогда и придется всерьез задуматься о выборе духовного пути. Перед таким выбором стоит сегодня и наше общество, и каждый из нас. Совершал его и князь Владимир. Над ним, как и над нами, тоже довлела «злоба дня», в обществе был не то чтобы раскол, – само общество тогда еще не сформировалось как единый русский мир: кривичи, вятичи, чудь и другие племена еще не составляли один народ. И в таких условиях князь Владимир решает «сменить коней на переправе», что было чревато новым расколом, а к племенной розни добавилась бы (почти наверняка) рознь в языческих верованиях... И, тем не менее, выбор состоялся.

Что же такого важного находит князь Владимир в христианстве, что заставляет его сделать рискованный шаг? Что находит в нем каждый, кто когда-то стал и продолжает оставаться христианином в современном мире, несмотря на последующие сложности, а порой и жертвы?

Конечно, если говорить о живом опыте выбора веры, то, наверное, каждый христианин акценты здесь ставит по-своему. Но дело усугубляется тем, что религиозный опыт, как указывает русский философ Иван Ильин в работе «Аксиомы религиозного опыта», неизбежно имеет автономный (самозаконный) характер. Казалось бы, это несколько противоречит пониманию религии как связи человека с Богом. Однако связь эта носит духовный характер. Что такое духовное существо попытался понять немецкий философ Иммануил Кант. В его философии разумный свободный субъект получил наименование *ноумен*, и главное его отличие от любого другого предмета опыта (феномена) состоит в способности полагать себе нравственный закон. Именно в самополагании себе этого закона, а вовсе не в произволе, великий немецкий мыслитель видел подлинную духовную свободу. И если задуматься, с ним

следует согласиться, ведь творящий произвол вовсе не свободен – он в рабстве у своих страстей и сиюминутных прихотей, об удовлетворении которых вполне может вскоре пожалеть.

Иными словами, как удачно выразился И. А. Ильин, духовность состоит в том, чтобы «определять себя и управлять собою, и притом в направлении к лучшему и совершенному»⁵. Религиозный же опыт – суть высшая форма духовного опыта и потому в нем в наибольшей степени проявляется свобода человека, в том числе и свобода в обращении к Богу или, напротив, в отказе от Него.

И все же, несмотря на субъективность, скорее всего, именно живой опыт поможет нам достичь понимания того выбора, который сделал когда-то князь Владимир. Ведь подлинный религиозный опыт – это, наверное, прежде всего опыт реальности истины. В христианстве этот момент подчеркнут особенно. Христос открывает себя в Евангелии как *путь и истина и жизнь*. Иными словами, подлинно христианский опыт – это трудно выразимый в философских понятиях опыт живой Истины. Истины, которую можно не только созерцать, к которой можно не только стремиться, как это делали философы, но к Ней можно обратиться лично, попросить о чем-то. Эта Истина сама как-то обращена к каждому человеку, имеет о нем и о его жизни свой Промысл. Иными словами, христианский религиозный опыт – это опыт Истины, которая есть Любовь.

По мнению И. А. Ильина, еще одна важная составляющая духовного опыта, даже выступающая его неизменным условием, – это опыт реальности иерархии, попросту говоря, понимание того, что в жизни есть объективно главное и не главное, не зависящее от наших сиюминутных целей и состояний. А это значит, что религиозный опыт не может не претендовать на объективность – ведь он по природе своей нацелен на постижение самого главного, того, что важнее всего человеческого.

Уже во времена князя Владимира, а тем более в наши дни, христианство выступает перед всяким, решившим к нему приступить, как вполне цельная духовная традиция, со своими догматами, обрядами и т. п. Иными словами, оно часто выступает для выбирающего человека внешним авторитетом. Человек, заходя в храм, обнаруживает там какой-то распорядок служб, устоявшиеся обряды, традиции, нормы поведения и общения. Очень часто многое из этого ему непонятно, а порой и неприятно. Но как всякий воспитанный человек, пришедший в храм, он старается приспособиться к местным обычаям, вести себя «как все», прислушиваться к наставлениям священника и более опытных прихожан.

Однако если религиозная жизнь так и останется для человека гетерономной, то есть руководимой внешним авторитетом, она, как указывает И. А. Ильин, так никогда и не станет его подлинно духовной жизнью: «...Но есть и другая возможность. Она состоит в том, что человек все время пытается самостоятельно воспринять, осмыслить и целюно усвоить то, что

ему предлагает авторитет в порядке гетерономии. Известная часть преподаваемого поддается этому усвоению; другая часть – может быть, не поддается. **Усвоенное становится содержанием его автономного верования: в этих сферах он присутствует сердцем и созерцанием; здесь он целен и горяч; здесь он имеет подлинный религиозный опыт.** (Выделено автором). И обратно: в догмах и правилах, неподдающихся его субъективному, личному, автономному усвоению, он отсутствует и сердцем, и созерцанием; они остаются для него мертвой буквой, отвлеченно мыслимыми догматами и правилами; в них он не целен и холоден; здесь он не имеет подлинного религиозного опыта»⁶.

Итак, опираясь на выше приведенный тезис И. А. Ильина, мы можем посмотреть, в чем же князь Владимир «присутствует сердцем», какой аспект христианской традиции оказался ему особенно близок. Иными словами, что могло побудить князя к его поискам? Чего искала его душа?

Как описывается в летописях, князь Владимир – в полной мере дитя своего века: достаточно жесток, хитер, смел и удачлив. Он решается на борьбу за наследие великого Святослава. Итогом этой борьбы стала победа Владимира, но в то же время и гибель брата – «благо для... Владимира-властолюбца и хищника престола, но трагедия для Святославова рода, для Владимира-князя»⁷. Здесь надо понимать, что в языческом мироощущении человек, прежде всего, – член рода, а уж после этого некая самостоятельная личность. В том числе это проявляется и в характере языческих отношений с богами – им предстоит не человек как личность, но род или его представители в лице жрецов и старейшин. Будучи князем, Владимир, безусловно, занимал особое место не только в социальной, но и в духовной иерархии согласно мировоззрению того времени, что, в некоторых отношениях, ставило его выше родовых законов. Однако грех братоубийства, порожденное им ощущение неполноты, отсутствия опоры в своем роду (не без его помощи изведенном) толкнул Владимира к религиозным поискам, а может, к поиску дополнительной духовной опоры.

Как известно, начал он с реформы славянского язычества, сделав попытку объединить родовых богов в некий пантеон. Возможно, мысль Владимира шла по тому же пути, который почти за тысячу лет до него прошли римские цезари – оторвать языческих богов от родовых общин и укоренить их в теле государства, а там можно было бы дойти и до придания божественного статуса самому князю... Но, главное, в этом случае государство заменяло род, и князь, утративший опору в своем роду, обретал ее замену в своем государстве и его языческом пантеоне.

Однако мог ли Владимир найти опору в языческой духовности? На такой вопрос наталкивает любопытное замечание Г. К. Честертона: «Конечно, язычники – не атеисты, но они и не верующие в нашем христианском смысле. Они ощущают присутствие каких-то сил и гадают о них, и выдумывают. У греков был алтарь неведомого бога. На самом деле, все их боги – неведо-

Проводы Перуна. Худ. Назарук В. М.

мые; и изменилось это лишь тогда, когда апостол Павел сказал им, Кого они, не зная, чтили»⁸.

Человеческая душа не может не искать предельную истину – об этом свидетельствует вся известная нам история. В области духа ценности не образуют для человека некоей однородной плоскости, но всегда имеются у него в виде иерархии, которую М. Шелер назвал «*Ordo amoris*» (лат. «порядок любви»)⁹. Например, дружба и кровное родство представляют ценность для всех, однако вопрос о том, что ценнее, решается разными людьми и в разных культурах по-разному. Венчает эту иерархию, по мнению немецкого философа, «идея Абсолютного», при этом «... у человека нет выбора – формировать или не формировать у себя метафизическую идею и метафизическое чувство»¹⁰. Этой идеей не обязательно будет понятие (или чувство) Бога – место Абсолюта в мировоззрении может занимать и политическая идея (например, в нашей стране – коммунизм) и даже какой-то человек (кумир, собственный ребенок) или вещь. Однако, так или иначе, у человека неизбежно выстраивается *ordo amoris*, который, в свою очередь, формирует его жизненную траекторию (судьбу).

Говоря о язычестве, мы можем утверждать, что оно по своей природе есть поиск подлинной духовной реальности, часто – эстетический, в форме мифов. То есть, строго говоря, языческая вера зыбка по самой своей природе. В лучших своих проявлениях она лишь предчувствие христианства, указа-

ние на наличие высшей духовной реальности. Отметим, что религиозно убедительной для посольства «нарочитых мужей», отправленных князем Владимиром для испытания разных вер, становится именно красота Православного богослужения: «и не знали мы – на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми»¹¹. Особенно примечательны последние слова: языческие послы обрели искомое, «неведомый», но чаемый всякой человеческой душой, Бог найден и порукой тому – неземная, невыразимая красота. Русские послы нашли то, что превзошло по красоте все их языческие мифы.

*Крещение Руси. Худ. Васнецов В. М.
1885 – 1886 гг. ГТГ. Москва*

Но есть в язычестве кое-что вполне ощутимое, ясное любому, пугающее, страшное и пьянящее, соединенное и с появлением жизни и со смертью. Это кровь, жертвенная кровь и особенно кровь человеческая. Князь Владимир, как известно, искал покровительства языческих богов, не только устанавливая идолов разных родов и даже народов, но и дав согласие на принесение в жертву людей.

Жертвы языческим богам избирались обычно по жребию. Но одно из намеченных жертвоприношений закончилось совершенно неожиданно. В жертву был выбран христианин, и жертва эта не была принесена. Более того, в прямом противостоянии толпа язычников-киевлян не смогла одолеть двоих христиан – отца и сына. Их убили, лишь подрубив опоры дома, где они сражались. Весьма возможно, что на Владимира оказала существенное влияние мужественная смерть Федора-варяга и его сына Иоанна, предназначенного в жертву. Здесь христианство открылось для князя Владимира с новой стороны, открылось христианское мужество, которого он, как воин, не мог не оценить, открылась и та свобода от страха смерти, в том числе и смерти рода, который, по-видимому, тяготил его как братоубийцу, – ведь Федор-варяг погибал вместе со своим сыном. Язычество не знает покаяния и прощения, но лишь расплату и возмездие...

И вот мы обнаруживаем, что после Крещения в князе Владимире происходит радикальная переоценка смысла человеческой жизни. Происходит коренной переворот его *ordo amoris* – нечто бывшее вторичным и не важным, вдруг обнаруживается как почти первостепенное. Этот до крещения жесто-

кий воин, не чуравшийся насилия и крови, вдруг являет в некотором роде даже чрезмерную по тем временам милость: князь пытается буквально соблюсти заповедь «не убий»: «И умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: “Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?” Он же ответил: “Боюсь греха”. Они же сказали ему: “Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав”. Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: “Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней”. И сказал Владимир: “Пусть так”»¹².

Милость Владимира-христианина была обращена не только к разбойникам, но ко всякому нуждающемуся. «Согласно летописи, Владимир “повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъниц кунами” (деньгами). А тем, кто не мог приходиться, немощным и больным, развозить припасы по дворам. Если эта его забота и была в какой-то мере ограничена Киевом или даже частью Киева, то и тогда рассказ летописца чрезвычайно важен, ибо показывает, что именно считал летописец самым важным в христианстве, а вместе с ним и большинство его читателей и переписывателей текста – милосердие, доброту»¹³.

Напрашивается вопрос: не является ли милосердие (порой все такое же «чрезмерное») и в наши дни отличительной чертой русского народа? Не оно ли проявляется, например, в нашем стремлении спасти братские (и не только) народы, постоянной готовности прийти на помощь, притом даже в ущерб себе?

С другой стороны, на одной публичной лекции автору этих строк преподавателями-историками был задан вопрос: «А Вам известно, каким был князь Владимир до крещения, сколько он насиловал, убивал и т. п.?» Попытка сказать, что это было до крещения и предшествовавшего ему раскаяния Владимира, вызвала лишь «понимающие» ухмылки. И я подумал, в каком страшном мире живут эти люди, – в нем нет места таким чудесным христианским дарам человечеству, как покаяние, духовное преображение, прощение. В таком мире не очень понятно, как можно говорить об образовании (неважно, школьном или университетском) в собственном смысле этого слова. Ведь образование это всегда еще и *пре-образование*, предполагающее, в том числе, процесс духовного изменения учеников, а порой и учителя. В противном случае речь может идти лишь о некоем «информировании»...

Вообще, стоит отметить, что, в каком-то смысле, учитель для своих учеников выступает в роли совершающего выбор «князя Владимира». Конечно, основой духовного воспитания человека выступает семья, однако и школьному учителю здесь принадлежит очень важная роль, а в случае неблагополучной семьи – определяющая. В деле воспитания роль учителя, важность его духовного выбора для личностного развития учеников трудно переоценить. Этот факт входит, по сути, в некоторое противоречие с принятым в российском (равно как и европейском) образовании принципом мировоззренческой нейтральности. Учителю запрещено «навязывать» свою духовно-

Прибытие в Киев епископа. Гравюра Ф. А. Бруни, 1839 г.

нравственную позицию ученикам. Тот факт, что он неизбежно проявляет ее всем своим учительством, отношением к ученикам, к делу преподавания и т. п., как бы не замечается.

Однако в наши дни общество, как и каждый человек, стоит перед выбором между «путем жизни» и «путем смерти», о которых говорит Дидахе*. Здесь стоит отметить, что язычество, точнее неоязычество, отвергнувшее Христа, всегда – культ смерти, ему почти нечего противопоставить ужасу небытия, кроме разве что идеи вечного перерождения. Христианство же, напротив – культ жизни, ибо оно культ Христа, который Своей «смертию смерть поправ». Можно ли остаться в стороне от этого духовного противостояния? Особенно учителю, самое существо дела которого – образование, то есть придание образа, в том числе духовного, становящемуся юному человеку. Ведь, как отмечает М. Е. Буланенко, «даже при нейтральном отношении к тому, что прежде считалось сексуальными извращениями, к возможностям изменения биологической природы человека, к эвтаназии, к деструктивному влиянию на человека некоторых современных технологий, к кризису института брака, к упадку семьи и внутрисемейных отношений, к распространению перинатальных и даже постна-

* Дидахе – сокращенное от «Учение Господа народам через 12 апостолов» – наиболее ранний из известных (кон. I – нач. II в.н.э.) памятников христианской письменности, содержащий сведения о церковной жизни, богословии и нравственном учении апостольской эпохи.

тальных абортот и различных видов сиротства, к вмешательству государства в семейные отношения, к утрате взаимного уважения и социальной солидарности между людьми, к безответственности при выполнении своих общественных обязанностей – даже при нейтральном отношении ко всему этому очевидно, что долговременное существование человеческого общества при усилении этих тенденций становится попросту невозможным»¹⁴. При этом автор справедливо указывает: «...то обстоятельство, что наши общества, несмотря ни на что, по-прежнему продолжают жить, обусловлено отнюдь не безобидностью или даже благотворностью этих тенденций, а наоборот – тем, что ещё существует немало людей, которые открыто или молчаливо сопротивляются общему направлению развития бывшей христианской цивилизации»¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в сегодняшней духовной ситуации **нейтральной позиции не существует**: шаг в сторону от жизни означает приближение к смерти. И поскольку это так, то своеобразная проповедь «пути жизни» или «пути смерти» учителями всё равно осуществляется, даже если они не признаются в этом ни себе, ни другим. Конечно, вряд ли преподаватель будет прямо говорить о том, что жить надо только для своего собственного удовольствия, даже если это приведёт к разрушению человека как духовного существа, а вслед за этим – и к упадку общества. Но и когда преподаватель даёт понять ученикам, что вступать в брак или иметь множество любовных связей, заводить детей или нет, жить для своего удовольствия или служить другим людям и обществу – это **равноценные** возможности, он совершает уступку «пути смерти».

Поэтому любому, кто в наше время так или иначе причастен делу учительства, в том числе и всем родителям, необходимо прежде всего определиться с собственной духовно-нравственной позицией, совершить выбор, который окажет на его жизнь не менее решительное воздействие, чем оказал выбор князя Владимира на жизнь русских людей того времени. И, подобно князю Владимиру, не замыкаться в этом выборе, но осмелиться зажечь его смыслом души учеников. Не обязательно это должна быть прямая христианская проповедь, «можно, например, показывать, как сосредоточенность на личной выгоде и удовольствиях приводит к деградации личности и делает невозможной настоящую дружбу, любовь, исполнение своего человеческого призвания. При этом следует не молчаливо предоставлять самим ученикам делать выводы из сказанного, а прямо формулировать эти выводы, недвусмысленно говоря, что является хорошим, правильным и прекрасным, а что – плохим, неправильным и безобразным»¹⁶.

Подводя итог, наверное, можно сказать, что выбор князя Владимира задал образец духовного выбора в русской культуре. Это был не только и не столько прагматический выбор, сколько глубинная устремленность к правде и милосердию – ведь только они способны произвести в человеке те глубокие изменения, которые произошли в святом благоверном князе Владимире и, надеюсь, произойдут в нас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раушенбах В. В. Тысячелетие крещения Руси // Пристрастие. Православная беседа. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=635>

² Лихачев Д. С. Крещение Руси и государство Русь // Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/kre.htm>

³ Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: полемические заметки. Л.: Лениздат, 1984. 287 с. URL: http://www.razumei.ru/files/others/pdf/Gordienko_Kreschenie_Rusi.pdf

⁴ Иларион (Алфеев), митр. Две природы, два действия, две воли // Православная энциклопедия «Азбука веры». [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/library/illarionpravoslavie/184-all.shtml>

⁵ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Издательство АСТ, 2002. С. 51.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 112.

⁸ Честертон Г. К. Вечный человек // Гилберт Кийт Честертон. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chesterton.ru/everlasting-man/part1-chapter05.html>

⁹ Шелер М. Ordo Amoris // Макс Шелер и Россия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/15/37>

¹⁰ Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 4.

¹¹ Повесть временных лет. Подг. текста, перевод и комментарии Творогова О. В. // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869>

¹² Там же.

¹³ Лихачев Д.С. Указ соч.

¹⁴ Буланенко М. Е. «Культура жизни» и «культура смерти» // Периферия инфо. [Электронный ресурс]. URL: <http://periferiya.infonwww.periferiya.infonnew.periferiya.info/articles/kultura-zhizni-i-kultura-smerti>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

КАК НАУЧИТЬСЯ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ

Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным духом. Если ты занят общественными обязанностями, или, если ты инок, и монастырским послушанием занят и не имеешь возможности уделять молитве столько времени, сколько бы ты хотел, не смущайся этим: законно и по совести проходимое служение приготавливает человека к усердной молитве. Святые отцы говорят, что брат, быв целый день на послушании и по окончании оно вставши для келейного правила, враз весь исполняется молитвою и заменяет качеством количество. «Ничто так не способствует к преуспеянию в молитве, как совесть, удовлетворенная Богоугодною деятельностью. <...> Душа молитвы – внимание. Как тело без души мертво, так и молитва без внимания – мертва»¹. «Внимание есть первоначальный дар Божественной благодати, ниспосылаемый трудящемуся и терпеливо страждущему в подвиге молитвенном»². «Если бы во время молитвы твоей представился тебе чувственно или изобразился сам собою в тебе умственно вид Христа, или Ангела, или какого святого, – словом сказать, какой бы то ни было образ, – никак не принимай этого явления за истинное... и не вступи с ним в беседу, иначе непременно подвергнешься обману и сильнейшему повреждению душевному, что и случилось со многими»³. «Наслаждение в молитве – исключительный удел святых избранников Божиих, обновленных Святым Духом <...>. Ощущения, порождаемые молитвою и покаянием, состоят в облегчении совести, в мире душевном, в примирении с ближними и к обстоятельству жизни, в милости и сострадании к человечеству, в воздержании от страстей,... покорности Богу... этими ощущениями будь... доволен. <...> Спешу с молитвою, жаждающая спасения душа, спешу в след Спасителя, ... претерпи великодушно и смиренно скорби и уничижения, которые Он попустит тебе на пути молитвенном. Для успеха в молитве непременно нужна помощь от искушений. <...> Искушая нас извне, демоны злодействуют и внутри нас»⁴ различными помыслами; тут всякому духовному воину надлежит вести жестокою брань, тут победа той или другой стороны, тут доброму воину приобретение искусства, а за искусство победные венцы. Ничтожное, по-видимому, пристрастие, невинное, по-видимому, любовь к какому-нибудь предмету, одушевленному или неодушевленному, и это уже низводит ум и сердце с неба и повергает их на землю. Святитель Игнатий (Брянчанинов) предлагает рабу Божию избрать благоразумное ежедневное непродолжительное правило, постоянно

¹ Игнатий (Брянчанинов), *свт.* Аскетические опыты. О молитве. М.: Правило веры, 1993. Т. 1. С. 143 – 144.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 145.

⁴ Там же. С. 147 – 148, 152, 157.

исполняемое в соответствии с силами и родом жизни; это послужит большим пособием для ревнующего о своем спасении. Стяжавший этот блаженный навык всегда исполняет правило в известные часы, едва приближается молитвенное время¹.

Св. Варсонофий Великий говорил, что непрестанное призывание имени Божия есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое действие их. Св. Иоанн Лествичник советовал заключать ум в слово молитвы, и сколько бы раз он ни устранился из слов, опять вводить его. Этот механизм особенно полезен и удобен в наше время при оскудении истинных наставников. Когда ум будет таким образом во внимании, тогда и сердце вступит в сочувствие уму умилением, и молитва будет совершаться вместе умом и сердцем. Слова молитвы нужно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтобы ум имел возможность проникать в слова.

Утешая и наставляя живущих вместе иноков, занимающихся монастырскими послушаниями, поощряя их усердие в молитвенном подвиге, Лествичник говорит: «от монахов, занимающихся послушаниями, Бог не требует молитвы вполне чистой от развлечения. Не унывай, будучи окрадываем рассеянностью! благодушествуй и постоянно понуждай ум твой возвращаться к себе. Совершенная свобода от рассеянности – принадлежность Ангелов»². Мы, которые поработены страстями, «будем молиться Господу постоянно, неотступно: потому что все безстрастные перешли такую молитвою к состоянию безстрастия из состояния страстного. Если ты неослабно будешь приобучать ум твой, чтобы он никуда не удалялся из слов молитвы, то он и во время трапезования твоего будет при тебе <...>. Заботься о качестве молитвы – о внимании при посредстве заключения ума в слова – будем молиться очень много. Количество служит причиною качества. Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно своею оскверняемую развлечением молитвою. Новоначальные иноки нуждаются в продолжительном времени для обучения молитве»³. Невозможно, вскоре по поступлении в подвиг молитвы, достичь этой верховной добродетели. Нужны и время, и постепенность, чтобы подвижник созрел для молитвы, как цвет и плод на дереве. Не бывает усердных тружеников молитвы, которые долго трудятся и не достигают духовной молитвы – не унывайте, добрые делатели!

Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни. 1912 год

¹ Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. Т. 2. С. 175 – 176.

² Цит. по: Игнатий (Брянчанинов), свт. Указ. соч. Т. 1. С. 259.

³ Там же.

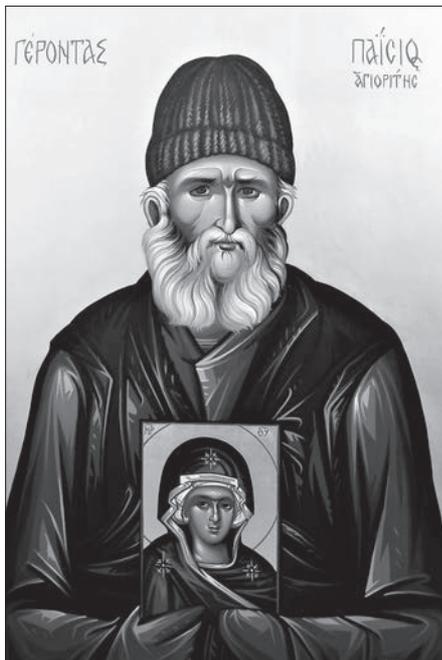
УЧЕНИЕ СВЯТОГО СТАРЦА ПАИСИЯ О ТВОРЕНИИ ДОБРЫХ ПОМЫСЛОВ

Худое слово и добрых делает худыми,
а слово доброе и худых делает добрыми.

Прп. Макарий Великий

Помыслы – неотъемлемая часть нашей внутренней жизни. Они наполняют нас каждый миг с утра до вечера. Зачастую мы не понимаем, откуда они появляются: на одни из них мы не обращаем внимания, другие привлекают нас, мы начинаем их рассматривать, беседовать с ними. А какие-то помыслы приводят нас к конкретным действиям.

«Помысл» в аскетическом лексиконе означает как простую мысль, возникшую в уме, так и душевное движение, направленное к злему или доброму. Также под помыслом может пониматься доброе или злое влечение, приобретенное с помощью ума, чувства, воли, совести. По святоотеческому учению всякий

Прп. Паисий Святогорец. Икона

грех, всякое зло начинается с помысла. Поэтому, чтобы духовная борьба была правильной, в первую очередь, её следует направлять на рассмотрение помыслов, чтобы злые, греховные не принимать, а добрые – возделывать. В этом делании должны подвизаться все христиане, но особенно – монахи.

Прп. Исаак Сирин выделяет следующие причины возникновения греховных помыслов: во-первых, от естественной плотской похоти; во-вторых, от чувственных представлений мирских предметов, о которых человек слышит и какие видит; в-третьих, от душевной склонности человека и его прежних впечатлений; в-четвертых, от приражения бесов, воюющих с нами и желающих погубить нас через вовлечение в какую-либо страсть. Однако понятие «помысл» не всегда име-

ет негативный смысл. Существуют благие божественные помыслы, вложенные в сердце Богом или ангелом-хранителем. Святой Григорий Синаит делит помыслы на простые (естественные), противоестественные и сверхъестественные: «Вещи сами по себе рождают простые помыслы; бесовский же прилог рождает помыслы злые. Естественные помыслы отличаются от противоестественных... при сравнении. Помыслы мгновенно изменяются одни в другие: естественные в противоестественные, и те, кои по естеству, в такие, кои выше естества. Бесовские же прилоги ко всему прилипают, даже и к божественным»¹.

Апостол Павел наставляет отвращаться от плотских помыслов и стремиться к духовным (см. Рим. 8, 6 – 7). Возделывание добрых помыслов – это обязательное условие для добродетельной жизни и стяжания Божественной благодати. Учение о творении добрых помыслов изложил св. Тихон Задонский в труде «Сокровище духовное от мира собираемое». В каждом предмете, жизненной ситуации, природном явлении святитель видел назидательный пример для спасения души. Более подробно это учение в своих беседах излагает схимонах Паисий Афонский². Начало 2015 года ознаменовано радостным событием для всего православного мира – 13 января решением Священного Синода Константинопольской Православной Церкви он прославлен в лике святых.

Беду современного человека старец Паисий видел в том, что люди не имеют в себе доброты, не смотрят на вещи по-доброму, а мучаются злыми помыслами, тогда как добрый помысл – это «лекарство от всех духовных болезней». «Самая тяжелая болезнь нашей эпохи – это суетные помыслы мирских людей. У них может быть все что хочешь, кроме добрых помыслов. Они мучаются потому, что не относятся к обстоятельствам духовно. К примеру, человек едет куда-то на машине. В дороге начинает барахлить двигатель, и он приезжает на место назначения с небольшой задержкой. Имея добрый помысл, опоздавший скажет так: “Видимо, Благий Бог притормозил меня неслучайно. Кто знает: может быть, если бы не возникло этой задержки, я попал бы в аварию! Боже мой, как мне благодарить Тебя за то, что ты уберег меня от опасности!” И такой человек славит Бога. А тот, кто не имеет доброго помысла, отнесется к происшедшему недуховно и начнет обвинять и хулить Бога... Принимая то, что с ним случается, посредством “правого” помысла, человек получает помощь. А работая “налево”, он мучается, изводится, выходит из равновесия»³. Так старец характеризует проблему нашего времени. Усугубляется она ещё тем, что отсутствие добрых помыслов формирует у человека эгоцентричный взгляд на вещи. При таком мировоззрении он считает себя центром вселенной и к любой ситуации относится с позиции: «А удобно ли мне?», – то есть современный человек – эгоист.

¹ *Добротолюбие*. Т. 5. С. 191.

² Паисий Афонский (в миру Арсений Эзнепидис; 25. 07. 1924 – 12. 07. 1994) – святой блаженный старец, схимонах.

³ *Паисий Святогорец, схим.* Слова. Суроти, Салоники: Монастырь св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова; М.: Святая Гора, 2004. Т. 3. С. 23.

К сожалению, дух эгоцентризма проникает и в церковную среду. Люди приступают к христианским подвигам, желая стяжать добродетели, но при этом мало обращают внимания на то, что творится у них в душе, какие помыслы ими движут. Отсюда возникают новые проблемы: человек, который ищет для себя удобств, и Православие начинает переделывать под себя. Он уже не понимает подвигов мученичества и послушания – ему трудно отвергнуть собственную самость. Как говорит старец Паисий, такие люди хотят «въехать в рай на лифте с кондиционером».

Конечно, эгоизм противен Духу Христову, и Святой Паисий называет творение добрых помыслов главным оружием против него. Такие помыслы настраивают нас на «правильную духовную волну», на истинную добродетельную жизнь во Христе, так как несут в себе божественные черты: любовь, смирение, жертвенность. Наконец, когда человек научается смотреть на все по-доброму, он и сам становится иным. По слову старца Паисия, «вся основа в добром помысле. Именно он возвышает человека, изменяет его к лучшему. Надо достигнуть такого уровня, чтобы все видеть чистым. Это и есть то, о чем сказал Христос: *Не судите на лица, но праведный суд судите* (Ин. 7, 24). А потом человек входит в такое состояние, что видит все не человеческим зрением, но духовными очами. Он всему находит оправдание в добром смысле этого слова»¹.

Простым, доступным для каждого языком старец на примерах из повседневной жизни показывает глубокую духовную пользу творения добрых помыслов. По его собственному выражению, внутри себя он «открыл фабрику по производству добрых помыслов». Конечно, способность видеть все свято и чисто приходит не сразу. Как и в любом деле, здесь нужно внимание, трезвение и время, чтобы добродетель перешла в навык. Святой Паисий различал несколько стадий творения добрых помыслов: «Вначале человек подвизается, стараясь не осуждать других. Вступив во вторую стадию, противодействуя помыслу осуждения, он старается включать в работу добрые помыслы. Находясь в третьей стадии, он все, что видит, истолковывает в добром смысле. Появляются любовь и смирение. Когда душа очистится, уцеломудрится, то она не только не утруждается над тем, чтобы включать в работу добрые помыслы, но помыслы “слева” к ней даже не приходят. То есть то, что кажется достойным осуждения, она видит достойным оправдания»². В то же время, творение добрых помыслов – духовный труд, легкий и доступный каждому человеку, желающему вести добродетельную жизнь: «Помысл “слева” – это чужеродное тело, и человек должен постараться его отвергнуть. У каждого из нас есть силы на эту борьбу. Никто не может оправдаться тем, что слаб и не в силах бороться. Ведь добрый помысл – это не кирка и не кувалда, которые слабый человек не может поднять, потому что у него дрожат руки. Я не вижу ничего сложного в том, чтобы видеть все в добром свете»³.

¹ Паисий Святогорец, *схим.* Указ. соч. Т. 3. С. 21.

² Исаак, *иером.* Житие старца Паисия Святогорца. М.: Святая Гора, 2006. С. 493.

³ Паисий Святогорец, *схим.* Указ. соч. Т. 3. С. 61.

Как говорил духовный отец старца Паисия, Тихон (Голенков)¹: «Добрая привычка – это добродетель, злая привычка – страсть». Творение добрых помыслов должно войти в привычку. Но с чего начать?

ТЕХНИКА ДОБРОГО ПОМЫСЛА

Вся духовная жизнь основывается на помыслах. По качеству помыслов можно судить о духовном состоянии человека, так как все происходящие с нами события мы оцениваем в соответствии с тем, каковы мы внутри. Если помысл поврежден, то что бы человек ни увидел, он будет истолковывать это согласно своему внутреннему состоянию. Старец Паисий разделял людей на две категории: пчел, которых привлекают цветы и сладкий нектар, и мух, которых интересуют только нечистоты. «Те, кто похож на муху, в каждой ситуации выискивают что-то плохое и занимаются только этим. Ни в чем они не видят капли доброго. Те, кто похож на пчелу, находят доброе во всем. Человек поврежденный и мыслит поврежденно. Ко всему он относится с предубеждением, все видит шиворот-навыворот, тогда как тот, у кого добрые помыслы, – что бы ни увидел, что бы ему ни сказали – включает в работу добрый помысл»².

Когда старца спрашивали, почему нет плода, продвижения в духовной жизни, он отвечал, что, скорее всего, человек подвизается с гордостью, поэтому советовал обратить внимание на качество помыслов. Враг не нападает на человека, если не испортит его помысла, ведь добрый помысл – это «блиндаж». Как гласит пословица, свято место пусто не бывает, поэтому мало прогнать злой помысл, надо включить в работу добрый. Именно добрым помыслом побеждается злой. «Посредством добрых помыслов человек очищается и приемлет Благодать от Бога. А посредством “левых” помыслов он осуждает и несправедливо обвиняет других... А потом приходит диавол и терзает это-

Иеросхимонах Тихон (Голенков)

¹ Тихон (Голенков), иеросхимонах (1884–1968). Русский святогорский старец. Родился в деревне Новая Михайловка (ныне Волгоградская обл.) В возрасте 24 лет прибыл на Святую Афонскую гору и 60 лет провел в подвиге молитвы и покаяния.

² Паисий Святогорец, схим. Указ. соч. Т. 3. С. 29–30.

го человека»¹. Так, через добрые помыслы мы принимаем Благодать Божию, а посредством злых даем над собой власть диаволу.

Если человек не следит за своими помыслами, то враг запутывает его и, не имея возможности вовлечь во грех явно, посредством помыслов, отравленных греховным ядом, примешивает зло к его добрым делам. Тогда человеку кажется, что он живет добродетельно, но духовного плода такая жизнь не приносит. Например, подавая милостыню, важно, с каким помыслом мы это делаем. Если остаемся довольны тем, какие мы милостивые и щедрые, да еще и перед кем-нибудь невзначай похвалимся: «Да я на днях на храм пожертвовал...», – то такая милостыня не имеет никакой ценности пред Богом. И наоборот, даже если, не имея достаточно средств, даем самую малость, но от всего сердца, с болью о бедняке, Господь, видя доброе расположение, и жертву приемлет, и о бедняке позаботится. Еще бывает, что человек жертвует большие деньги в детские дома, больницы, а нанимая работника, рядится о зарплате, заботясь, как бы не переплатить. Святой Паисий по этому поводу говорил: «Так ты лучше меньше пожертвуй, чем строго взыскивать с того, кто с тобой рядом. Ведь в первую очередь нужно заботиться о том, кто к тебе ближе».

В духовной жизни главное – доброе внутреннее расположение. Для этого нужно очистить свое сердце, ибо, как сказано в Писании, от сердца исходит все злое (см. Мф. 15, 18). Непрестанное творение добрых помыслов приводит душу к твердому и правильному духовному устроению. Ум, отражая злой помысл добрым, не допускает грех до сердца, в таком сердце живет благодать, – тогда человек не только все видит чистым, но даже нечистое превращает во что-то полезное на своем «добром духовном предприятии». Для того, чтобы положить начало творению добрых помыслов, человек должен прийти в «доброе беспокойство», то есть дать правильную оценку своему внутреннему духовному состоянию: «Доброе беспокойство – это взывание и устремление. Оно придает душе удали, бодрости, приносит не страх и печаль, а утешение. Оно не напряжение и тревога, но ревность о подвиге. У вас иногда наблюдается некоторый застой. Вы говорите: “Я так подвигаюсь, в таком состоянии нахожусь” – и остаетесь там, где были. А как повел бы себя какой-нибудь святой в таком случае? Нет у вас этого порыва, этого стремления. Нет в вас внутреннего изменения, потому что еще не задвигался внутри рычаг доброго беспокойства, который бы сдвинул вас с места»². Чтобы бороться со грехом, для начала надо его в себе признать: «Да, я имею злых помыслов больше, чем добрых, я часто осуждаю других» и т. д. Как только человек со смирением осознает свою греховность, старец ему советует открывать фабрику «Добрых помыслов» – «самое выгодное предприятие для человека». Несмотря на то, что старец Паисий беседовал в основном с монахинями, его советы полезны

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 3. С. 21.

² Там же. Т. 5. С. 302.

для всех христиан: «Помыслы “слева” стали уже твоим состоянием, и от этого ты страдаешь. Ты нуждаешься в “правых” помыслах. Лукавые механизмы своего духовного предприятия ты должна реконструировать так, чтобы они стали добрыми... Тогда даже плохое и скверное твой ум будет перерабатывать в хорошее и доброе»¹.

Главные средства борьбы со злыми помыслами – молитва и бодрствование над собой. По слову святых отцов – Исаака Сирина, Григория Синаита, – никто без помощи Божией, особенно из новоначальных, не может отогнать помыслов лукавого. Старец Паисий советовал: «Произноси молитву Иисусову. Если же твой ум куда-то уходит, снова возвращай его назад. Делай это постоянно. Не позволяй уму кружиться. Ведь даже если твой ум постоянно находится в области не прямо греховных предметов, но вращается среди вещей нейтральных, эти нейтральные вещи, развлекая ум, тоже “нейтрализуют” его, и он расточается понапрасну. А кроме того, помыслы, которые рождаются от рассеянности, коварнее, чем помыслы откровенно злые. Ведь первые помыслы мы не замечаем, поэтому не выбрасываем их из себя»². Но одной молитвы недостаточно. Ведь если человек во время молитвы принимает только один нечистый помысл, то хоть бы он и часами молился, – это не принесет ему пользы. Старец о таких говорил: «Чем поможет ему аскеза, если он не борется против злых помыслов, но принимает их?... Один чистый, добрый помысл обладает силой большей, чем любой аскетический подвиг... Один добрый помысл равен по силе многочасовому всеобщему бдению!»³.

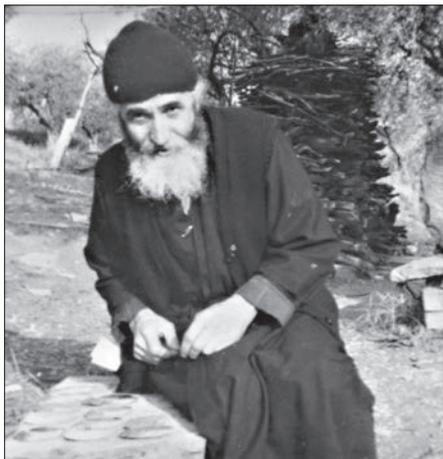
Бодрствование над собой означает постоянное внимание и трезвение, необходимые для наблюдения за приходящими помыслами. В поучениях старца сказано: «Необходимо внимание. Я вижу, как некоторые люди, будучи в начале своей жизни невнимательными, и сейчас, состарившись, остались такими же – несмотря на то, что стали монахами... Если нет трезвения, то сперва расслабляется наш помысл, потом расслабляется тело, и потом расслабляется весь человек, который уже не расположен ни к чему: ни к рукоделию, ни к духовным занятиям. А расслабляемся мы именно потому, что у нас нет постоянного трезвения»⁴. Чтобы любое доброе дело перешло в навык, оно требует постоянства. Как в достижении мирских благ человек прилагает много усилий, так и в жизни духовной нужно подвизаться, следить за собой, обнаруживать, что мешает духовному преуспению, просить Божией помощи и самому подъять великий духовный труд. Подражать доброму тяжелей, чем творить злое. *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15), – сказал праотец Давид, то есть от зла надо только уклониться, не принимать злого помысла, а благо нужно сотворить, приложив собственные усилия. Святой Паисий

¹ Паисий Святогорец, схим. Указ соч. Т. 3. С. 64.

² Там же. С. 62 – 63.

³ Там же. С. 20.

⁴ Исаак, иером. Указ. соч. С. 495.

объясняет это тем, что в злом нам помогает диавол, а в добром должен потрудиться сам человек. Господу же нужно наше свободное произволение, за которое Он и вменяет наше добро в подвиг.

Правильный духовный путь таков: не смотреть на других, а следить за собой. Если же поведение ближних нас соблазняет, значит, с нами еще не все в порядке. Потому что человек, научившийся включать в работу добрый помысл, всему находит оправдание. Как учил прп. Паисий: «Подвизаясь подобным образом, ты

возделываешь свое внутреннее духовное расположение и делаешь его добрым. И тогда, взирая на твое доброе расположение, Бог умилосердится над тобой и поможет тебе, после чего худые помыслы уже не найдут в тебе места. Они будут уходить, а для тебя уже совершенно естественным будет иметь в себе помыслы добрые. Ты приобретешь привычку к доброму, в твое сердце войдет доброта, и тогда в своей внутренней храмине ты примешь Небесного Гостя – Христа. Однако это дело не одного-двух дней. Необходимы время и непрестанная борьба для того, чтобы душа увенчалась победным венцом. Когда это произойдет, брань прекращается уже насовсем»¹. В подтверждение своих слов старец любил приводить простые примеры из жизни, иллюстрирующие, как злой помысл отгоняется добрым. Вот один из них: «Однажды ко мне в каливу пришел мальчик – ученик второго класса гимназии². Он постучал железным клепальцем в дверь калитки. Хотя меня ждал целый мешок непрочитанных писем, я решил выйти и спросить, что он хочет. “Ну, – говорю, – что скажешь, молодец?” – “Это, – спрашивает, – калива отца Паисия? Мне нужен отец Паисий”. – “Калива-то, – отвечаю, – его, но самого Паисия нет – пошел купить сигареты”. – “Видно, – с добрым помыслом ответил паренек, – батюшка пошел за сигаретами, потому что хотел оказать кому-то услугу”. – “Для себя, – говорю, – покупает. У него кончились сигареты, и он, как угорелый, помчался за ними в магазин. Меня оставил здесь одного, и я даже не знаю, когда он вернется. Если увижу, что его долго нет, – тоже уйду”. В глазах у паренька заблестели слезы, и он – опять с добрым помыслом – произнес: “Как мы утомляем Старца!” – “А зачем он тебе, – спрашиваю, – нужен?” – “Хочу, – говорит, – взять у него благословение”. – “Какое еще благословение, дурачок! Он же в прелести! Такой беспутный человечиска – я его знаю

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 3. С. 65.

² Соответствует 6-му классу русской средней школы.

как облупленного. Так что зря не жди. Ведь он, когда вернется, будет сильно не в духе. А то еще и пьяный зайвится – он ведь вдобавок ко всему и за воротник не прочь заложить”. Однако, что бы я ни говорил этому пареньку, ко всему он относился с добрым помыслом. “Ну ладно, – сказал я тогда, – я подожду Паисия еще немного. Скажи, что ты хочешь, и я ему передам”. – “У меня, – отвечает, – есть для Старца письмо, но я дождусь его, чтобы взять у него благословение”.

Видите как! Что бы я ни говорил – он все принимал с добрым помыслом. Я ему сказал: “Этот Паисий помчался за сигаретами”, а он, услышав это, начал вздыхать, на глазах появились слезы. «Кто знает, зачем он за ними пошел? – подумал он. – Наверное, хотел сделать доброе дело». Другие столько читают и добрых помыслов не имеют. А здесь – ученик второго класса гимназии имеет такие добрые помыслы! Ты ему портишь помысл, а он мастериит новый, лучше прежнего, и на основании его приходит к лучшему заключению. Этот ребенок привел меня в восхищение. Такое я увидел впервые»¹.

Конечно, умение на всякий злой помысл находить добрый приходит не сразу. Иногда, чтобы этому научиться, уходят годы «духовной тренировки». Здесь нужны постоянство и терпение, так как диавол ведет против нас непрестанную борьбу. После грехопадения человеческая природа стала удобопреклонной ко греху, но ищущему спасения помогает Господь – ведь каждый добрый помысл несет в себе Божественную благодать. Постепенно добрые помыслы будут умножаться, и внутреннее духовное состояние человека станет устойчивым к добру. Когда сердце очистится, диавольские приражения уже не прилепляются к нему. Это и есть то, о чем Спаситель сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Жизнь такого человека уже здесь, на земле, становится раем, в противном же случае человека терзают злые, лукавые помыслы, и его жизнь превращается в ад.

ЛИКВИДАЦИЯ СТРАСТЕЙ ДОБРЫМ ПОМЫСЛОМ

Как уже говорилось выше, старец Паисий считал, что главной духовной проблемой нашего времени является эгоизм, включающий в себя целый набор страстей: гордость, себялюбие, тщеславие, осуждение, равнодушие, подозрительность и т.д. По учению святых отцов, страсти – это силы души, данные человеку от Бога, которые от противоестественного употребления превратились в пороки. Например, гнев при правильном духовном устроении есть мужество, необходимое для духовной борьбы, но гнев, обращенный на ближнего, становится злой разрушительной страстью. Поэтому человек должен все свои духовные силы направлять на благо, достигая тем самым доброго духовного расположения.

Любая страсть врагуется противоположной ей добродетелью. Конечно, из страстного состояния перейти в добродетельное не просто. Но основа любой добродетели заключается в помысле. Прп. Паисий учил, что благочести-

¹ Паисий Святогорец, схим. Указ. соч. Т. 3. С. 30 – 31.

вый, добрый помысл помогает не впасть в рабство страстям. «Правый» помысл «иссушает» страсть так, что ее уже как бы не существует. Бесстрастие состоит не в том, чтобы не ощущать страстей, а в том, чтобы не принимать их. Без творения добрых помыслов человеку страстному не помогут ни молитва, ни аскетические подвиги. Что толку, если он строго постится, совершает длительные бдения, но при этом принимает помыслы зла. И наоборот, если мы имеем внутренний душевный мир, молитва движется сама: «Поэтому не держи в себе ни на кого зла. Если имеешь на кого-либо неправый помысл, исповедуй его... Прогони также и всякий другой неправый помысл, приводя вместо него добрые помыслы. Благими помыслами очищается путь, и молитва идет легко»¹.

СЕБЯЛЮБИЕ

Главное проявление эгоизма – себялюбие. Себялюбивый человек всегда ищет для себя удобств, ни с кем не считается, но все вокруг должны считаться с ним и ценить его, не может успокоиться, если что-то происходит вопреки его желаниям. Его жизненная позиция: «Я – центр вселенной». Но правильное мироустройство: Христос – центр вселенной, а нет Христа – нет и любви. Любовь к себе уничтожает любовь к ближнему.

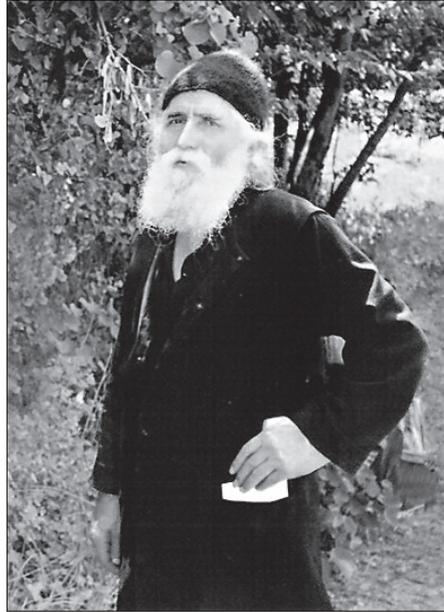
Старец Паисий говорит об этом так: «Сегодня почти во всех людях есть себялюбие, но нет духа жертвенности. Сегодня господствует дух: “лишь бы мне не было плохо”. Знаете, как тяжело смотреть на окружающих! <...> В наше время большинство думает о том, как сесть на место другого, а не как поставить себя на его место. Я иногда наблюдаю, как некоторые подходят к причастию, обгоняя других. Каждый из них думает: “У меня дела, я спешу” – и не думает: “А достоин ли я причаститься?” или “может другой человек больше меня спешит?” Ничего подобного! Причащаются и спокойно уходят. А ведь даже если тебе не хватит Причастия, то ты должен радоваться, что оно досталось другому, а не тебе. А если у священника только одна частица, одна жемчужина, и найдется больной человек, находящийся при смерти, которому нужно Причастие, ведь тебе нужно радоваться, что не ты причастишься, а он. Вот чего хочет от нас Христос. Вот так Христос и входит в сердце, наполняя человека радостью»².

Страсть себялюбия врачуется жертвенностью. *Никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. 10, 24), – наставляет апостол Павел. В этом и состоит основание духовной жизни: забывать себя и участвовать в жизни другого, не искать способа избежать трудностей, а наоборот, стараться помочь ближнему, разделить с ним его боль и скорбь, доставить ему радость. Чтобы исполнить это на деле, нужно пресекать себялюбивую позицию – «а как мне удобно?», «а будет ли мне хорошо?» – помыслами: «а будет ли удобно другим?», «будет ли это хорошо для моих ближних?». Дух жертвенности

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 6.

² Там же. Т. 5. С. 38, 40.

в себе надо воспитать, для начала пожертвовав собственным эгоизмом. Существует духовный закон: если человек заботится только о себе и совсем не думает о других, то в трудную минуту он не получит не только божественной, но даже человеческой поддержки. И наоборот, о таком человеке, который не берет в расчет себя и свои личные интересы, но постоянно жертвует ими ради других, печется Сам Господь. Он проверяет, есть ли у нас умение жертвовать собой, когда мы попадаем в трудную ситуацию. Старец Паисий говорил, что лучше всего это видно на войне, перед лицом настоящей опасности: «...Кто приучился думать только о себе, тот и в трудную минуту тоже будет думать о себе. Если же кто-то заранее учится думать не о себе, но о других, то и во время опасности он будет думать о других. Тогда станет видно, в ком есть действительная жертвенность, а в ком – самолюбие»¹.

Наивысшая радость происходит от жертвы, потому что видя наше самоотречение, Господь подает нам Свою благодать. За сделанное добро человеку воздается божественным утешением. В подтверждение этому прп. Паисий приводил следующие случаи из своей жизни: «Однажды поздно вечером я шел из монастыря Ставроникита в келью отца Тихона, которую приводил в порядок, собираясь поселиться там. По дороге меня остановил человек. За спиной у меня был тяжелый мешок, к тому же моросил дождь, а я стоял и слушал. Уже стемнело, а он говорил и говорил не переставая. Мы вымокли насквозь. В какой-то момент мне пришел помысел: «Как же я найду свою келью? Ночь, грязь, дорога трудная, и фонаря нет». Но как прервать человека?.. Так мы стояли до полуночи. Наконец распрощались. Я пошел своей дорогой, но только ступил на тропу, ведущую к келье, поскользнулся и свалился в кусты. Башмаки полетели вниз, мешок зацепился за ветки, а подрысник задрался до шеи. Ничего не видно. Тогда я сказал себе: «Лучше остаться здесь. Прочитаю повечерие, полунощницу, утреню, а там, глядишь, и рассветет, и до кельи доберусь. А тот бедняга, найдет ли он дорогу?» Как только я дошел до «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей», неожиданно, словно луч прожектора, сильный свет осве-

¹ Паисий Святогорец, схим. Указ. соч. Т. 2. С. 211.

Афон. Келья Честного Креста, где подвизались отец Тихон Русский и его ученик Паисий Святогорец

тил весь овраг! Я нашел ботинки и смог идти. Тропинка была освещена. Я дошел до кельи, нашел и ключ от замка, а он был такой маленький и спрятан так далеко, что даже днем я бы с трудом его отыскал. Вошел в храм, зажег там все лампадки. И тогда свет исчез – он больше был не нужен!»¹. «... В каливе, на Святой Горе, меня прихватила грыжа. Когда кто-то стучал в клепальце возле калитки, я и в снег и в холод выходил открывать. Если у человека были серьезные проблемы, то я и не чувствовал своей боли, хотя буквально перед этим был придавлен к кровати. Я угощал пришедшего чем-нибудь: одной рукой угощал, а другой держал грыжу. Все время, пока мы беседовали, я, несмотря на сильную боль, ни к чему не прислонялся, чтобы он не догадался, что мне больно. А когда посетитель уходил, я опять загибался от боли. Дело было не в том, что боль проходила или что я чудесным образом поправлялся, нет. Я видел, что другому больно, и забывал свою собственную боль. Чудо происходит, когда ты соучаствуешь в боли другого. Главное в том, чтобы ты ощутил человека братом и тебе стало за него больно. Эта боль трогает Бога, и происходит чудо. Потому что нет ничего другого, столь умиляющего Бога, как благородное ве-

¹ Паисий Святогорец, *схим.* Указ. соч. Т. 5. С. 51.

ликодушные, то есть жертвенность. Но в нашу эпоху великодушные являются редкостью, потому что пришли себялюбие, корысть»¹.

Жертвенностью не просто побеждается себялюбие, она уподобляет нас Христу, потому что Христос есть Жертва. В основании доброго помысла лежат жертвенность и любовь, которые позволяют в каждом человеке видеть своего брата. Придя в такое духовное расположение, мы сможем исполнить закон Христов – носить тяготы друг друга (см. Гал. 6, 2).

ОСУЖДЕНИЕ

Не судите, да не судими будете (Мф. 7, 1), – говорит Господь. Казалось бы, что может быть легче – не осуждай другого, и тебя не осудит Христос на Страшном суде. Но страсть осуждения настолько вошла в нашу природу, что практически не найдешь человека, который бы не осуждал.

Способность суждения дана нам Богом, но после грехопадения человек стал принимать лукавые помыслы, и она превратилась в страсть. Осуждение, клевета, злословие – смертные грехи, первым средством в борьбе с которыми прп. Паисий считает добрый помысл. Человек, который судит о других, согрешает тем, что ставит себя на место Христа, Единого Судии. Только Христос может судить людей, зная все их дела и помышления. Человеческая природа, поврежденная грехом, не позволяет правильно оценивать события, зачастую мы вообще не знаем истинного положения дел. Это очень хорошо показывает следующий случай, рассказанный старцем: «...в одном обособленном монастыре за каждое послушание, в зависимости от его сложности, братии давали денежное вознаграждение. Поскольку в то время в монастырях была нехватка людей, некоторые из братии, у кого были силы, брали на себя помногу послушаний и вознаграждения получали больше, но раздавали полученное бедным. Был там один монах, которого звали Жадиной, потому что он не раздавал денег. Когда этот монах умер, то на погребение его оплакивать собрались бедные крестьяне отсюда, с Халкидики – с Великой Панагии, с Палеохори, Нэохори. Эти крестьяне держали волов и перевозили лес, деревянные лаги; тогда все возили на волах, не то, что сейчас – на самосвалах, на лесовозах. Так вот, этот монах что делал: собирал-собирал деньги, которые ему давали за те послушания, которые он выполнял, а когда видел, что у какого-то хозяина, главы семейства, был только один вол или же он околевал, то монах покупал ему вола. Купить вола в те годы было делом нешуточным, он стоил пять тысяч драхм, а деньги тогда были твердые. Другие монахи подавали пять драхм одному нищему, десять – другому, двадцать – третьему, и их благодеяния были видны. А умерший был совсем незаметен, потому что он не подавал милостыню подобно другим, а копил деньги и помогал людям по-своему. Так вот его и прозвали жадиной, скупердям. А в конце концов, когда он скончался, собрались бедняки и плакали: “Он меня спас!” – говорил один. “Он меня спас!”, – говорил другой. В те годы, имея вола, можно

¹ Паисий Святогорец, схим. Указ. соч. Т. 2. С. 202.

было перевозить лес и содержать семью. Братия монастыря была поражена. Потому я и говорю: «Где нам знать о других, что делают они?»»¹.

Еще осуждение страшно тем, что мы видим человека только в определенный промежуток его жизни, замечая и осуждая его недостатки, но часто не знаем, как складываются дальнейшие обстоятельства. Возможно, человек давно покаялся, изменился, стал святым и уже творит чудеса, а мы его до сих пор осуждаем.

Дьявол работает на два фронта, соблазняет одного вести себя предсудительно, чтобы другого навести на грех осуждения. Он обоим готовит ловушки. Например, один человек просит другого выполнить какую-то нетрудную работу, допустим, полить цветы. Тогда враг старается занять этого человека другими помыслами, чтобы отвлечь и довести до забывчивости, а того, кто просил его об одолжении, будет искушать помыслами осуждения за несделанную работу. Получается, что человек осуждает брата за ошибку, которую тот совершил отчасти по его же вине. Но стоит одной из сторон включить в работу добрый помысл, как все козни лукавого терпят крах.

Человек осуждает других по многим причинам: от самомнения или гордости, от самооправдания, из-за нехватки любви и из-за презрения. Но все эти причины сводятся к одной – человек видит недостатки других: «Тот, кто правильно над собой совершает духовную работу, для всех находит смягчающие вину обстоятельства... Увидев в ближнем какой-то – большой или малый – недостаток, такой человек оправдывает его, включая в работу добрые помыслы»². Старец Паисий учил, что если дьявол подкидывает нам лукавый помысл, а поведение ближнего начинает нас чем-то соблазнять, нужно спросить себя: «А нет ли этого недостатка у меня?» Ведь душа узнает только то, что ей знакомо. Например, мы видим в другом человеке раздражительность именно потому, что знаем, что это такое, значит, мы и сами раздражаемся. Если человек чего-то опытно не познал, то при встрече с таким предметом или явлением он не сможет его узнать. Допустим, если кто не был влюблен, то сколько не рассказывай ему об этом чувстве – все равно он не поймет. А человек лукавый даже добродетели ближних истолковывает лукаво. Если он увидит прохожего, который тайно творил милостыню и теперь поздно возвращается домой, то подумает про него: «Вот, всю ночь где-то пьянствовал». А человек, включающий в работу добрый помысл, даже если видит преступника, жалеет его и думает: «Кто знает, как сложилась его жизнь, может, его с детства приучили воровать, много лет он провел в тюрьме и не видел ничего хорошего. Если бы я оказался на его месте, то совершил бы ещё более худшие преступления».

Святой Паисий предлагал рассуждать так: «Все беды у людей из-за меня, потому что я не святой. Вот если бы я жил свято, то творил бы чудеса, тогда

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 2. С. 171 – 172.

² Там же. Т. 3. С. 97.

я мог бы помолиться, и мой брат бы не грешил». Таким образом в душе поселяется смирение, а вслед за ним приходит любовь к ближнему. Добрые помыслы помогают нам не осуждать других, а обращать внимание на себя. Когда мы будем работать над собой, над своими страстями, очищая души, и недостатки ближних будут казаться нам маленькими, а наши собственные – большими. Так рассуждали все святые, считая себя самыми грешными на земле, именно добрые помыслы привели их к истинному покаянию.

РАВНОДУШИЕ

Равнодушие (или безразличие) является ярким признаком эгоизма. Святой Паисий в своих беседах с болью отмечал, что ныне преобладает дух теплостыдности и совсем нет отваги и мужества. «...Сегодняшнее поколение – это поколение равнодушия! Большинство только для парада и годится. Если что-то случится, то не скажи им: “Обороняйтесь!” Впрочем, ведь и парадом сейчас не хотят! Раньше ходили на парады, слушали марши, у них внутри что-то трепетало. Сегодня среди нас... есть расхлябанность»¹.

Все начинается с безразличия к Богу, впоследствии это приводит к безразличию и равнодушию ко всему остальному – к родителям, семье, родине. Кто не любит Бога, тот не любит никого. К несчастью, сейчас равнодушие в нас пытаются культивировать. Современного человека уже мало волнует то, что происходит вокруг. Никому ни до чего нет дела – это проявляется даже в повседневных мелочах. Если где-то запахнет горелым, никто не поинтересуется – может, начинается пожар? Если заплачет ребенок – никто не побеспокоится: может, обижают его или он потерялся? Это имеет отношение к духовной области, ибо в неравнодушии к людям присутствует любовь. В таких случаях старец Паисий говорил: «Другое дело, если у тебя такая вера, что если начнется пожар и ты станешь молиться, то пожар потухнет. Если же такого нет, то надо действовать... по-человечески... Туда сразу же направляется мой ум, и я начинаю молиться о происходящем. С тем, кто безразличен к себе от любви к другим, пребывает великое Божие попечение, и все люди заботятся о нем»².

Равнодушие – близкий брат эгоизма, потому что человек ставит в центре мироздания себя, а не Христа. Если ум человека не во Христе, то его сердце молчит, поэтому такой человек не любит ни Бога, ни Его творений. «Если человек хочет достигнуть того, чтобы думать о ближнем, то его ум должен быть сначала утвержден во Христе. Тогда он думает и о ближнем, а потом думает и о животных, и о всей природе. Его “радиостанция” включена, и как только приходит сигнал – он спешит на помощь»³. Человеку нужно осознать духовный смысл добра, почувствовать его необходимость, тогда он становится чутким, и ему в хорошем смысле до всего есть дело, он не пройдет мимо чу-

¹ Паисий Святогорец, *схим.* Указ соч. Т. 2. С. 38.

² Там же. С. 37 – 38.

³ Там же. С. 37.

жой боли. О достигшем такого состояния старец говорил: «Духовный человек – весь сплошная боль, то есть ему больно за то, что происходит, ему больно за людей. Но за эту боль ему воздается божественным утешением. Он чувствует боль, но чувствует в себе и божественное утешение, потому что Бог из Рая в его душу бросает благословения, и человек радуется от божественной любви. Вот что такое радость, духовная радость – невыразимая и заливающая сердце»¹.

ДОБРЫЕ ПОМЫСЛЫ – САМАЯ КОРОТКАЯ ДОРОГА К ДОБРОДЕТЕЛЯМ

Добродетели – это богоподобные свойства человека, которые деятельно проявляются в его жизни как исполнение воли Божией. Святые отцы рассматривают добродетель в двух аспектах: внешнем и внутреннем. Внешний аспект добродетели – доброе дело, которое может совершаться даже с внутренним понуждением ради благоугождения Богу. Например, человек может подать милостыню, накормить алчущего, стерпеть несправедливое обвинение. Под внутренним же аспектом добродетели понимается духовно-нравственное состояние личности, для которой совершение того или иного доброго деяния стало отличительным свойством. В этом случае добродетель является чертой характера человека, она свойственна ему всегда, безотносительно к его конкретным поступкам. Про такого человека говорят: «он милостивый» или «он смиренный».

Поскольку на каждое доброе дело нас подвигают добрые помыслы, человек, научившийся непрестанно их творить, приобретает все добродетели. Прп. Паисий считал, что благодаря добрым помыслам человек достигает сверхъестественного состояния, становится богоподобен. Это состояние он описывает как совокупность нескольких добродетелей.

ДУХОВНОЕ БЛАГОРОДСТВО

«Благородство духовное – это духовное превосходство, жертвенность. Благородная душа требует только с себя, но не с других. Жертвует собой ради других, не ища воздаяния. Забывает о том, что дает, но помнит любую мелочь, которую получает. Обладает любочестием, смирением, простотой, бескорыстием, честностью... всем обладает. Обладает и величайшей радостью и духовным взыгранием, ликованием»², – так описывает это состояние души старец Паисий.

Имеющий духовное благородство поистине иной, – находясь в мире, он уже не живет мирской жизнью, но жизнью духовной, божественной. Человек проверяется в трудностях. Именно поэтому Господь попускает скорби, болезни, несправедливости, лишения. Чтобы лучше зреть духовную высоту благородства, рассмотрим поведение человека на разных этапах духовного развития. Часто бывает, что мы терпим несправедливое отношение к нам ближ-

¹ Паисий Святгорец, *схим.* Указ. соч. Т. 2. С. 51.

² Там же. Т. 5. С. 231.

них. Например, кто-то несправедливо нас ударил. Находясь на нижней стадии духовного развития, человек даст сдачи, на второй – сдержится, но будет чувствовать сильное смущение, обиду. На третьей – он уже не смущается, а на четвертой стадии – испытывает большую радость. Ведь если человека в чем-то несправедливо обвинили, но ему удалось оправдаться, он испытывает мирскую, ненастоящую радость. Если же человек относится к несправедливости духовно, с добрым помыслом, не заботясь о том, чтобы доказать свою невиновность, то он ощущает иную радость – истинную, духовную. «В жизни духовной иная система измерений, – говорил Паисий Афонский. – Те, кто достигают такого состояния, желают отблагодарить своего обидчика как за радость, которую он подарил им в жизни земной, так и за радость, которую он обеспечил им в вечности. Насколько же духовное отличается от мирского!»¹.

По слову Спасителя: *аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39). Если человек находится на первых трех стадиях, левую щеку он не подставит. И только в стяжавшем духовное благородство родится добрый помысл: «Бедный мой брат, как же он страдает! Как ему сейчас плохо. Может, ударит меня еще раз и успокоится, ему станет лучше».

Духовное благородство – это жертвенность и мужество. Такой человек более предпочитает отдавать, чем брать. Он живет, подражая Христу, всем жертвуя ради других.

Святой Паисий, деятельно познав радость этой добродетели, наставлял своих духовным чад: «Духовное благородное великодушие! Ничто так не радует Бога, как оно! Оно – приемник Божественной Благодати... Во всем требуется духовное благородство. Если человек этого не поймет, может в неделю бывать на трех ночных службах, трижды в месяц по три дня подряд держать строгий пост, молиться часами, хранить телесное целомудрие – и все это будет бесполезно. Не говорю, что все это не нужно, но главное, чтобы человек позаботился стяжать то, что важнее всего – духовное благородство, которое есть душевная непорочность. Чтобы в нем не было корысти, своеволия, эгоизма, человекоугодия и т. д., чтобы в нем мог обитать Бог. Когда всего этого нет, в человеке есть душевная непорочность, а значит, пусть даже и не молится человек, он родственен Богу, соединен с Ним <...> Хочу сказать, что тот, кто обращен на себя, не освободился от себя, своего “я”, в том нет великодушного благородства, а потому нет и Благодати Божией, и он не имеет Божественного просвещения»².

ЛЮБОЧЕСТИЕ

Заметим, что термин «любочестие» не имеет эквивалента в русском языке, но это понятие старец часто употреблял в своей речи, когда хотел показать значимость нравственного идеала и придавал ему большое значение в духовной жизни: «Любочестие – это эссенция доброты, любовь большой благодар-

¹ Паисий Святогорец, схим. Указ. соч. Т. 5. С. 82.

² Там же. С. 236 – 237.

ности, вся доброта и смирение. Это чистая любовь смиренного человека, который совершенно не ищет своего в том, что он делает. Его сердце исполнено духовной утонченности, восприимчивости и благодарности к Богу и образу Божию, человеку <...> Любочестные люди – благородные души. Они глубоко переживают... добро, которое им делают другие и стараются за него отплатить, но, что бы они ни сделали, чувствуют, что этого мало. Они никогда не забывают сделанного им добра»¹.

Любочестный человек искренен, обладает смирением и простотой. Но его простота – не наглость и не глупость, а та простота, которой обладал Адам до грехопадения: он видит все чисто и бесхитростно, потому что у него всегда добрые помыслы о других. Любочестный человек не считает, сколько добрых дел сделал он, а сколько – другие. Наоборот, он старается сделать больше других, чтобы облегчить их труд, но так, чтобы это было незаметно. Он всегда имеет в душе мир и понимает нужду другого. Если ближнему плохо, как бы тот ни старался сделать вид, что у него все в порядке, любочестный человек сразу это поймет и постарается ему помочь или, наоборот, не будет беспокоить. Люди, обладающие таким качеством, как любочестие, сразу понимают, что полезно и приятно другому, потому что постоянно думают о других.

Только любочестие наполняет любой христианский духовный подвиг божественным утешением и радостью. Сколько бы лет ни подвизался человек в самых тяжелых аскетических трудах, если нет любочестия, – все это лишь сухая дисциплина или, как говорил старец, – «европейская пунктуальность». Если трудиться только для того, чтобы спастись, к такому подвигу применяется эгоизм. Подвизаться надо для того, чтобы доставить радость Христу. «Христос – нежный Отец, а не тиран, – говорит св. Паисий. – Понятно, что любочестный человек никогда не подвизается ради удобства и наслаждения. И даже если Бог не откроет ему рай, он не обидится, потому что не говорит: “Буду подвизаться, чтобы оказаться в раю, чтобы жить хорошо и не мучиться в преисподней”, но не грешит по любочестию, так как не хочет оказаться в аду и оскорбить Христа, своего Благодетеля. И если Христос ему скажет, что и в раю ему придется терпеть муки, то он все равно захочет быть там ради Христа»².

Старцу часто задавали вопрос о том, что любочестным человеком, его безотказностью и простотой могут воспользоваться непорядочные, хитрые люди. На это преподобный отвечал, что любочестные люди в полной мере исполняют евангельские слова: *если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?* (Мф. 5, 46). «Люди любочестные и духовно восприимчивые добровольно терпят лишения из-за уступок, которые они делают другим людям по любви к ним или из-за лукавства других, но сами никогда не стремятся найти справедливость в этой суетной жизни. Люди любочестные в этой

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 5. С. 241 – 242.

² Там же. С. 243 – 244.

жизни расплачиваются со всеми долгами, но получают и помощь от Бога и в другой жизни будут иметь великое воздаяние»¹.

ВЕРА В ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

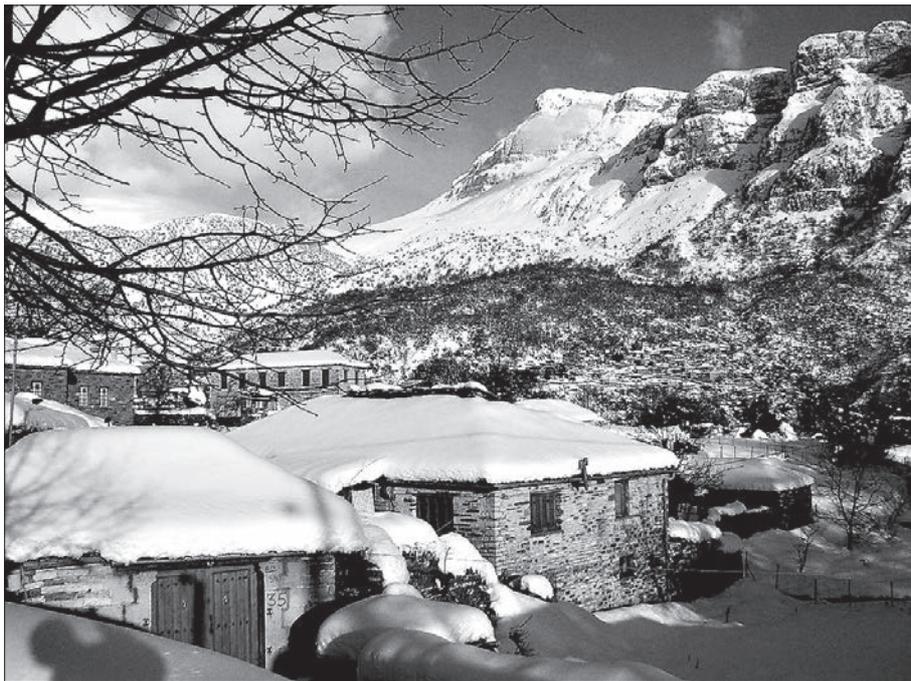
Вера в Промысл Божий – основополагающая добродетель, с нее начинается духовный путь человека. Суть этой добродетели заключается в убежденности человека в том, что все, случаемое в жизни, – будь то скорбь или радость, – попущено Богом. Без воли Божией не упадет ни один волос с нашей головы (см. Мф.10, 30), и поскольку Бог есть истинное благо, то Его святая воля есть благо для всех существ.

Добрый промысл имеет своим основанием любовь, жертвенность и веру в Промысл Божий. Человек может относиться ко всем обстоятельствам с добрым промыслом только с позиции веры, принимая все как бы из руки Божией. Если же веры нет – никогда добрым не станешь. Потому что, если верить, что все попущено Богом для нашего блага, и относиться к обстоятельствам духовно, в душе будет нескончаемая радость и благодарение Богу за все. В противном случае мы бываем недовольны людьми, обстоятельствами и, тем самым, ропщем на Бога, потому что это Он послал нам этих людей и поставил нас в такие обстоятельства. Злость в этом мире происходит от маловерия. Маловерные люди сами препятствуют тому, чтобы к ним пришла Божественная помощь. И наоборот, если человек полностьюверяет себя Промыслу Божию, этим он как бы «обязывает» Бога заботиться о нем. Старец Паисий, как и все святые, во всем видел благодать Божию: «Бог печется о нас. Он видит наши нужды, наши желания и, когда что-то служит нам во благо, Он подает нам это. Если человеку в чем-то необходима помощь, то Христос и Пресвятая Богородица помогают ему <...> Когда мыверяем себя Господу, Он, наш Добрый Бог, следит за нами и печется о нас. Как добрый Управитель Он дает каждому из нас то, что нужно. Он входит даже в частности наших вещественных нужд. И для того, чтобы мы уразумели Его заботу, Его промысление, Он дает нам ровно столько, сколько нам нужно <...> Если человек доверяется Богу, то Бог не оставляет его. И действительно: если завтра в десять часов тебе что-то понадобится, то (если эта потребность не превышает пределы разумного и вещь действительно необходима) без пятнадцати десяти или полдесятого Бог будет иметь ее готовой для того, чтобы дать тебе. На-

Старец Тихон, наставник о. Паисия.
Фото 1966 г.

¹ Паисий Святотгорец, схим. Указ. соч. Т. 5. С. 248.

Афон. Монастырь Стомион зимой

пример, завтра в девять тебе нужна кружка. Без пяти девять она уже будет у тебя. Тебе требуется пятьсот драхм. В час, когда они нужны, появляются ровно пятьсот драхм, причем не пятьсот десять и не четыреста девяносто... Я понял это, видя, сколько времени требуется для того, чтобы какая-то вещь пришла ко мне откуда-то ровно в тот самый час, когда она мне нужна. Следовательно, Бог заботится об этом заранее.

Когда батюшка Тихон [имеется в виду духовник о. Паисия. – *Прим. автора*] поселился в каливе Честного Креста, в ней не было храма, в котором он нуждался. Даже денег на постройку у него не было – ничего, кроме великой веры в Бога. Как-то раз, помолившись, он отправился в Кариес с верою в то, что Бог поможет ему с деньгами, необходимыми для строительства церкви. На пути в Кариес его издали окликнул настоятель Ильинского скита. Когда батюшка Тихон приблизился к нему, тот сказал: “Один добрый христианин из Америки прислал эти доллары, чтобы я отдал их какому-нибудь подвижнику, у которого нет храма. У тебя как раз храма-то и нет, возьми же эти деньги и построй”. Отец Тихон прослезился от умиления и благодарности Богу, Сердцеведцу, позаботившемуся о храме еще до того, как отец Тихон Его об этом просил – так что, когда он помолился об этом, деньги были уже готовы»¹.

¹ Паисий Святогорец, *схим.* Указ. соч. Т. 2. С. 261 – 263.

Но бывает и так, что человек просит одного, а у Господа другие планы, и Он устраивает все по-своему. В этом случае наша вера в Промысл Божий и добрый взгляд на обстоятельства испытываются еще больше. Старец Паисий рассказывал, что когда он был в одном афонском монастыре, то хотел уйти в пустыню. Он договорился с лодочником, чтобы тот переправил его на пустынный остров, но в назначенное время лодочник не появился. Тогда старец решил пойти на Катунаки, так как в то время Катунакская пустыня была ему по душе. Однажды после вечерней молитвы старец прилегал отдохнуть. Вскоре раздались удары в било, созывающие братию на молитву в храм. Святой хотел встать, но не мог, будто какая-то невидимая сила приковала его к кровати. В таком состоянии он находился до полудня, как вдруг ему было видение: с одной стороны пустынные Катунаки, с другой – монастырь Стомион в Конице – небольшом городке, в котором жили многие родственники старца. С горячим желанием отец Паисий устремил взгляд в сторону Катунак, но раздался некий голос: «Ты не пойдешь на Катунаки, а поедешь в монастырь Стомион». Это был голос Пресвятой Богородицы. Тогда святой Паисий взмолился: «Матерь Божия! Я просил у Тебя пустыни, а Ты посылаешь меня в мир?» В ответ он услышал: «Ты поедешь в Коницу и встретишь такого-то человека, который тебе очень поможет»¹. Старец сразу же освободился от уз, а его сердце преисполнилось благодати. Как выяснилось впоследствии, святой Паисий оказался в Конице не только для того, чтобы возродить монастырь Пресвятой Богородицы, – воля Божия была еще и в том, чтобы помочь восьмидесяти семьям, совратившимся в протестантство, вернуться в Православие.

Добрый помысл помогает верующему человеку даже скорбные обстоятельства принимать с радостью и благодарением. Он, и терпя лишения, видит в этом благой Промысл Божий: *неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?* (Иов 2, 10) – как бы ко всему человечеству обращается праведный Иов. «Благодушествует ли кто, терпит ли лишения – за все Бога да благодарит», – наставляет апостол. Псалмопевец Давид восклицает: *Господи, искусил мя еси и познал мя еси* (Пс. 138, 1). В искушениях познается наше внутреннее духовное расположение, поэтому Господь периодически устраивает нам «экзамены». Но Он никогда не попустит человеку испытание, если из него впоследствии не выйдет что-то хорошее. Только зная, что добро, которое произойдет, будет больше, чем зло, Бог попускает диаволу искушать нас. Примером этому служат и житие многострадального Иова, и история Иосифа прекрасного, которого родные братья продали в рабство (см. Быт. 37, 20 и далее), и время страшного безбожия в нашей стране, давшее нам целый сонм Русских святых. Прп. Паисий говорил: «Бог все попускает для нашего блага. Мы должны в это верить. Бог позволяет диаволу делать зло, чтобы человек боролся... Если бы диавол не искушал нас, то мы могли бы возомнить о себе, будто мы – святые. И поэтому Бог попускает ему

¹ Исаак, иеромонах. Указ. соч. С. 113.

уязвлять нас своей злобой. Ведь нанося нам удары, диавол выбивает весь сор из нашей пропыленной души, и она становится чище. Или же Бог позволяет ему набрасываться и кусать нас, чтобы мы прибегали к Нему за помощью. Бог зовет нас к Себе постоянно, но обычно мы удаляемся от Него и вновь прибегаем к Нему, только когда подвергаемся опасности»¹.

Кто имеет глубокую веру в Промысл Божий, тот не может не любить, – он настолько утвердился в добре, что тех, кто его обижают, поносит, клеветает на него, он, по слову Спасителя, благословляет и любит их, своих гонителей, зная, что все действия этих людей попустил Господь. Человек может и не знать, для чего те или иные испытания попущены ему Богом, но он верит, что Бог благ и желает ему только блага. На своих обидчиков такой человек смотрит как на проводников воли Божией, рассуждая примерно так: «Если этот человек груб со мной, возможно, Господь хочет, чтобы я смирился». Он не имеет обиды на обижающего, потому что по-доброму думает о нем, жалеет его: «Господь вложил ему идти поругать меня. И вот он раздражается, злится, а все из-за меня, чтобы меня вразумить, чтобы я изменился». Так добрый помысл рождает веру, вера – любовь, а где любовь – там Христос.

МОЛИТВА И ДОБРЫЙ ПОМЫСЛ

«Вся основа в качестве молитвы. Молитва должна быть сердечной и происходить от боли. Для Бога достоинство имеет не столько количество, сколько качество молитвы. Количество молитвы в монастырях есть, но этого мало, должно быть и качество. Сколько людей молится и по столько часов! Да если бы эта молитва была сердечной, то мир давно бы изменился бы! А потому цель в том, чтобы церковные службы совершались от сердца.

Сердечная молитва помогает не только другим, но и нам самим, поскольку она содействует тому, чтобы в нас появилась внутренняя доброта. Когда мы ставим себя на место другого, в нас естественным образом появляются любовь, смирение, благодарность Богу с непрестанным Ему славословием. И тогда, став благоприятной Богу, наша молитва о ближнем помогает ему»².

Молитва – это тот же добрый помысл. Когда мы молимся о ближнем, нами движет желание ему добра. Самая высокая молитва – молитва, совершаемая с болью. Призирая на такую молитву, Господь творит чудеса – божественную помощь получает и тот, о ком молятся, и сам молящийся преобразуется. Чтобы по-настоящему почувствовать боль другого человека, нужно стать им или, как говорил старец, буквально «влезть в его кожу». Когда чужая боль становится своей, стоит лишь вздохнуть о человеке, как он тут же получит Божественную помощь, если же боли нет – не помогут и многочасовые бдения.

Настоящая молитва – своего рода страдание, а тот, кто занимается непрестанным молитвенным деланием, – мученик, ведь он постоянно чувствует

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 1. С. 59.

² Там же. Т. 2. С. 319.

боль за весь мир. Но тут снова действует закон Божественной Благодати: человек может по-настоящему страдать за других только тогда, когда забывает о себе. И когда он произносит Иисусову молитву «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», то помышляет о себе, что он хуже всех. Смиренная молитва имеет большее достоинство, чем целое всенощное бдение, совершаемое с гордым помыслом. Когда человек отвергается своего «я» и в центр мироздания возводит Спасителя, понесшего боль и страдания всего мира, он разделяет со Христом Его ношу и соучаствует в несении общечеловеческой боли. По слову старца Паисия: «Если человек относится к боли по-духовному, то у него нет скорби <...> За это соучастие, за эту боль Бог воздаст ему божественным радованием. Конечно, человек не просит божественного радования, оно приходит как следствие, поскольку он соучаствует в чужой боли»¹. «Тому, кто страдает, не нужны наши многие слова, ни наши поучения. Он понимает, что тебе за него больно, и это помогает ему. Боль – это все. Если нам больно за других, то мы забываем себя, свои собственные нужды <...>. То есть при духовном отношении к чужой боли приходило божественное утешение, потому что если в боли есть надежда на Бога, то в ней есть и божественное утешение. А иначе как все это можно выдержать!»².

Один святой сказал, что в миру есть все: хорошие композиторы, прекрасные поэты, написавшие лучшие стихи, гениальные архитекторы, счастливые семьи... В чем по-настоящему нуждается мир – так это в молитве. И святой Паисий считает, что главная обязанность монаха – молитва за мир. «Бог призвал нас молиться о мире – мире, у которого столько проблем! Несчастные люди, они не успевают даже перекреститься! Если не будем молиться мы, монахи, то кому мы это оставим? Во время войны солдат находится в состоянии боевой готовности: он уже в сапогах, он только и ждет приказа. В таком же состоянии должен находиться и монах... Молитвою мы должны помочь всему миру, чтобы диавол не мог творить, что ему вздумается. Диавол добился сейчас неких прав. Бог не то чтобы позволяет ему делать все, что захочет, просто Он не хочет нарушать свободу воли. Поэтому нам нужно помочь миру молитвой. Если кому-то больно за то, что царит сейчас в мире, если кто-то остается об этом, то люди получают помощь, и при этом свобода их воли остается ненарушенной. Если Благодатью Божией вы еще немножко преуспеете, то мы предпримем что-то особое в отношении молитвы, поставим это дело как следует. Вы станете “радаром”, ведь и происходящее вокруг вынуждает нас к этому. Мы организуем молитвенную бригаду. Вы будете воевать четками. Молитва должна совершаться с болью. Знаете, какой тогда она обладает силой? <...> Кроме этого, монаху лучше помогать другим своей молитвой, а не своими словами. Если у него нет сил удерживать того, кто делает зло, то пусть он издали поможет ему молитвой, потому что в противном слу-

¹ Паисий Святогорец, *схим.* Указ. соч. Т. 2. С. 321, 323.

² Там же. С. 322 – 323.

чае он может повредиться сам. Одна добрая, сердечная молитва обладает силой большей, чем тысячи слов, когда слова не доходят до других. Про меня говорят, что я помогаю людям, которые ко мне приходят. Но своим настоящим приношением миру я считаю те полтора часа, в течение которых читаю Псалтирь <...> Если бы я мог отдавать молитве все свое время, то помогал бы миру больше. Предположим, в день я приму двести человек с их страданиями. Но разве в мире страдают всего двести человек? Не встретившись с кем-то одним и за это время помолвившись обо всем мире, я встречаюсь со всем миром. А поэтому я говорю людям: “Я хочу беседовать с Богом о вас, а не с вами о Боге. Так лучше для вас, но вы меня не понимаете”¹.

КАК ДОБРЫЙ ПОМЫСЛ ПОМОГАЕТ ИЗМЕНИТЬ БЛИЖНЕГО

Прп. Паисий советовал современным христианам, в особенности монахам, быть духовно чуткими, «словно листочек сусального золота», восприимчивыми к бедам и нуждам нашего мира. Сам старец, обнимая своей любовью и любовью все творение Божие, очень переживал за то, в каком состоянии находится мир. Часто его беседы начинались словами: «Мучения людей не имеют конца. Общее разложение – целые семьи, взрослые, дети... Каждый день сердце мое обливается кровью...», «Что теперь творится в миру! Дьявол разгулялся не на шутку...», «Какая в мире беда! Если болеть и беспокоиться о других, а не о себе самом, то весь мир виден, как на рентгене, который “просвечивает” духовными лучами». Но старец никогда не унывал, зная, что это временное попущение Божие и «в конце концов победит Христос».

Говоря о глобальных проблемах современного мира и частных, в жизни каждого человека, св. Паисий видел только в Церкви Христовой силу, способную противостоять злу и духовно преобразить мир. Поэтому он призывал христиан, и в особенности монахов, – «связистов между небом и землей», вести более добродетельную духовную жизнь. Старец считал, что изменить существующее положение в мире можно добрым примером собственной жизни и молитвой, что и составляет в совокупности творение добрых помыслов во внутреннем и внешнем делании. «В прежние времена было обилие добра, обилие добродетели, хватало добрых примеров, и зло тонуло во множестве добра. То небольшое бесчинство, которое существовало в миру или в монастырях, было незаметно и не вредило людям. А что происходит сейчас? Злых примеров изобилие, а то небольшое добро, что еще осталось, – не ставится ни в грош. То есть сейчас происходит прямо противоположное: малое добро тонет во многом зле, и у власти находится зло.

Если у одного человека или у нескольких людей есть подвижнический дух, то это весьма помогает другим. Потому что, если кто-то духовно преуспевает, то польза от этого будет не только ему самому, но и тому, кто его видит. То же самое и с человеком расхлябанным – он воздействует на других. А если расслабляется один, расслабляется другой, то постепенно, непримет-

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 2. С. 327 – 330.

ным образом, вокруг уже не остается ничего хорошего. Поэтому среди царящей расхлябанности очень поможет подвижнический дух»¹.

Правильная добродетельная жизнь всегда видна. Как говорил старец, «у добродетели есть правило “выдавать” человека, где бы он ни находился». Пример тому мы находим в житиях святых, которые, скрывая свои духовные дарования, уходили в леса, пустыни, прикрывались юродством, тем не менее добродетель «выдавала»: некоторых уже в земной жизни, а тех, кому при жизни все-таки удавалось скрыться, после отшествия в мир иной открывала благодать, которая обнаруживалась чудотворениями, помогая многим людям.

Молитва и творение добрых помыслов о человеке буквально возрождают его, изменяя к лучшему. Это два чудодейственных средства, помогающие, когда другие слова и действия бессильны.

Когда мы молимся о ближнем, то просим Бога вмешаться в его жизнь своей Святою благодатию и изменить её обстоятельства к лучшему (в спасительном смысле): помочь ему оставить какую-то страсть, подать крепость в искушении, скорби и т. д. Богу возможно все. Как говорилось выше, молитва с болью творит чудеса, так как к прошению о Божественной помощи мы добавляем и собственное усилие – сердечную боль. Во время молитвы работает наш ум, – ведь мы понимаем, что без Бога ничему невозможно быть, а когда мы испытываем боль за ближнего – работает наше сердце, и это уже добровольная жертва.

Святой Паисий замечает, что даже наши вещи, рукоделия «пропитываются» тем или иным духом, в зависимости от того, в каком духовном состоянии мы находимся. Если мы имеем внутренний мир и совершаем дело с молитвой, то наше доброе духовное состояние как бы отпечатывается на рукоделии, и наоборот, вещь, выполненная в спешке или в то время, когда человек гневается, нервничает, несет на себе нечто отрицательное. Человеку, который в дальнейшем будет пользоваться этой вещью, будет передаваться либо благая, либо, наоборот, негативная энергия.

Если молитва и доброе внутреннее расположение так благотворно влияют даже на бездушные вещи, насколько же большее воздействие они оказывают на душу человека, которого мы любим и которому желаем добра. «...Независимо от того, какую цель преследует человек, – включайте в работу добрые помыслы. Добрый помысл содержит в себе любовь. Он обезоруживает человека и подвигает его отнестись к тебе по-доброму».

Чтобы показать, как это происходит в жизни, святой Паисий рассказывал случай про разбойника, который проник ночью в монастырь, чтобы его ограбить, и про монахинь, которые приняли его за старца. Добрый помысл монахинь привел разбойника к покаянию, и он изменил свою жизнь. Такое благотворное действие доброго помысла иллюстрирует и случай, произошед-

¹ Паисий Святгорец, схим. Указ. соч. Т. 1. С. 29.

ший со святым Макарием. Когда авва возвращался со своим учеником в монастырь, им встретился язычник. Ученик преподобного шел впереди, а потому увидел его раньше и обругал. Язычник пришел в ярость и избил ученика. Спустя некоторое время и святой Макарий встретился с язычником, но он сообразил о нем добрый помысл, – увидев его несшим бревно, святой похвалил его трудолюбие и пожелал Божией помощи. Это тронуло сердце язычника, он пошел за аввой и сделался его учеником.

«Доброе расположение – это все», – часто повторял в беседах святой Паисий. Поистине чудотворец тот, кто видит все чистым и на все смотрит через призму доброго помысла. Добрый помысл несет в себе любовь, а любовь – это Христос. Поэтому, творя о ком-то добрые помыслы, мы направляем к нему нашу любовь, и в эту душу приходит Христос. В каком бы падшем состоянии ни находился человек, Господь всегда рядом с ним. Стоит человеку лишь на секунду обратить свою свободную волю к Богу, Господь тут же ему поможет. Добрый помысл «уничтожает» врагов любовью, превращая их в друзей. То есть когда мы «мстим» врагу, делая ему добро, в нем начинают действовать любовь и божественная благодать, а потом человек изменяется, потому что его обличает совесть. Однако делать добро с намерением, чтобы врага обличала совесть, – неправильно, в этом случае добро лишается силы. «Делай добро с любовью. Когда ты “мстишь” своему врагу добром, то он в хорошем смысле изменяется и исправляется»¹. *Благословите, а не кляните* (Рим. 12, 14), заповедует Господь. Святой Паисий всегда подчеркивал в своих беседах, что ни при каких обстоятельствах ни на кого нельзя произносить злых пожеланий, хотя бы сказанное и было без дурного умысла. Особенно аккуратными со словами старец советовал быть родителям. В назидание он приводил следующий случай из жизни. У одного человека был сын, который связался с плохой компанией и вечерами где-то пропадал. Однажды, когда сын собирался на улицу, отец не сдержался и крикнул ему вслед: «Смотри, доходишься – принесут раз и навсегда!» В тот же самый вечер на обратном пути около самого дома парня сбила машина.

«Знайте, что... даже просто негодование родителей действует очень сильно. И даже если родители не проклинали своих детей, а просто пришли из-за них в возмущение, то у последних нет потом ни одного светлого дня: вся их жизнь – одно сплошное мучение. Потом такие дети очень страдают всю свою земную жизнь»². Так святой Паисий уберегал родителей от страшных ошибок.

В то же время нельзя считать, что человек, имеющий добрые помыслы, оправдывает буквально все. Наоборот, в таком человеке нет безрассудного равнодушия – ведь существует такое понятие, как «праведный гнев». Человек, непрестанно творящий добрые помыслы, привел раздражительную силу

¹ Паисий Святгорец, *схим.* Указ. соч. Т. 1. С. 103.

² Там же.

души в правильное духовное устройство, научился пользоваться своим гневом во славу Божию, направляя его на врагов – демонов. Это то, о чем сказал пророк Давид: *Гневаясь, не согрешайте* (Пс. 4, 5), и тот случай, когда свт. Николай зашил еретика Ария. Святой Паисий объясняет это духовное состояние так: «Вопиать и гневаться от действительной боли, когда обижают других, – это “праведнейший гнев”. Гневаться, когда обижают тебя самого, – это гнев нечистый. Если видишь, что кто-то страдает за святыню, то это значит, что у него есть ревность по Богу <...> Если мы обличаем кого-то от любви, с болью, то независимо от того, понимает он нашу любовь или нет, в его сердце происходит изменение, потому что нами двигает чистая любовь. А обличение без любви, с пристрастием, делает обличаемого зверем, потому что наша злоба, ударяя в его эгоизм, высекает искры, как сталь в зажигалке высекает искры из кремня. Если мы терпим нашего брата от любви, то он понимает это. И нашу злобу он тоже понимает, даже если она внутренняя и никак не выражается внешне, потому что наша злоба вызывает в нем тревогу»¹. Об этом неоднократно в своих проповедях говорит и современный богослов, доктор педагогических наук, архимандрит Георгий (Шестун): «Сначала стань отцом, а потом и наказывай. Потому что только от родного человека, от отца примешь все, как из руки Божией. Но не научившись любить – отцом не станешь»².

В заключение хочется еще раз заметить, как важно творить добрые помыслы. По слову святого Паисия, «эту добрую привычку мы можем передать по наследству». Ведь от людей добрых происходит и поколение доброе. Хорошие, добрые традиции пропитывают все вокруг: землю, воздух, людей и продолжают жить в потомках. Старец замечал, что если в какой-нибудь деревеньке держатся доброго предания, то расспросив старчиков той местности, всегда можно услышать, что когда-то там жили добрые люди, которые и оставили им это предание в наследство. Как призывал нас святой Паисий Афонский: «Давайте жить более духовно, быть более дружными, помогать тем, у кого есть боль, помогать бедным с любовью, с болью, с добротой. Давайте молиться, чтобы появились добрые люди». Его же святыми молитвами помоги нам, Господи, всегда творить добрые помыслы!

Монахиня Феодосия (Тимашева) – эконома Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря. Родилась в 1979 году в г. Кинель Самарской области. Проходила обучение в Самарской государственной сельскохозяйственной академии. В 2007 году приняла монашеский постриг. Является слушательницей Высших Богословских Курсов Московской Духовной Академии.

¹ Паисий Святогорец, *схим.* Указ. соч. Т. 2. С. 55, 79.

² Из беседы с игуменией Феодосией в монастыре Пресвятой Троицы, о. Эгина.

«ДОВЕСТИ ПЛУГ ДО КОНЦА БОРОЗДЫ»

Архипастырское служение владыки Мануила в г. Куйбышеве (1960 – 1965) стало продолжением крестоношения. В заботе о пасомых он совершенно забывал себя, его переутомленный организм давал сбой, а Церкви Христовой предстояло пережить еще хрущевские гонения, когда по распоряжению местных властей дружинники активисты будут преграждать детям входы в храмы Божии, прямо нарушая слово Господне: *пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне* (Мф. 19, 14). Поистине вся жизнь святителя – крестный путь, но, как часто заканчивал владыка Мануил свои дневниковые записи: «Да будет во всем воля Божия!»

ДНЕВНИК МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

1960 год

ЯНВАРЬ

1. I. За последние дни во время массового благословения стал замечать боль в правой руке и какое-то расслабление в ногах. То ли ноют, то ли болят – толком не разберу. Единственное желание имею – умереть в храме облаченным и служащим. Но знаю, что недостойные эти пожелания.

Сегодня после всенощной в 9 часов вечера справили новогодний молебен. Храм был полон. Сослужили из Петропавловской церкви четыре священника и протоиерей.

4. I. Все эти дни занят усиленным писанием праздничных писем к Рождеству Христову. И так я нравственно и физически устал от этого, что чувство глухой ненависти к письмам снова проникает в душу мою. И особенно это отражается на оставшихся сложных письмах.

К вечеру напала на меня безотчетная тоска. Словно жду чего-то неотвратимого, неизбежного, связанного с моим отъездом из Куйбышева. Святой старец Андрей Корсунский прислал привет и сахар для спокойной радостной жизни.

6. I. Труд – источник бодрости.

Сегодня исполняется пять лет, как мы с о. Иоанном¹ закончили составление «Чина архиерейского отпевания». В жизни человеческой срок небольшой. Но в этом вопросе срок немалый. А результаты пока плачевные.

Публикуется впервые. Подготовлен к изданию по материалам фондов УСЕЦИМ кандидатом исторических наук А. П. Семеновой. Продолжение. Начало в «ДС» № 2 (70), № 3 (71), № 6 (74) за 2014 г. и № 1 (75) – № 3 (77) за 2015 г.

¹ Иеромонах Иоанн (Снычев) – келейник владыки Мануила (Лемешевского), его духовный сын.

Все эти дни тоска не пропадает. Тяжесть на душе. И так хочется длительного уединения, тянет в сосновые колтубанские леса, в хутор боголюбивых рабов. И они тоже ждут моего приезда, обещанного еще с осени...

8 и 9. I. Конвульсии на правой ноге. Падение на лестнице.

10. I. Остается еще две-три томительных недели ожидания вызова на сессию. А может быть и не вызовут, но да будет во всем воля Божия!

Сегодня я почувствовал снова сердечную слабость, как бы изнеможение некое... Лежал, но это не лечение. Да, смерть незаметно подкрадывается, а я совершенно не готов к ней. И тем более сейчас... Страх обуяет мою нерадивую душу.

11. I. Отец Николай Колчицкий¹. Мои переживания.

Ласковое слово не трудно, да споро.

Чему смолоду не научился, того и под старость не будешь знать.

Что делать – укажи, а как делать – покажи.

16. I. Наступает жатва... Разбросанные в период 1928 – 50-х годов мои так называемые пророчества, прозорливость мнений разлетаются, не выполняются... стыдно за себя и за слепую веру меня знавших.

19 – 20. I. Продолжаю хворать: боли и тому подобные прелести. Был на рентгене 20. 01.

23. I. Расплата это? Возмездие Божие?! Нездоровье мое.

27. I. День св. равноап. Нины. Встал рано, чтобы начать читать правило, но почувствовал такую сильную слабость, что даже сидеть не мог. И вновь лег на кровать, а через час как будто силы восстановились, и я выполнил все положенное.

29. I. Сегодня в архиерейском доме днем всем нам прививали оспу. В М. и в одном из наших районов появилась черная оспа. Настроение в городе унылое, особенно у неверующих. Как все это бедствие коснется верующих? Страх за закрытие храма из-за эпидемии. Верую в заботу Господа о нас грешных.

– Я все твоё возьму на себя.

31. I. Тайна Конца – познать ее нужно. Возрождение души.

Интерьер Покровского кафедрального собора. Куйбышев, 60-е гг.

¹ Протопресвитер Николай Колчицкий (1890 – 1961), управляющий делами Московской Патриархии с 1942 по 1960 год.

Владыка Мануил в гостях у А. А. Савина.
Куйбышев. 1960 г.

ФЕВРАЛЬ

1. II. Желание человека – одно из самых основных средств в достижении цели. «Хочу» – половина «могу».

Яко неплодную смоковницу не посецы мене, Спасе, грешнаго, но на многая лета прощение ми даруй, напаяя душу слезами покаяния, да плод принесу Ти милостыни (На стиховне стихиры покаянные, глас 7)¹.

Сила сих молитв в утаении от слуха и взора людского, в тайнодействовании ея [молитвы].

4. II. Сегодня закончил работу «Альбом Российского епископата» и справочник к нему.

11. II. В 11 часов утра начались какие-то подергивания в пальцах правой руки. Неужели это признак паралича? По грехам своим я не заслуживаю и этого конца жизни своей. Но покоряюсь воле Твоей, Господи!

Поживем, посмотрим, какие новости привезет мне из Москвы мой секретарь!..²

16. II. Сегодня в три часа ночи видел странный сон. Будто я проходил по Пятницкой в Москве и недалеко от церкви св. Климента увидел небольшую площадку, оформленную для какого-то торжества. В углублении ее на стульях сидит какой-то архиепископ с крестом на клобуке, а рядом с ним и в других рядах разные лица. Справа – несколько священников в зеленых епитрахильях³. Кто-то говорит, что скоро начнутся соревнования.

Проходя мимо, я был преисполнен тревоги за себя: заметит ли меня архиерей? По-видимому, он заметил и дал знать кому нужно. А я, преисполненный тревоги, стал метаться по лестницам ближайших домов. То поднимался, то быстро спускался. Наконец я взшел по небольшой лестнице в какой-то тупик. Слышу голос: «Кто там?» – Я в тревоге быстро спускаюсь вниз, открываю дверь на улицу и вижу, что ко мне подходит молодой человек, лет тридцати пяти,

¹ Канон покаянен ко Господу нашему Иисусу Христу и святым Его мучеником. Творение Иосифово, глас 7 во вторник утра. Из службы Великого вторника.

² Савин Андрей Андреевич – секретарь владыки Мануила в бытность его в Чкалове, впоследствии секретарь Куйбышевского епархиального управления († 3. 12. 2005).

³ Епитрахиль (*греч.* «на шее») – одно из священнических облачений, надеваемое на шею и свободно ниспадающее спереди. Знаменует собой сходящую свыше благодать Св. Духа и то, что подобен Христу, несшему крест на страдание, иерей, совершающий таинства страданий Христа. Без епитрахили службу совершать нельзя. Если же епитрахили нет, то таинство из-за этого не должно отлагаться. В таком случае иерей берет пояс или полотно и, благословив, надевает как епитрахиль и совершает службу. После этого вещь, получившая такое употребление, должна идти для употребления священного (*Нов. Скриж.Ч.* 1, гл. VI, §12, 16).

брить, но сердце мне подсказывает, что он священник. Он громко объявляет мне, что по приказу Святейшего я наказан (а сознание подсказывает: за что?) и ссылаюсь в монастырь на покой. Я стал ему возражать, что так не наказывают – без всякого следствия и в такой категоричной форме. Но этот человек не возразил, а предложил немедленно подчиниться приказу Святейшего. Так как я был очень огорчен и потрясен, то не запомнил даже названия монастыря. В подавленном настроении я проснулся...

19. II. Сегодня какое-то странное состояние: не то беспокойство, не то тревога. Тоска о книгах, рукописях моих: «Что с ними будет, когда умру или на покой ушлю?».

20. II. Сегодня с утра почувствовал общую слабость и сердечную в особенности.

21. II. Сегодня с двух до пяти пережил тяжелый припадок стенокардии и не поехал на вечерню служить акафист свмч. Харалампию.

24. II. Много людей обращается ко мне за молитвой о тяжело болящих и безнадежных с необычайным доверием в силу моих молитв. Что мне делать?

26. II. В последнюю неделю замечаю в себе интересное явление. Я начал бросать свои очки – глаза улучшились, зрение стало хорошим. Пишу письма мелким почерком без очков, читаю газеты без очков, чего раньше не было за последние три года. Благоговею перед милостию Божией и не смею ни с кем поделиться этим.

28. II. На этой неделе сердечный припадок с общей слабостью повторился утром в день свт. Алексия Московского. Пролежал почти полдня. Во время подступов как бы осязал себя мертвым, лежащим в подряснике на койке. Словно живая картина. Есть от чего содрогаться и горевать о своей нераскаянности! А час расплаты приближается ко мне незаметно...

МАРТ

1. III. Началась первая трудовая неделя Великого поста. Встаю с таким ослаблением, что, одевшись, вынужден или лечь на койку, или сидя читать утреннее правило. И после чтения канона Андрея Критского с потной головой вхожу в алтарь и должен сесть в диван, иначе в ногах слабость усиливается. Это впервые за всю свою жизнь ощущаю я такую ветхость и бренность своей телесной оболочки.

2. III. Сегодня перечитывал духовный дневник [владыки] Арсения¹, бывшего епископа Серпуховского, и нашел там одно интересное место – мне

¹ Арсений Жадановский (1874 – 1937) – епископ Серпуховской, викарий Московской епархии. Св. прав. Иоанном Кронштадтским благословлен в 1898 г. на принятие иночества. В 1899 г. были совершены монашеский постриг и рукоположение во иеродиакона. В 1899г. Арсений поступил в МДА, где в 1902 г. рукоположен во иеромонаха. Во время учебы часто посещал Гефсиманский скит, скит св. Параклита и Зосимову пустынь, где общался со свв. прпп. Алексием (Соловьевым), Варнавой (Меркуловым) и игуменом Германом (Гомзиным), духовным отцом Арсения. Присутствовал в июле 1903 г. на прославлении прп. Серафима Саровского. В том же году был назначен казначеем Чудова монастыря. Став впоследствии архимандритом монастыря, он сблизился со щмч. схигом. Серафи-

Архиепископ Арсений (Жадановский)

ния верующих о нем как о пастыре. То же самое я переживал и в Семипалатинске, Ленинграде в период (1917 – 1923 гг.).

«Мне один человек сказал: “Вас уважают за глубокую веру в Бога, смирение и приветливое отношение к людям”. Какое разочарование внесла эта похвала в мою душу! Острым ножом пронзила она мое сердце и довела до слез стыда и презрения к самому себе. Почувствовал полное несоответствие сказанного с тем, что есть на самом деле» [Духовный дневник епископа Арсения (Жадановского) 1916 г., стр. 470].

4. III. Сегодня видел странный сон. Будто я был на каком-то вокзале в хлопотах, потерял все свои вещи и баул с одеялом легким. Затем очутился в Патриархии. Но Патриарха Сергия

не удалось повидать. Тогда я побежал в Елоховский собор, где служил Патриарх Сергий. Но он служил, лежа в облачении в гробу, но с приподнятыми не ниже, чем на полметра, ногами. Служили незнакомые протодиакон и духовенство. В суете я снова побежал на вокзал. И здесь, к радости своей, нашел потерянный баул и другие мелочи. И успокоился. И проснулся...

15. III. С великими слезами ... закончил я сегодня чтение переписки митр. Филарета Московского с Андреем Николаевичем Муравьевым¹. И тут же отслужил литию об усопшем. Угнетает сознание своего духовного одиночества. Не с кем душу отвести. Окружение большое, но чуждое душе моей...

18. III. На этих днях церковница Груня ездила за Ардатов к блаженной страдалнице Сашеньке. И она сказала ей про меня: «Никогда твоего архиерея

мом (Звездинским), св. прав. прот. Алексием (Мечевым), схиигуменом Фамарью (Марджановой), и его стараниями Чудов монастырь стал одним из центров духовного просвещения в Москве. В 1914 г. Арсений (Жадановский) был хиротонисан во епископа Серпуховского. С первых лет советской власти неоднократно арестовывался, был в ссылке. В 1937 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности как руководитель «Истинно Православной Церкви». Расстрелян 26. 09. 37 г. В 1956 г. реабилитирован.

¹ Андрей Николаевич Муравьев (1806 – 1874) – выдающийся духовный писатель, автор «Истории Российской Церкви», путешествий по святым местам и книг о защите Православия. Рукопись его первой книги «Путешествие по святым местам в 1830 году» была просмотрена митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), ставшим вскоре духовным наставником Андрея. «Путешествие» было преподнесено Николаю I, после чего в 1833 г. А. Н. Муравьев был определен секретарем обер-прокурорского стола Св. Синода. Письма митр. Филарета (Дроздова) к А. Н. Муравьеву изданы им в Киеве в 1869 г.

Андрей Николаевич Муравьев. Портрет работы П. З. Захарова. 1838 г.

Свт. Филарет, Митрополит Московский. Гравюра Пожалостина. Серед. XIX в.

не переведут – останется на месте. А Собор ваш еще не скоро закроют». А за будущее сказала, что в Союзе останутся только семь или девять церквей. Вот это никак не умещается в моем сознании.

19. III. Вчера после обедни при разоблачении поглядел в зеркало. Создалось впечатление, что я и в голове, и в лице, и в фигуре как будто сморщился, съежился, стал по естеству меньше, ниже, чем был раньше. Это не повергло меня в отчаяние – сему подобает быть, но оно пришло наконец! И еще раз напомнило о скором Конце.

Сегодня во время служения субботней заупокойной обедни ощутил в себе нечто новое. За десять лет до своей кончины митрополит Филарет (Дроздов) не ощущал этих переживаний, ибо его переписка умалчивает об этом. Я даже могу как-то определить это, словно какое-то легкое дуновение объяло меня, словно я не ощущал своей телесной хранины, словно исчезла ломота в ногах и во всем теле и многое другое, чего чуждается моя душа.

Сегодня после всенощной вернулся назад только в 10 часов вечера, очень уставший, выпил только чашку чая и лег на койку от общей слабости. Испытывал полное безразличие к окружающим вещам и даже к книгам. Последнего раньше не наблюдалось. Все более склоняюсь к четкам и Богородичным...

АПРЕЛЬ

2. IV. Наместник Лавры рассказывал, что недавно митрополит Филарет¹ кому-то являлся во сне и напоминал о дне смерти его матери Евдокии (20

¹ Свт. Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский (1782 – 1867; † 19 ноября). Современники отмечали трогательное отношение знаменитого иерарха к своей

*Епископ Чебоксарский и Чувашский
Николай (Феодосьев). 1960 г.*

марта), а по новому стилю сегодня. И есть тетрадь записей о его заботах о нас за эти скорбные годы.

3. IV. Назначение нового епископа Чебоксарского и Чувашского Николая (Феодосьева) в академической церкви. Речь архимандрита Николая (Феодосьева) при наречении во епископа. Литургическое пение. Хиротония в Лавре – архиепископ Ермоген¹, еп. Михаил (Воскресенский) Оренбургский, еп. Пимен (Извеков) Дмитровский. Храм переполнен. Много москвичей, московского духовенства. Умилительное и мощное пение и чтение воспитанников Московской духовной академии потрясли душу мою. Воспоминания перенесли меня в период жизни моей, связанный с Лаврой с 1916 года. С чувством умиления и благоговения покидаю стены Академии и Лавры и святыни русско-

го сердца, – цельбоносные останки прп. Сергия Радонежского.

Торжества закончились к вечеру. Обед в трапезе, съемки и отъезд в Москву. Вечером – на куйбышевский поезд, отправка в 1 час 20 минут ночи.

В 7. 30 утра приезд в Куйбышев. Встреча на вокзале, и сразу поездка в Собор². Торжественная встреча. Духовенство из двух церквей, два хора и переполненный храм молящихся. Встреча с уполномоченным.

4. IV. Господи! Приостанови процесс разрушения телесного!

5. IV. Святейшему Патриарху Алексию. Сегодня, 5 апреля, вступил в управление Куйбышевской и Ульяновской епархией. Получил регистрацию от Уполномоченного и прописан. Мануил, архиепископ Куйбышевский и Сызранский. Прошу Вашего первосвятительского благословения на начало своего делания.

13. IV. Сон о Патриархе и разговор о Патриархе и моих словах. К вечеру самочувствие плохое.

14. IV. Загорск. Лавра. Ректору духовной академии, протоиерею Константину Ружицкому. Христос Воскресе! Приветствую Вас, дорогой отец Константин со светлым праздником Воскресения Христова! Вчерашняя вечер-

матери, Евдокии Никитичне, которую он окружил величайшим уважением, переселил к своему Троицкому подворью, где часто навещал ее.

¹ Ермоген (Голубев) с 1953 г. по 1960 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский.

² Покровский кафедральный собор г. Куйбышева (ныне Самара).

няя почта из Ленинграда принесла мне радостное известие о присуждении Вам степени магистра богословия. Сердечно поздравляю Вас с этой знаменательной и достойной наградой за Ваши труды.

В 4 часа дня в легком сне видел Святейшего. Говорил с укором о секрете моем.

15. IV. Патриарху Алексию. Христос Воскресе! Сердечно поздравляю Ваше Святейшество великим и радостным праздником Светлого Христова Воскресения, праздником любви и мира и вечной правды!

18. IV. Часа в 4 утра проснулся от такого упадка сил, что ни сесть ни лечь на кровати не могу, а тем более встать. Кружилась голова. И я решил не ехать в Петропавловскую церковь.

Поездка в Сызрань.

19. IV. Похороны протоиерея о. Павла Ласонкина вылились в демонстрацию. Трамваи, троллейбусы все встали...

21. IV. Самочувствие неважное. Всмотрелся в «Снятие с Креста Спасителя» и стало мне очень тяжело на душе и стыдно.

22. IV. Все эти дни замечаю в себе потерю устойчивости. Сознание подсказывает, что вот-вот я упаду лицом вперед. И в ногах гнетущая боль все эти дни.

23. IV. Во сне был в Лавре, куда меня вызвали для двух хиротоний во епископы, и я должен был возглавлять эти два торжества как старейший.

27. IV. Готов ли я к концу? Бумаги не прибраны... А сердце к вечеру особенно тревожит.

29. IV. Сегодня дважды видел во сне Святейшего, но в черном клобуке и в черной простой рясе. Я совершал нижепоясные поклоны и благословлялся. Но разговора не было с ним.

МАЙ

1. V. Зло, подобно волне, выброшенной на берег, всегда возвращается обратно.

8. V. Ульяновск. Мысли о смерти в бесславии, забвении и пр.

10–11. V. Поездка в Мелекесс [с 1972 года г. Димитров Ульяновской обл.].

13. V. Поездка в Ульяновск утомила душу мою – так хочется домой, в тот дом, который еще в августе 1959 года вселял в меня тоску. Как все изменяется...

16. V. Доводить плуг до конца борозды.

Покровский собор. Куйбышев. 1960 г.

19. V. Сегодня получил после долгих ожиданий решение Московской духовной академии от 26 февраля сего года на мою работу «Каталог русских архиереев за последние 50 лет (1897 – 1957 гг.)». И сразу в сердце мое взошло чуждое переживание о своем «превосходстве» над большинством русского епископата.

Для предоставления в Московскую духовную академию материала, то есть того же Каталога в исправленном виде, необходимо тему расширить и охватить в Каталоге весь синодальный период до наших дней, то есть начать с 1721 года и закончить 1961 годом. Таким образом, Каталог должен охватить 240 лет, дополниться биографиями архиереев.

Как мне нужны два-три работника для продвижения моих работ и их оформления! А их нет. Полное оскудение – нет молодых людей, интересующихся церковной историей.

24. V. Посетил меня иеромонах Никита (Сапожников)¹. Окончил Московскую духовную академию в 1915 году, двадцать семь лет был в заключении. Товарищем его был иеромонах Пантелеимон, переводчик песнопений Симеона Нового Богослова.

25. V. Общее самочувствие плохое. На Троицкой родительской народу было меньше, чем на прошлогодней.

29. V. Ночью, в 1 час 30 минут, я проснулся от сильного сердечного припадка вследствие тяжелого кошмарного сна. Видел пламя, зарево, тысячи, миллионы бегущих людей, обреченных на голодную смерть. Скакал всадник на вороном с саблею и грозил бегущей женщине убить ее, если она не отдаст ему лепешки. И она бросила их на землю. Жуткая эта сцена повергла меня в великую скорбь, и я проснулся.

Сознание, совесть, долг подсказывают мне – кончай дела, срочно отвечай на письма, а душевное настроение тянет на молитву (особенно Богородице). Что делать?

30. V. Чувствую, что нечто нехорошее должно случиться со мною. Неужели нарастает неизбежный паралич? Например, затрудняюсь подбирать слова... Некоторые слова произношу исковерканными, с затруднением. Мысль

¹ Иеромонах Никита (Сапожников) (1891 – 1974) происходил из семьи сельского псаломщика. В 1915 году окончил Московскую духовную академию, на третьем курсе которой принял монашеский постриг. Постриг совершил епископ Феодор (Поздеевский). Через год рукоположен во иеромонаха епископом Иувеналием (Масловским). По окончании академии был назначен преподавателем каноники в Самарскую духовную семинарию, где служил до ее закрытия в 1918 г. В 1918 – 1927 гг. состоял приходским священником Иоанно-Предтеченской церкви г. Самары, затем Михаило-Архангельской церкви с. Колдыбани.

С 1927 по 1956 гг. провел в ссылках, тюрьмах и лагерях. Освобожден со снятием всех судимостей. До 1960 г. лечился и восстанавливал здоровье. В 1960 г. на праздник Успения Пресвятой Богородицы был награжден золотым наперсным крестом Патриархом Алексием I со словами «За крестноношение, труды, болезни и все скорби». Скончался в 1974 году в г. Куйбышеве (Самаре) и был отпет в Покровском соборе. Похоронен иеромонах Никита (в схиме Никандр) на кладбище сельского поселения Красноармейское (Самаровка) Самарской области. Читайте о нем в «ДС» № 58 за 2010 г.

моя стала разбираться труднее. Несомненная скудость мысли вообще...

Июнь

5. VI. Мысли о «восстановительном лежании» и «вечере жизни».

7. VI. Как надо деликатно, вежливо, сочувственно обращаться с окружающими, особенно с духовными детьми своими. Надо ценить их искренние порывы и, как св. Иоанн Златоуст говорит, не только ценить исполнение, но и намерения целовать.

Сегодня заходил ко мне верующий из нашего Собора. Рассказывал о сновидениях и голосе неведомом. В эти недели голос возвестил следующее: «Говори, проповедуй, не бойся!» От кого голос? Не от диавола ли? Он сомневается, а что я ему скажу в наидание?

13. VI. Собрать воедино все наилучшее, наставительное, уповательное для спасения души.

14. VI. Встреча со Святейшим Патриархом, хлопоты и свидание 18 июня с Куроедовым¹.

17. VI. Переживания, слезы и рыдания – читал «Памятник крестоносцу»².

23. VI. Проездом был епископ Михаил (Воскресенский), назначенный в Казань. Он рассказывал, что Пашенька отзывалась обо мне так: «Бога ради юродивый старчик Мануил получит на будущий год сан митрополита».

26. VI. Все дела мои стоят, ни на йоту не двигаются... И я переживаю такое одиночество, полное одиночество. Окружен восьмью семинаристами без уклона к русской церковной истории. Нет никого из них, подходящего для моих работ. Воистину должен вознести вопль свой ко Господу о помощниках мне.

На этих днях в разговоре с окружающими слышу непонятные отзывы обо мне: «У него особое лицо». В чем именно это выражается, не говорят. А я бо-

*Иеромонах Никита (Сапожников),
преподаватель каноники Самарской
духовной семинарии*

¹ Куроедов Владимир Алексеевич (1906 – 1994). С 1960 по 1965 год председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

² Кронин Арчибалд Джозеф (1896 – 1981) – шотландский писатель, врач. Автор таких известных романов, как «Цитадель», «Ключи от Царства Небесного», «Памятник крестоносцу» и др.

Св. Мануил. Икона

юсь, что они считают мое лицо «одухотворенным». Как я смею думать об этом, как я смог допустить в свое сердце что-либо подобное? Меня трепет обуял от этого. И вспомнил я слова Мар. Вас¹. и Мар. Ад². о моем лице, высказанные 7 ноября 1907 года...

29. VI. Антиминс³ в Платовку.

30. VI. День своего святого Мануила справил так торжественно и многолюдно, как никогда за всю свою монашескую жизнь. На молебен вышли 12 священников, весь епархиальный актив. Храм был переполнен. Мне подавали пышные букеты, а вот икону моего Святого оставили без цветов. Немного травы и простеньких цветов. Вот и все. Но за все и так спасибо верующим. После праздника напали на меня тоска и беспокойство. Основная причина беспокойства

– неполучение поздравления от митрополита Николая⁴ и о. Николая Колчицкого. Хотя о. Николай и болеет, но всегда посылал. А в прошлом году митрополит Николай прислал, и Святейший прислал. Хотя это он сделал из внимания к митрополиту Нестору (Анисимову), который гостил тогда у Святейшего в Одессе и напомнил ему о дне моего Ангела. Смириться надо и быть готовым к перемещению или увольнению на покой.

Июль

2. VII. Вчера и сегодня в молитвенном доме Ставрополя [ныне г. Тольятти] совершал богослужение. Приносили на костылях девушку, страдальцу

¹ Барсова Мария Васильевна, духовная дочь монаха Аарона с подворья Троице-Сергиева монастыря, делательница Иисусовой молитвы. Будучи студентом С.-Петербургского университета, Виктор Лемешевский посетил ясновидицу, которая сказала ему, что видит его «измощенного... пострадавшего за Христа».

² Мария Адольфовна Карель – известная целительница, проживавшая в Петербурге в начале XX века. Она предсказала Лемешевскому монашеский путь.

³ Антиминс (греч. «вместо престола») – обязательная принадлежность престола, без которой нельзя служить литургию. Представляет собой четырехугольный плат с частицей св. мощей, на котором изображено положение во гроб Иисуса Христа. На антиминсе указывается, когда, для какого храма и каким архиереем он освящен. Св. мощи напоминают о том, что первые христиане совершали литургию на гробах мучеников, и символизируют соучастие в таинстве Евхаристии Небесной Церкви святых.

⁴ Митрополит Николай (Ярушевич) – управляющий Московской (Крутицкой и Коломенской епархией с 1944 по 1960 год; ближайший помощник Патриарха.

Раису, и страдальца «глупенького» Петра в возрасте около 35 лет. Он со скрюченными оконечностями рук и ног – с детства рос уродцем. Верующие говорят, что в Куйбышевской области много юродивых, блаженных (в Сорочинске две Пашеньки и др.), молитвы которых сильны перед Богом.

8. VII. Сегодня у меня с утра тяжелое настроение. Чувство стыда за содеянное в прошлом охватывает меня. Я чувствую необходимость примирения с небожителями, с теми, кто знали меня лично и были в то время очень высокого мнения обо мне,... а потом ушли в вечность. А я их окрадывал своими неправдами. А сегодня мне стыдно взирать на них...

Сегодня узнал о смерти Е. А. Тучкова¹, т. н. обер-прокурора при ЦК партии и Синоде Русской Православной Церкви.

16. VII. Сегодня ночью я видел сон очень странный и значащий. Будто я приехал в Москву по вызову. И вот в Московской Патриархии переполох. Святейший Алексий под домашним арестом в Переделкино. Всей Церковью руководит митрополит Николай [Ярушевич]. Он группирует своих сторонников. Ознакомившись с общим положением Церкви, я признал правоту действий [митрополита] Николая и за № 25 расписался как сторонник митрополита Николая. Последнего я видел мельком. Как всегда, он был в великой суете, но не в смятении. Члены Синода разбились. Часть (Елевферий)² за митрополита Николая, а Киевский Иоанн³ взял сторону Патриарха Алексия. Последний не проявляет себя ни в чем, полагаясь на волю Божию.

Разговоры о «дворцовом перевороте» уже несколько лет ведутся, но все безрезультатно, ибо недостаточно сторонников митрополита Николая. Он должен также считаться с мнением общественности не только у нас, но и за границей. Но Святейший, учитывая нажим митрополита Николая, сам пошел ему навстречу. Он подписал акт об уходе на покой, но оставил за собой право жить в Переделкино. Какой странный сон. И может ли он иметь какое-либо значение лично для меня?

22. VII. Одна раба Божия, Анастасия, сказала мне следующее: «Ночью было мне видение. Два светлых красивых юноши в белых ризах сказали: “Передай преосвященному архиепископу Мануилу, чтобы он предупредил протодиакона Петра из Петропавловской церкви, что в ночь с 25 на 26 июля будет конец света и суд Божий. Архиепископ Мануил воистину есть единственный благодатный архиерей в Русской Церкви...”».

Я усмехнулся: прелестное видение.

¹ Тучков Евгений Александрович (1892 – 1957) – сотрудник ОГПУ – НКВД. В 1928 г. руководил кампанией по изъятию церковных ценностей в Уфе. В 1922 г. – секретарь комиссии по отделению Церкви от государства. Секретарь антирелигиозной комиссии, с 1939 по 1947 гг. ответственный секретарь Центрального Союза воинствующих безбожников. На поприще борьбы с Церковью сотрудничал с Троцким, Бухариным, Сталиным и т. д. Организатор и исполнитель преследования Патриарха Тихона. Инициатор провокаций и расколов, опора обновленцев.

² Митрополит Ленинградский Елевферий (Воронцов) скончался в 1959 г.

³ Митрополит Киевский и Галицкий с 1944 по 1964 г. Иоанн (Соколов).

25. VII. Сегодня получил из Синода постановление об отчислении митрополита Николая от заведования иностранным отделом Московской Патриархии. Оно приоткрывает завесу той работы, которую проводят сторонники митрополита Николая, и подтверждает мой недавний сон. Что-то будет дальше?

27. VII. Переживания грядущего конца света на 27 июля. Пророчество Анастасии оказалось ложным – дьявольским искушением и хорошим примером дьявольских наваждений. А для меня-то какое искушение о моем избранничестве и т. д.

Сегодня днем и до вечера ощущал слабость общую и понижение настроения. И должен был лежать на койке после всенощной святому князю Владимиру. Священники Собора негодуют за то, что часто служу, что за акафистом прп. Серафиму долго назидая верующих, благословляю... Много вин числится за мною...

29. VII. Всю ночь видел сон, что я в Москве и что я должен дать званый обед югославскому послу с супругой. Обсуждал уточнения с моим секретарем Андреем Андреевичем [Савиным].

31. VII. Сегодня видел во сне Святейшего Патриарха Тихона. Будто он стоял в комнате направо и перед зеркалом налаживал себе патриаршую накидку – кукуль из белой материи. А я стоял налево в соседней комнате и налаживал себе белую наметку. «Готов ли ты?» – спросил меня Патриарх Тихон. Я сказал, что еще не наладил наметку. Он промолчал, а потом сказал: «А я уже устроил кукуль». На этих его словах я и проснулся.

АВГУСТ

1. VIII. Сегодня получил из Синода уведомление о назначении меня управляющим Уфимской епархии на август, ввиду отъезда на лечение епископа Уфимского Никона. Принял я это сообщение с радостью.

Приезжали из Сорочинска мои знакомые и рассказывали, что блаженная Паша про меня сказала: «Поживет, проживет в Куйбышеве. А сейчас он выжиμαет воду из снега и льда».

5. VIII. Замечаю в последние недели консервацию всех моих литературно-церковных замыслов. Конечно, главное в том, что людей нет. Ни одного семинариста не нашел, склонного к работе в моей области.

Сколько раз во мне возникало желание быть сильным, но окружающая обстановка, ослабление физических сил и моральное безволие все эти возвышенные мысли и порывы отбрасывают от меня. И уже нет уверенности в самом себе. И не имею власти над своим телом. Воля парализуется...

6. VIII. Невидимая рука Промысла Божия консервирует все мои планы и пожелания к скорейшему окончанию моих первоочередных работ. Нет кадров и намечаемых мною также отводит...Что за тайна?

7. VIII. Последние недели и дни ощущаю вне себя присутствие и натиск на себя враждебных мне флюидов. Они словно давят, парализуют, ослабля-

Серафимовский передовой перевязочный отряд. Фотография времен первой мировой войны. МДА ЦАК

Архиепископ Иннокентий (Тихонов)

ют мои ноги, мою психику подавленностью настроения. Как будто что-то мешает за спиною. Несомненно, храм посещают враждебные нашей Церкви силы, противоборствующие мне.

Сегодня днем во сне видел архиепископа Иннокентия (Тихонова). Он поднимался по лестнице, а я спускался. Мы поцеловались. Я обратил внимание на необычайную бледность его лица (как бы без кровинки). Я с ним не встречался с декабря 1933 года, когда он, проезжая через Москву, встретился со мной в Кадашах в комнате протоиерея о. Димитрия, настоятеля Кадашской церкви. [Иннокентий (Тихонов Борис Дмитриевич) родился в 1889 году в г. Троицке Оренбургской губернии. В 1911 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1913 г. пострижен в мантию и рукоположен во иеромонаха. В 1914 – 1915 гг. служил духовником больных и раненых воинов в автомобильном перевязочном отряде, в 1915 г. состоял иеромонахом при Втором Серафимовском лазарете. В том же году окончил Петроградскую духовную академию, оставлен профессорским стипендиатом по кафедре церковной археологии. Назначен полковым священником Терского казачьего полка. С 1917 по 1922 год – насельник Александро-Невской Лавры. В 1921 г. возведен в сан архимандрита, в марте 1922 г. – хиротонисан во епископа Ладожского. В июне был арестован, до 1925 г. в ссылке в Архангельской губернии, затем в Туркестане. В 1925 г. арестован, приговорен к трём годам заключения в Соловецком лагере особого назначения. В 1930 г. назначен (по выходе из лагеря) епископом Благовещенским. В 1931 г. осужден ОСО при Коллегии ОГПУ СССР по обвинению в контрреволюционной деятельности. В 1932 – 1933 гг. в заключении в Белбалтлаге, где получил контузию на подрывных работах и был освобожден. С 1933 по 1937 гг. был назначаем

последовательно епископом Старорусским, Харьковским, Винницким. В ноябре 1937 года арестован в г. Винница и расстрелян].

9. VIII. Как огненный сноп пронзает меня внутреннее сознание пагубы моего безволия. Сознаю, что должен многое и срочно сделать, но безволие парализует меня, а невыполненные дела накапливаются.

11. VIII. Эти дни или от одуряющей жары, или от чего-либо другого страдаю сонливостью в течение дня. А сегодня открылась с утра общая телесная и сердечная слабость и вялость. Пульс в эти дни пониженный. Но да будет во всем воля Божия.

13. VIII. Ввиду обострения... [имеются в виду начавшиеся в эти годы хрущевские гонения] в церковной жизни, часто думаю о судьбе всех моих незавершенных работ, дневниках, о картотеке и книгах.

И сегодня я заметил в себе чувство безразличия ко всему земному... Это новое ощущение, благодатное. Лучше подготовиться ко всему худшему.

15. VIII. Сегодня настоятель Петропавловской церкви протоиерей Иоанн Фомичев передавал мне, что вскоре после выхода № 5 Журнала Московской Патриархии, примерно неделю тому назад, один верующий слышал ночью по радио из Лондона извещение о том, что «небезызвестный архиепископ Мануил совершил хиротонию епископа Чебоксарского и Чувашского Николая». Вот еще раз вспомнили обо мне заграничные церковные круги...

Один верующий в разговоре со мной отзывался о революционном обер-прокуроре Св. Синода Владимире Николаевиче Львове¹ (бывший депутат Государственной Думы от Самарской губернии) – «шишкометатель».

17. VIII. Воспоминания о прожитом – это та книга, которую никто не смог бы написать, кроме ее автора. У каждого из людей большого полета, большого дела хранится в памяти своя единственная ненаписанная книга – о времени и о себе.

Сегодня приезжая из Орска – монахиня Варсонофия – рассказывала мне о последних днях жизни схимонахини Михайлы (Путятиной), бывшей нашей работницы Елены Константиновны. За три дня до смерти предрекла свою кончину и в день смерти игумении Кременецкого монастыря рассказала о своей смерти. И как все это не сходится с ее поступками – с похищением моих книг и рукописей.

18. VIII. Наступает время быть слепыми и глухими, ибо правды сказать в лицо не придется.

21. VIII. Сегодня одна прихожанка Петропавловской церкви, духовная дочь настоятеля о. Иоанна Фомичева, раба Божия Мария, подала записку

¹ Львов Владимир Николаевич (1872 – 1930) – член Госдумы III и IV созывов от Самарской губернии. Занимал пост обер-прокурора Св. Синода в первом и втором составах Временного правительства. Активно поддерживал реформаторски настроенных представителей духовенства. В 1922 году стал управляющим делами обновленческого Высшего Церковного Управления, активно участвовал в обновленческом движении. Вступил в Союз безбожников, писал антирелигиозные статьи. В 1927 г. арестован по обвинению в экономической контрреволюционной деятельности и был выслан на три года в Сибирь.

о здравии болящих мужа ее и троих детей, и еще была приписка следующего содержания, очень обеспокоившая меня: «Спаси и нас грешных, от муки вечныя избави. Слышала голос: “Мануил мой – райский крин. Я всегда с ним живу и никогда от него не отхожу. Я его прислал в ваш град, чтобы он вас всех в порядок привел. Слушайте его и исполняйте его наставления”. Вот и все. Это был голос, но я никого не вижу и не знаю, какая сила мною владеет». Со слезами своего недостойнства прочитал я слова неведомого голоса.

Мне ли мнить о себе, как о крине сельном... Не дай мне, Боже, превозношения и гордости.

Сегодня я имел беседу с о. Иоанном о возможном возвышении моем из-за моего старшинства по хиротонии. Он высказал дельное мнение, что в современных условиях церковной жизни эти вопросы и разные традиции отпадают, ибо на высшие места и в Патриархии будут назначать и выводить тех, которые податливыми окажутся и пойдут на разные пагубные для Русской Православной Церкви уступки.

Поэтому я схоронил предречение иеросхимонаха Серафима, сказанное в июле 1917 года в его келлии. За молитвы аввы Софрония Иорданского¹ не допуская демонов до моего жилища на три стадии окрест его.

23. VIII. Удручен сознанием своего бессилия и плохим продвижением намеченных дел на август и другие месяцы. Множество начатых и незаконченных дел давит мое сознание. Карточка с ценнейшим агиологическим материалом еще не разобрана и не подготовлена к перепечатке. Не найду человека, любящего это дело. Все для себя, а на меня ничего не остается...

24. VIII. Сегодня в полночь видел страшный сон (проснулся – и тут же в столовой часы пробили двенадцать). Будто я с несколькими близкими стоял в каком-то помещении. Был поздний вечер. На улице была тьма. Началась буря. Все деревья, ветки сотрясались и производили необычайный шум, который угнетал меня и окружающих. На душе было тяжело. К чему этот сон готовит меня? Много где-то близко от меня разных разговоров...

*Настоятель Петропавловской церкви
протоиерей Иоанн Фомичев.
Куйбышев. 1960-е гг.*

¹ Возможно, имеется в виду св. Софроний Премудрый, патриарх Иерусалимский (634 – 644; † 11 марта).

Дана душа, чтобы молиться и дано сердце, чтобы любить. Но надо знать, кому молиться и надо знать, кого любить...

Сегодня память святогорского затворника иеросхимонаха Иоанна¹. Он постоянно обращался к окружающим и приходящим с такой просьбой: «Простите меня, невежду безграмотного, и помолитесь, чтобы мне то хоть одному спастись».

26. VIII. Сегодня под утро видел сон, будто какой-то генерал вызывает меня на два часа работы – занести в протокол заседание какое-то. Неужели предстоит какая-то беседа с «высокопоставленными» лицами из «известных учреждений»?

28. VIII. Потерял молитву «отчаяния», составленную мной еще летом по случаю неудач в поиске человека, который мог бы помочь мне разобраться в моих рукописях.

Праздник Успения Богоматери. Вышел я на возглас: «Призри с неба, Боже». Я хотел сказать его с закрытыми глазами, стал произносить первые слова, и вдруг словно пустота и страх охватили меня. Из памяти исчезли все дальнейшие слова. Но напрягши свою волю, с пропусками закончил возглас. Это было, без сомнения, явление склероза мозгового, предупреждающее о конце... Случай этот не выходил из головы моей и обострил в моем сознании мысли о, быть может, скорой преждевременной моей смерти, которая может близким моим причинить огорчение и тоску и отчаяние ...

29. VIII. Все эти дни охватывает меня какое-то необъяснимое внутреннее беспокойство. Сам не знаю, что оно предзнаменует мне. Склерозные явления повторились в ногах. Как будто потерял устойчивость в них. В то же время я стал чувствовать во время архиерейских служб присутствие чуждых мне флюидов. От них теряется душевное равновесие и покой. И они повторяются периодически. И тогда ощущаю сзади себя сотни глаз, наблюдающих за мной.

30. VIII. Обедню отслужил благополучно. Настроение – неподотчетная тоска, ожидание чего-то худшего, неминуемого, особенно после вчерашнего телефонного разговора с Москвой. К чему ведешь Ты меня, Господи?

В храме потревожили меня лживые пророки-проходимцы Павел и схимонахиня Агния ...

¹ Иоанн (Крюков), иеромонах, затворник Святогорской Успенской пустыни (1795 – 1867). С детства тяготел к монашеской жизни и по смерти жены в 1833 г. поступил послушником в Глинскую Богородичную пустынь. В 1839 г. пострижен в монашество с именем Иоанникия. В 1844 перешел в Святогорскую пустынь Харьковской епархии, где в 1849 г. был рукоположен в сан иеромонаха и назначен духовником для приходящих богомольцев. Спустя некоторое время с разрешения преосвященного принял схиму с именем Иоанна и затворился в меловой келье. Пробыл в затворе 17 лет, обладал даром Иисусовой молитвы, прозорливости, исцелял страждущих. Скончался 11 августа в монастырской больнице, поживает у алтаря больничного храма. Множество исцелений совершилось на могиле иеросхимонаха Иоанна.

Какая-то невидимая непреодолимая сила с каждым днем отодвигает меня от окончания моих работ. Так же намеченных мною работников для моих работ отстраняет как неподходящих.

Проверяя записи о жизни святых, нашел указание в житии прп. Авраамия, Смоленского чудотворца [† 21 августа], что он любил переписывать книги, составлять жизнеописания русских святых. И стал он близок сердцу моему.

31.VIII. Приезжал из Сызрани настоятель собора о. Вениамин [Ионов]. Рассказывал, что народ верующий очень чтит меня, называет «святым», «прозорливым» и «чудотворцем». Будто одна монахиня за мое трехкратное благословение ее на расстоянии исцелилась от слепоты. Дай Бог мне смирения. Но я страшусь таких отзывов обо мне – недостойном, греховном. Становится страшно за людей, за их длинные языки.

Рассказ N о поездке в Москву к Ведерникову¹ и предупреждение, что намечен мой вызов в Москву к празднику преподобного Сергия Радонежского. Об этом же предупредил меня через Ведерникова митрополит Николай. К чему такое необычное внимание ко мне высших сфер Московской Патриархии?

Рассказ о затворе Патриарха Алексия в Лавре (никого не принимает и почты не вскрывает).

Св. Авраамий Смоленский. Икона

Иоанн (Крюков), затворник Святогорской Успенской пустыни

¹ Ведерников Анатолий Васильевич – профессор, преподаватель Московского Православного богословского института (открыт в 1944 г. при Московском Новодевичьем монастыре).

СЕНТЯБРЬ

1. IX. С утра у меня некоторое склерозное состояние. Боюсь упасть, легкое головокружение... Боже милостивый, пощади меня и отсрочь кончину мою... Я не готов принять ее.

Сегодня одна раба Божия из Москвы подала в записке описание разговора ее на Даниловском кладбище на могилке старца игумена Иоанна¹ (бывшего оптинского). Прочитав о себе ее безумные глаголы, я не возгордился, а скорбел о том, что люди считают меня великим молитвенником, а на самом деле как глубоко заблуждаются.

3. IX. Сегодня видал почти под 6 часов утра странный сон. Будто в кельи меня облачают в архимандритскую мантию с золотыми поручами и епитрахилью. Меня торопят в церковь.

Я схватываю свои черные четки и иду в церковь. Она домовая. Служит незнакомый батюшка. Для меня слева в уголке приготовлено место, на коврах постлан орлец, на который я и становлюсь.

А я знаю, что завтра будет моя хиротония во епископа. А настроение какое-то особенное, необычное, но никакого волнения я не испытывал. Мелькали мысли о новом служении Церкви Божией.

Этот необычный сон с утра выбил меня, хотя и на малое время, из колеи моей жизни. А может быть, это было от лукавого.

6. IX. О пыли оккультной и осадках печальных мыслей. Появляются странные ощущения.

13. IX. Много лет я прожил в сане епископа и никак не удавалось мне приехать в Троицкую Лавру на осенний праздник преподобного Сергия².

«Если не имеете что сказать мне против желания, то соблаговолите сообщить мне хотя бы одним словом о своем согласии на мой приезд в Лавру. Архиепископ Куйбышевский и Сызранский» [Телеграмма в Патриархию].

28. IX. По смыслу изложенного здесь, постриги бывшего иеромонаха Тихона Жилина признаю не правильными, не законными и подлежащими церковной анафеме, а всех, принявших постриги от Тихона, свободными от них.

¹ Один из последних оптинских старцев игумен Иоанн, в миру – Иван Александрович Соколов, родился в день Рождества Богородицы 8 (21) сентября 1874 г. В Оптину пустынь поступил предположительно в 1890 году, а к моменту ее закрытия был в сане игумена. Дата ареста неизвестна, но в заключении, которое он отбывал в Забайкалье, провел 18 лет; там потерял все зубы, полностью лишился зрения, ему переломали почти все ребра. Три года игумен Иоанн находился в заключении в специальной психиатрической больнице, где на нем испытывали различные психотропные препараты. На допросах он обратил к вере во Христа несколько своих палачей, в частности, начальника Московской Бутырской тюрьмы. Умер старец Иоанн 5 июля 1958 года и был погребен в Москве на Армянском отделении Ваганьковского кладбища. Его могилка находится напротив абсиды кладбищенской церкви.

² Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца 8 октября по новому стилю.

30. IX. Милосердный Господи, упокой душу усопшего неключимого раба Твоего, имя его Ты, Господи, веси, находящегося в страшных адских мучениях, быть может, за великие и тяжкие его прегрешения. Но по Твоему великому (или безмерному?) милосердию, смягчи его загробную участь.

ОКТАБРЬ

1. X. «Буду рад видеть вас на празднике преподобного Сергия» [Ответ из Патриархии].

3. X. Милосердный Господи! Упокой душу неключимой рабы Твоей Зинаиды, страждущей в адских мучениях за грех самоубийства. Но по твоему великому и безмерному милосердию смягчи ее загробную участь.

8. X. Под утро видел во сне Святейшего Патриарха и полученную им телеграмму о смерти митрополита Иоанна Чехословацкого.

9 – 10. X. Смутили меня слова Даниила Андреевича¹ об его желании посетить с наместником меня в Куйбышеве... Сон Андрея [секретаря владыки Мануила] о выборах нового Патриарха.

12. X. Сегодня ровно неделя прошла, как я уезжал в Лавру к преподобному Сергию. До чего быстро прошла она!

Часов с четырех напала на меня тоска. Поведение и угроза уполномоченного [по делам религии] Кошмана парализуют меня. Он грозит убрать меня из Ульяновской области². Дальше уже некуда идти. Но да будет во всем всегда воля Божия!

14. X. О славном лице преподобного Серафима Саровского и других угодников Божиих и старца Амвросия Оптинского.

15. X. Видел себя во сне архиепископом Минским и Белорусским. Принимал дела и заснял в группе с викарием епископом Леонтием. Впечатление было яркое. И сейчас все осталось, но как будто потускнело. И к чему это? Ведь я не думал об этой митрополии. И не вожделеваю ее, как недостойный служения Церкви Божией.

Приезд архиепископа Мануила (Лемешевского) в Троице-Сергиеву Лавру. Слева от владыки его секретарь А.А. Савин, справа – студент МДА Николай Одинаркин. Октябрь, 1960 г.

¹ Остапов Даниил Андреевич (1894 – 1975) – личный секретарь и келейник Патриарха Алексия (Симанского).

² Ульяновская епархия с 1959 по 1989 год управлялась архиереями Куйбышевской епархии.

Поучать – с колокольни камешки бросать, исполнять – на колокольню камешки таскать.

18. X. Моя беседа о том, как спастись и как спастись – мне не понравилась. Чего-то не хватает в ней, а я ожидал большего. Произошло несоответствие старческих высказываний о спасении души с современными бытовыми условиями нашей жизни.

19. X. Сегодня вечером шум под полом возобновился в моей комнате. Впервые я слышал его 16 октября, но не придал этому шуму значения.

Воспитывайте молодежь в страхе и Духе Божиим. Нищим давайте.

Одна раба Божия именем Фаина, проживающая в Костроме, взяв на себя крест и подвиг юродства, оставила все прелести мира, живя для спасения души. Господь Бог, не забывая своих чад, даровал ей дар прозорливости. В чем же заключалась ее жизнь? В терпении и несении поношения. Она ежедневно посещала храм Божий, подобно Анне пророчице, причем всегда ходила с зажженной свечой в руке. Если у нее что-либо имелось, она все раздавала. Однажды она во время службы обличила архиерея, так как он в проповеди прославлял воинов за победу на войне, говоря: «Слава победителям!», а она закричала, что нужно благодарить Бога, а не людей. После, взяв икону, пошла по церкви, вслед за тем в город.

Ноябрь

3. XI. Момент подытоживания.

4. XI. В ногах весь день какая-то особенная слабость и суставная боль.

Игнатий Брянчанинов: «Я хочу быть епископом своего сердца».

7. XI. Приходила прихожанка нашего Покровского собора и рассказывала со слов архимандрита Почаевского Полихрония о тяжелом послушании духовника. Приходится выслушивать ужасающие исповеди так называемых «современных» грехов...

12. XI. По дороге в Москву проезжал Потьму¹.

18. XI. Сегодня ночью проснулся от сильнейшего удара грома. Во сне стоял у окошка. Была черная беспросветная ночь. Сразу же после удара грома полил сильнейший дождь, но не долгий. А заснуть сразу не пришлось. Молнии не видел.

[24 ноября я получил сильнейший удар угрозы шантажистки Вали. И это шумное дело благополучно закончилось только к 20-му декабря. Слава Богу за все.]

21. XI. После приезда из Ленинграда и Москвы у меня стала обнаруживаться тоска, безотчетная, почти безпричинная...

22 – 23. XI. Сегодня на акафисте архистратигу Михаилу было очень большое количество верующих, жаждавших слышать мое очередное слово. А когда я пошел к выходу, верующие сгрудились вокруг меня, и я с тру-

¹ С 1949 по 1955 год владыка Мануил отбывал очередной срок в Потемских лагерях.

дом пробирался к выходу. Я был живым свидетелем народной любви ко мне. Она чувствовалась как живая, как поток живой воды. Я был потрясен до глубины души! А сколько я видел лиц незнакомых: искренних, пламенеющих, пришедших за словом назидания!

23. XI. Весь день самочувствие было сносное и не ощущалось давления в голове. Как будто ничего не мешало. Основное – завал неотвеченных писем. И совесть укоряет за это. Люди ждут ответа и страдают.

24. XI. Сегодня память великого исповедника Православия прп. Феодора Студита. В кратком его житии Калашникова написано следующее. Скончался в 826 году, будучи 68 лет от роду. «Был мал ростом, бледен лицом, плешив головою». И убогая его внешность стала мне мила, ибо в себе нахожу отражение его внешности и личности.

Одна старуха рассказывала про свои видения ночью во время совершения вечерних и ночных правил. Враг необычайно и разнообразно искушает ее, вплоть до изгнания ее из келлии...

26. XI. Обличение переживаний о стоящих на полках непрочитанных книгах... переплеты золоченые и добротные укоряют нас.

27. XI. Посетил профессор Шестаков из-за моего сердца. Ничего серьезного он не нашел.

29 – 30. XI. Все эти дни занят докторами, электрокардиограммами, выяснением давления крови. Но, по милости Божией, сердце мое стало спокойнее, и режим месячного лежания как будто отпадает.

Сегодня вечером исполнилось 50-летие вещания мне имени в монашестве и 38-летие моего избрания во епископа Лужского.

30. XI. Забота о моем сердце как-то выявила хорошее состояние моего сердца по электрокардиограмме. А я чувствую себя хуже. Что сие значит?

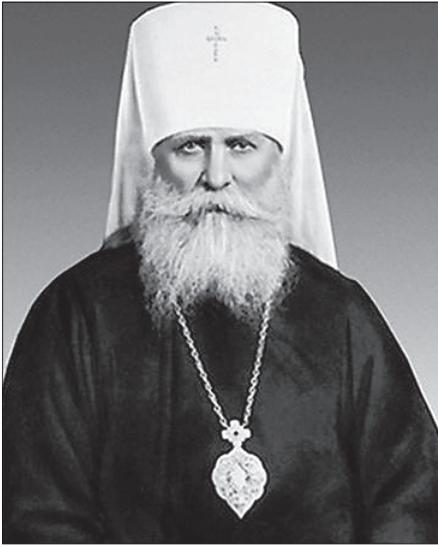
ДЕКАБРЬ

2. XII. «Нет ничего ядовитее и гибельнее для духа христианской жизни, как эта научность и исключительная о ней забота»¹. Я страдаю этим.

3. XII. Вот уже несколько месяцев я ощущаю в себе неудовлетворение. Сознание говорит: вставай тотчас и принимайся за работу (вороха неотвеченных писем, бумаги епарх. и т. д.). Оно ослабевает постепенно, и верх берет самооправдание: у тебя сердце болит. Врач указал полупостельный режим, полежи еще немного ради сердца... И в результате всего этого я не вскакиваю, не встаю, а продолжаю лежать. И в последующем мысли, что все же надо встать, не осиливают общего расслабления тела и воли... Как тяжело переживать это...

5. XII. Серая мрачная погода влияет на мое настроение. На душе что-то тоскливое, безотчетно тревожное, как будто откуда-то надвигается на меня беда... Круг дней и дел моих с каждым днем сворачивается, замыкается, приближается к неизбежному концу жизни моей.

¹ Феофан Затворник, епископ // Душеполезное чтение. 1894. № 3. С. 523.

Митрополит Вениамин (Федченков)

Месяцами испытываю на себе гнет душевный, как язва точащий душу мою, это – писание писем. С такой тяжестью отвечаю я на письма!

Епископ Феофан Затворник высказывался, что писание писем есть один из видов апостольского служения в среде верующих. По рассказам почтенного митрополита Вениамина, бывшего Саратовского¹, владыка получает множество писем, и ни одно из них он не проходит молчанием и невниманием, а быстро отвечает на них. А у меня растут горки неотвеченных писем. Какой ответ я буду давать перед Богом за это молчание?

За всеобщим бдением святителю Митрофану Воронежскому (его памяти правый придел в нашем Соборе) я чувствовал такую мучитель-

ную боль в левой ноге, что с трудом достоял до конца всеобщей. Я помазал всех – до единого человека. Вот за это я не буду отвечать перед Богом.

6. XII. Все эти дни страдаю ногами. Левая болит сильно в трех местах, мучительные колоты и ступаю с трудом. Кроме этой напасти из-за частых долгих служб стал ощущать какую-то особую слабость в ногах. Ах, ноги мои, ноги мои! Ведь у всех архиереев болят и ноют ноги. Как не послушаешь разговоры архиереев, все жалуются на ноги.

Мой сынок Володя² спрашивает меня, слышал ли я поговорку: «Пророк-то пророчит, а Господь-то как хочет». Мудрая и вечно жизненная...

Сегодня ночью, примерно часа в два, я проснулся от дьявольского искушения и страхования. Я спал в углу квадратной комнаты. Чувствую, что с трех сторон окружением ко мне движется вражья сила. Идут трески, и что-то иное нарушает ночную тишину. Я с трудом, даже левой рукой ограждаю себя крестным знаменем и крещу все три стороны... Напряжение ослабевает, и я успокаиваюсь. Это нападение вражьей силы в моей жизни наблюдалось впервые за много прошедших лет. И я эти недели думал об этом, читая Жития святых.

«Когда святыи Василий Великий молился пред иконою Пресвятыя Богородицы, – при которой было изображение и святого великомученика Меркурия с копьем, как воина, – чтобы злочестивый царь Юлиан Отступник, ве-

¹ Митрополит Вениамин (Федченков) с 1955 по 1957 год возглавлял Саратовскую епархию. С 1958 г. пребывал на покое в Псково-Печерском монастыре.

² Духовный сын архиепископа Мануила (Лемешевского).

ликий гонитель и истребитель правоверных христиан, не возвратился с Персидской войны для истребления христианской веры, то увидел, что там, при иконе Пресвятыя Богородицы, образ святого Меркурия сделался на некоторое время невидимым, потом показался с окровавленным копьем. А в то самое время Юлиан Отступник был пронзен на Персидской войне копьем неизвестного воина, который тотчас после того сделался невидимым. Окаянный Юлиан, извергнув вверх хлынувшую из раны кровь, обратился к небу с такими хульными словами на Христа: «Ты победил, Галилеянин!» – и умер со злобой на устах.

Это чудо сделалось тогда явным, ибо, по молитвам святого Василия Великаго, Сама Пресвятая Богородица послала сего угодника Божия и Своего, святого победоноснаго великомученика Меркурия, от Церкви торжествующей к Церкви воинствующей на казнь Богопротивнаго отступника Юлиана, на защиту святой веры и православных христиан.

Его святым предстательством и защитою пусть будем и мы сохранены от богопротивных врагов, побеждаемых с помощью его и будем вместе с ним славить Бога и Богородицу, во веки веков, аминь»¹.

9. XII. Страдаю очень от обуревающих меня незаконченных дел. И число их накапливается. Имея предупреждение об этом множестве дел праведного Иисуса, сына Сирахова (Сир. 11, 10 – 15), страшусь горькой участи своей при смерти, к которой я нравственно обязан готовиться непрестанно, ежедневно. Сил не хватает у меня физических, конечно, и слабость общая часто клонит меня ко сну...

Множество дел сокрушает меня.

12. XII. В эти дни окружающие меня оказывают мне особое внимание в виде забот о моем сердце. Вчера проверяла меня выстукиванием, измерением давления и другими процедурами врач из Бузулука. Нашла состояние сердца достаточно удовлетворительным и успокоила меня. А сегодня и на этих днях куйбышевский врач-терапевт будет проверять меня вновь. Ну что же! Только бы мне протянуть еще годика два-три, чтобы закончить основные работы.

Св. Меркурий Кесарийский. Фреска. Афон. 1290 – 1310 гг.

¹ *Жития* святых святителя Димитрия Ростовского. Св.-Пафнутьев Боровский монастырь, 1997. Ноябрь. С. 690 – 691.

13. XII. Пишет верующая из Москвы о том, что митрополит Николай живет на своей старой квартире в Баумановском переулке. Он очень сильно переживает свое «отставление» от церковных служб, церковной жизни и церковной деятельности. У него идет большая переоценка. Ведь он потерял местоблюстительство!

Весь вечер знакомился с трудом митрополита Вениамина [Федченкова] «Факты и наблюдения», том 3. В нем помещена подробная биография епископа Феофана (Быстрова), бывшего Полтавского. Интересные воспоминания. Они полностью войдут у меня в его биографию в «Каталог русских архиереев». По рассказам знатока трудов митрополита Вениамина, он еще написал подробную биографию о. Иоанна Кронштадтского, затем «Небо на земле» [Учение о. Иоанна Кронштадтского о Божественной Литургии].

16. XII. Сегодня потревожила мой покой душевный «пророчица Мария». Был ей голос с требованиями ко мне и настоятелю Петропавловской церкви о. Иоанну Фомичеву. И я проявил дерзновенную осторожность, не доверив ее голосу. Говорил о нищих, о больших жалованиях духовенству и слабой благотворительности его к неимущим.

17. XII. Около 25 дней не было видно солнца. И вдруг сегодня оно засияло и взойшло в келлию мою и порадовало меня. Сразу настроение приподнялось.

Посетила меня одна приезжая из Москвы. Не виделись с ней более 25 лет. Рассказывала о настроениях верующих, о разговорах обо мне. Прочат в Москву вместо митрополита Питирима.

19. XII. Сегодня праздник святителя Николая. Вчера за всенощной было необычайно много народу, а ноги при помазании отяжелели необычайно. А сегодня проснулся со страшным расслаблением. Еле брожу с утра и на душе что-то беспокойно. Как я пойду служить?

20. XII. Сегодня вечером по радио Би-би-си сообщили, что, по случаю болезни Святейшего Патриарха Алексия, он не может следовать в Иерусалим. Что за новая проблема? А может быть, и Господь не пускает его в Иерусалим по высшим мистическим обстоятельствам. А вдруг несчастная его смерть? Ведь в таком случае сейчас некем возглавить... Но да будет во всем воля Божия.

21. XII. Отец Иоанн получил из оформления «Ключ к Отечнику», составленный им в Саратове.

Лиза Черкизовская рассказывала схимонахине Поле, что являлась Божия Матерь и сказала, чтобы чаще читали 90-й псалом...

Эти дни новое испытание постигло меня – сонливость, оно одолевает меня, нарушает образ жизни моей.

Невидимые нити и волны благодати окружают меня.

22. XII. Как никогда ощущаю я в себе некую виновность перед верующими. Они воображают и говорят обо мне, что я «святой, молитвенник, постник, чудотворец, прозорливец» и т. д. По крайней мере, по своей наивной и детской вере, они именно хотят видеть и знать меня только с такими духовными качествами и достоинствами. Но нет во мне ничего этого.

Занимался я до часу ночи. Вдруг неожиданно раздался в левое окошко ужасающий удар – словно большим камнем или куском железа ударило. Стекло оказалось целым. Но со мной произошел сердечный припадок. Видимо, это было вражье искушение...

24. XII. Все эти дни одолевают скорби неожиданные и непредвиденные, как, например, письмо в редакцию «Волжской Коммуны» о деяниях местного архиерея (т. е. моих).

Милостивый Господи, все эти скорби вмени, хотя в малой мере, во искупление грехов моих.

Одна верующая, р. Божия Мария, принесла описание своего сна.

«Числа не помню, но это было в середине ноября месяца этого года. Была ночь, и я стояла в столовой у двери Вашей кельи с левой стороны. Дверь кельи была открыта, и мне была видна стена правой стороны келии, а левая сторона стены не была видна.

В келье я не видела ничего, кроме длинного большого стола, на котором лежало новое архиерейское облачение, свернутое левой стороной вверх. Невидимый для меня человек, т. к. я видела только его руки, развернул Евангелие, которое было завернуто в облачение. Евангелие было оковано золотом и сильно блестело, и я подумала, что никто ещё не касался этого Евангелия. На углу стола к правой стороне двери лежал свернутый подризник.

Стена правой стороны келии была вся в иконах, от которых исходил необычный свет, озаряющий келию. Среди икон висела икона Божией Матери, которая была больше всех икон. Она была в золотой оправе и так сияла, что я не могла рассмотреть ее лика. Свет в келии был необычайный.

Этот сон я истолковываю так: Божия Матерь явилась в Вашу келию со всеми святыми, а мне дано было видеть их как иконы, т. к. иконы эти были другие, не те, которые висят у Вас в келии.

А что означает новое облачение и Евангелие – это Вы сами рассудите».

28. XII. Все эти дни заметно увеличилась моя работоспособность, и я прожигивал до часу и двух ночи, и силы не иссякали. Вновь начал хлопотать о продвижении «ЧИНА архиерейского отпевания».

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ПРИЧИНА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕСТРОЕНИЙ

Согласно воззрениям правомонархистов к концу XIX в. процесс отхода русской управленческой, интеллектуальной и предпринимательской элиты от базовых ценностей русской цивилизации – «Православия, самодержавия, народности» – был завершен. В результате полуторавековой селекции различных западных идеологических доктрин в российской элите выкристаллизовался лагерь западников, состоявший из противоборствовавших между собой групп: аристократов, бюрократии, либералов и революционеров. Если до 1861 г. первенство в перековке России на западный лад было за управленческой элитой (аристократией и бюрократией), то после отмены крепостного права данная инициатива постепенно перешла в руки разночинной части русского общества, объединявшей либеральную и революционную группировки, которая получила в черносотенной литературе обобщенное название интеллигенции.

Ненависть к интеллигенции черносотенцы унаследовали от русских консерваторов, которые еще в конце XIX в. сформулировали тезис о ее нигилизме и революционности¹. В неприятии западнического крыла русского образованного общества объединились как охранители, так и славянофилы, считавшие, что носители либеральных и социалистических идей представляют серьезную угрозу фундаментальным ценностям российского общества. «Самые злодеи... суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция. После этого – какого же ждать разума и какой воли от этой самой интеллигенции», – писал К. П. Победоносцев².

И. Д. Осипов указывал, что славянофил И. С. Аксаков видел в интеллигенции оторванную от народа небольшую группу западников-индивидуалистов, а К. Н. Леонтьев утверждал, что интеллигенция мешает русскому народу сохранять «свое, особое, национально-византийское миропонимание»³.

Понятие «интеллигенция» стало собирательным для всех представителей образованной части общества, имевших различные политические взгляды, но объединенных одним – неприятием устоев русского традиционно-общества и православно-самодержавной России. «Известная образован-

Размолodin М. Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Монография / Под редакцией Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: Ньюанс, 2-е издание, доп. и перераб., 2013.

ность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания. Об этом нет споров среди разных фракций, партий, «направлений», это все их объединяет. Этим пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура с ее газетами, журналами, направлениями, программами, правами, предрассудками», – писал один из авторов «Вех» протоиерей Сергей Булгаков⁴.

В трактовке правомонархистов термин «интеллигенция» определял не социальную прослойку или профессиональную принадлежность, а специфический тип мышления, характеризовавшийся отрицанием русских базовых ценностей и находившийся под влиянием заимствованных с Запада разновекторных идеологических доктрин. Иными словами, понятие «интеллигенция» объединяло всех критически настроенных по отношению к Русской Православной Церкви, самодержавной монархии и национальным устоям лиц, к которым мог относиться и родовитый аристократ, и профессор университета, и земский чиновник, и нищий разночинец. Одна из прокламаций столичного Союза Русского Народа в 1905 г. указывала: «В городских думах и земствах сидят господа, а в больших городах адвокаты, профессора, студенты, учителя, погорелые помещики, одворянившиеся купцы и прочие господа, называющие себя интеллигенцией... Не признавайте ее властью и правительством, разнесите в ключья...». Местом притяжения образованных «отрицателей» стала партия кадетов, которая «есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств – и ничего более»⁵.

Черносотенцы оказались единственными жесткими критиками интеллигенции на политическом поле дореволюционной России. Предъявляемые ей обвинения основывались на антитезе уваровской триады. Отказавшихся от мировоззренческого единства с русским народом, по мнению черносотенцев, характеризовали следующие черты: антицерковность (атеизм), антигосударственность и беспочвенность (безнациональность). Рассмотрим их подробнее.

АНТИЦЕРКОВНОСТЬ (АТЕИЗМ)

Указывая на нерелигиозность русской интеллигенции начала XX в., черносотенцы утверждали, что отказ от православного мировоззренческого фундамента создавал основу для восприятия ею западных секулярных доктрин (либерализма, социализма, национализма). По замечанию философа-богослова протоиерея Георгия Флоровского, «магистраль русского западничества» неизбежно вела к «атеизму, реализму и позитивизму»⁶. Действительно, идейные концепции либерализма и социализма отрицали христианские трансцендентные ценности, а потому могли приниматься только секулярным, позитивистским сознанием, рассматривавшим Русскую Православную Церковь и ее учение как анахронизм, пришедший из средневековых времен. Религиозное неверие, эта характерная черта русской интеллигенции, было

П. Н. Милюков

ние этому дал председатель кадетской партии П. Н. Милюков*: «Разрыв интеллигенции с традиционными верованиями массы есть постоянный закон для всякой интеллигенции, если только интеллигенция действительно является передовой частью нации, выполняющей принадлежащие ей функции критики и интеллектуальной инициативы»⁹.

Хотя многие представители русской интеллигенции и продолжали внешне сохранять христианский облик, строго соблюдая обрядовые требования Церкви, внутренне они уже не являлись носителями православного мировоззрения. «Адвокат Маклаков и не дурак, и не слабец, но он – масон, т. е. он не верует в Бога по-христиански и не преклоняется перед самодержавием русского царя... а посему адвокат Маклаков, несмотря на блеск своих умственных качеств, народу русскому – враг, и его “сила” должна быть сломлена и обезврежена», – писала газета «Русское знамя»¹⁰. В черносотенной прессе отрицание интеллигенцией православной религиозной традиции интерпретировалось как проявление чуждости русскому народу: «Русское прогрессивное общество проявляет вражду и неуважение к Православной Церкви и любовь к жидам, и в силу этого уже одного – оно не народно, а враждебно к народу»¹¹.

Черносотенцы заявляли, что попытки русской интеллигенции начала XX в. присвоить себе имена гениев прошлого не имеют под собой основания. Главное отличие тогдашних образованных слоев от их предшественников ле-

подмечено черносотенной прессой: «Скажите интеллигенту, что западные ученые, работая в эмбриологии, нашли, что в природе есть факт самозарождения, он поверит. Но скажите ему, что по воле Вечного, Который сотворил природу, Сын Божий безмужне воплотился от Девы Марии, он, пожалуй, найдет это... пережитком»⁷.

Состояние и деятельность русской интеллигенции характеризовались крайне правыми как проявление серьезного загнивания русской общественной жизни, так как представляют её «люди без Бога и патриотизма»⁸. Русская интеллигенция начала XX в., отказавшись от Бога, тем самым сама утверждала свой разрыв с народом. Теоретическое обоснова-

* Милюков П. Н. (1859 – 1943) – лидер кадетской партии, которого многие монархисты считали виновником крушения самодержавной России. Член III и IV Государственной Думы.

жало именно в религиозной области, так как великие умы России по своим взглядам и убеждениям исповедовали именно православные ценности: «Если большинство интеллигенции пропитано нигилизмом и пляшет под жидовскую дудку интернациональный канкан, то лучшие умы России по роковой необходимости постепенно двигались к идее, олицетворением которой является православный царь и режим, неразрывно связанный с его властью, что можно проследить во всю историю России. Митрополиты Петр, Иона, Алексей, Филипп, св. Сергей Радонежский являлись твердыми защитниками православно-самодержавного государственного строя. Ломоносов – первый русский ученый – был убежденным монархистом и всю жизнь боролся с немцами, от которых терпел гонения, защищая интересы русской науки. Фонвизин и Державин... были глубоковерующие православные христиане, патриоты и преданные самодержавию своих царей. Величайший полководец XVIII века Суворов был убежденный монархист»¹².

Историка Н. М. Карамзина, баснописца И. А. Крылова, поэта В. А. Жуковского, писателя Н. В. Гоголя черносотенцы относили к своим единомышленникам. По высказываниям крайне правой прессы, если бы были живы лучшие представители русской интеллигенции XIX в., они пополнили бы их организации: «Пушкин, несмотря на весь его либерализм, был по убеждению верующий православный христианин, националист и глубоко уважал императора Николая I»; «Грибоедов в своем “Горе от ума” проявил высокий национализм»; «Достоевский... был в полном смысле черносотенцем»; «великий химик Менделеев был черносотенец»; «и даже философ Соловьев в своей последней и лучшей работе “Оправдание добра” признал и государство и необходимость войска, защищающего силой нравственные идеалы»¹³. Даже А. И. Герцен, по высказываниям, опубликованным в «Русском знамени», утверждал, что «принцип нашего царя чрезвычайно высок»¹⁴. К своим духовным наставникам черносотенцы причисляли защищавших русские базовые ценности философов-славянофилов, что зафиксировано в датированном ноябрем 1905 г. обращении Союза русских людей: «Славные имена Киреевских, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, Аксаковых и всех тех, кто потрудился над выяснением народного самосознания, да послужат нам кормчими звездами на этом трудном, но неизбежном пути»¹⁵.

Крайне правые утверждали, что, отказавшись от религиозного подхода в мировосприятии, русская интеллигенция заполняла образовавшийся духовный вакуум посредством культивирования нехристианских социальных учений либерализма и социализма, а также уходом во вновь созданные формы субкультур, объединявших разноплановые по доктринальным учениям секты (спиритуализм, оккультизм, гностицизм, каббализм, мартинизм, люциферианство и т.д.)¹⁶. Специфика восприятия черносотенцами социально-политических и псевдорелигиозных доктрин была обусловлена их убежденностью в том, что все они искусственно селекционировались в недрах масонских лож в целях подрыва христианства, переориентации идейного вектора

народов на ложные объекты и окончательного закабаления мира. «Либерализм – есть уловление в сети жидомасонства, так как цель либеральных теорий – внести смуту в умы и сделать [людей. – М.Р.] негодными, неспособными к здоровой трудовой культурной жизни», – писала черносотенная пресса¹⁷. Социалистическому учению давалась следующая характеристика: «Басня о нелепом равенстве всех людей – вот та ловушка, посредством которой жида надеялись и надеются достигнуть своей цели. Этой басней заполнилась душевная пустота русского интеллигента, а более всего студенчества. Жида поднесли русскому студенчеству фальсифицированную религию – социализм»¹⁸.

Таким образом, разноплановые социальные и псевдорелигиозные концепции, носителями которых являлись образованные слои, рассматривались как инструмент целенаправленного уничтожения христианства. В частности, либеральная и социалистическая доктрины относились крайне правыми к суррогатным формам религии, призванным вытравить из сознания человека данный Богом вечный закон и заменить его теорией прогресса, червотой неизбежной эволюцией общества и приходом «светлого будущего». Цели обоих движений были направлены на водворение в России идолов прогресса бесцерковно-государственного строя взамен христианского церковно-государственного¹⁹.

Обращаясь к опыту практической реализации либерального комплекса идей, черносотенцы указывали, что он послужил ферментом свержения монархий в Европе²⁰ и идеологической оболочкой утвердившегося на Западе капиталистического строя, открывавшего «вольным каменщикам» дорогу к политической власти и национальным богатствам «гоев». По мнению крайне правых, ориентированное на неимущие слои населения социалистическое учение планировалось масонами как средство масштабного передела в стране собственности. Привлекательность социализма обуславливалась романтическим ореолом идей социальной справедливости, способных увлечь русскую молодежь на разрушение созданного предками государства: «Жида, вообще, ловкачи по части фальсификации и отличные мастера втирать очки этой фальсификацией наивному люду. Окрасить воробья под соловья и спустить его по цене соловья – вот на что жида весьма способны. Так же они, в лице своего типичного представителя немецкого жида Маркса, подкрасили грубо материалистичный, бездушный социализм нелепыми сказками и пустили в ход. Наши молодые люди, очертя голову, бросились в омут, и сколько знания и энергии погублено ими в это позорной памяти “освободительное” время – трудно сказать, но страшно много»²¹.

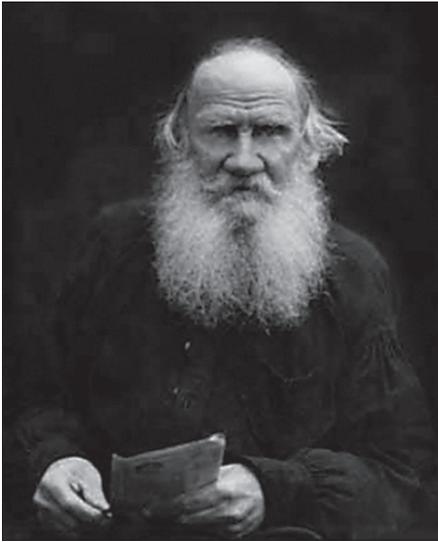
По мнению правовомонархистов, предлагаемые русской интеллигенцией рецепты реформирования страны на либеральных или социалистических началах не имели в русском народе глубоких идейных и культурных корней. «Тому, кто читал Ломоносова и Державина, Тютчева и Достоевского, кто задумывался над характером и силой влияния Амвросия Оптинского, – ясно,

что к скотским мерзостям милюковых русская духовная культура сведена быть не может», – писала газета «Русское знамя»²². Противопоставляя русский народ и интеллигенцию, крайне правые публицисты указывали, что попытки заменить Православие и ценности традиционного общества различными философскими суррогатами не дадут успеха, так как корни русской духовной культуры виделись в религиозном мировосприятии. «...А выросшее на такой почве обыкновенно не чахнет от столь ничтожных причин, как публичный духовный разврат, производимый кучкой милюковых. Милюковы побеснуются и перемерут, а русские люди еще долгие века будут ходить в церковь и ставить свечи перед иконами...», – делала прогнозы черносотенная пресса²³. За два месяца до падения самодержавия «Русское знамя» указывало русской интеллигенции на ее заблуждения: «Станьте сначала счастливы, а потом уже начинайте учить других, потому что право на учительство дает людям только счастье, ибо счастье – первый признак силы. Не владея счастьем, левая мразь тем самым показывает, что она – бессильна. А учиться у бессильных, душевно худосочных визгунов и пачкунов ни русский, ни какой-либо другой народ не станет»²⁴.

Менее политизированную часть русского образованного общества отказ от христианских ценностей вынудил создавать свою собственную субкультуру, получившую особо широкое распространение в аристократических и т. н. богемных кругах России. Массовое появление в начале XX в. (в основном в 1907 г.) теософских обществ в Петербурге, Москве, Киеве, Калуге, Владикавказе, Смоленске и других городах России, по мнению крайне правых, фиксировало окончательный отход части общества от Православия. «Отсюда нарожение всевозможных сект и ересей, отсюда злоба, ненависть и классовая рознь, отсюда телесный и духовный разврат, отсюда прожигание жизни...», – констатировали черносотенцы²⁵.

В издававшихся сектантами журналах «Теософское обозрение», «Теософская жизнь» и др. делались попытки создания законченного мировоззрения на основе синтеза религии, философии и опытной науки. Предупреждая о глубоко антиправославной сущности теософии, представлявшей опасность для сознания народа, черносотенная пресса открыто указывала на масонский источник многочисленных религиозных суррогатов: «Мысли, учения, образ действия и цели современных теософских обществ и теософского движения, несомненно, имеют много общего с иллюминатским масонством, но современные адепты свободной теософии, по-видимому, пытаются опереться на пантеистическое учение Боруха Спинозы. Пантеизм, как философская система, несомненно, есть учение антихристианское, и теософское движение в России приходится признавать антихристианским, являющимся на поддержку так называемому освободительному движению»²⁶.

Опасность теософского учения виделась черносотенцам в том, что, относя традиционную церковь к разряду анахронизмов, они рядились в одежды «просвещенных» боголюбив, способных ввести в соблазн ереси значитель-

Л. Н. Толстой

Л. Н. Толстой, в личности которого в концентрированном виде обнаружались все язвы интеллигенции. Список претензий черной сотни к классику русской литературы был велик, но на первом месте стояла его антихристианская деятельность, выразившаяся в ряде еретических работ: «Исповедь», «Новое Евангелие», «В чем моя вера», «Критика догматического богословия», «Царство Божье внутри нас», «Мысли о Боге», «Как читать Евангелие». На основе анализа этих произведений крайне правые вменили великому старцу в вину, что он «отринул Бога как личность, находящуюся вне нас», поставил Христа в один ряд с Платоном, Сократом, Буддой, Конфуцием, низвергнув Мессию до уровня «простого человека», почитать которого за Бога есть «великое кощунство», обвинил святых апостолов во лжи, искажении учения Христа, объявил Евангелие «произведением бесчисленных рук и умов человеческих, исполненным погрешностей», отверг общехристианский Никейский Символ веры, заклеил христианскую Церковь как «изобретение дьявола», укорял священников в сознательном «религиозном обмане и подлоге» Евангелия, в «мошеннической замене» учения Христа своей «святодуховной» Церковью, отрицал церковные таинства как «приемы грубого колдовства», порицал иконы как «чурбаны», призывал запретить обучение Закону Божию в школах и т.д.²⁸

Резкой критике подверглась и измышленная Толстым псевдорелигия «непротивления». «Пропагандируя идею жидомасонов “не противьтесь злу”, идею разрушения жизни, Л. Н. Толстой учит слабовольных и легкомысленных людей строить свою жизнь не согласно с Божескими и человеческими законами, а по своему личному усмотрению... Таким образом, Л. Н. Толстой

ные массы населения предложением некой новой, соответствующей духу времени, религии. «А разве не лжехристы этот недавно умерший великий богохульник и ересиарх Толстой со своими последователями, или люди, именующие себя “евангельскими”, а также “голгофскими” христианами, или слуги сатаны и вызыватели нечистых духов масоны, чрез секту мартинистов со своим главой жидом Папюсом одурачивающие русских людей призывом объединяться якобы во имя Спасителя в общество “Рыцарей храма”, – писали ярославские союзники в «Русское знамя»²⁷.

Ярким примером разложения русского образованного класса стал

проповедует полную анархию, которая приводит общество и государство к разрушению», – бичевало в марте 1911 г. классика русской литературы «Русское знамя»²⁹.

В критике Л. Н. Толстого содержалась квинтэссенция оценки черносотенцами деятельности русской интеллигенции в целом: «С редким “художеством” нечестивый старец вот уже 30 лет безнаказанно срывает Христа со Святого Креста, поносит и бичует его, топчет и неистово хулит Церковь Христову и все святыни земли русской, грабит душу России, толкает на ужасные религиозные преступления и зверства целые массы несчастных, сбитых им с толку сынов России, гонит их в тюрьмы, на смерть, на скитания в дальние края...»³⁰. Обращаясь к Л. Н. Толстому, «Русское знамя» писало: «Вы много поработали на литературном поприще, многими сочинениями обогатили русскую литературу; но, вторгшись в неведомую вам область богословия... вы много вреда причинили Православию и православным христианам»³¹.

Антицерковная деятельность классика русской литературы Л. Н. Толстого стала основанием для протеста крайне правых против инициативы Московской городской думы по приданию официального статуса празднованию юбилея его 80-летия в августе 1908 г. в Москве: «Какой ужасный трагизм! Многотысячное христианское население столицы и многомиллионной христианской страны властью случайной кучки людей привлекается к чествованию того, кто грязной старческой рукой и хульным языком нагло пограл сокровенные святыни христиан...»³². Для черносотенцев празднование в столице Святой Руси юбилея человека, возводившего «хулы на самого Христа, Богородицу и таинства Церкви», казалось святотатством и кощунством. Тем более, что Л. Н. Толстой не внял увещаниям Святейшего Синода обратиться на путь истины после разоблачения его теории русскими архипастырями и профессорами богословия³³.

АНТИГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Под антигосударственностью интеллигенции черносотенцы понимали неприятие ею православно-самодержавной монархии вследствие секуляризации ее сознания и попытки выработать новую модель социальной организации, оторванную от традиционных национально-государственных устоев, носящую универсальный характер и основанную на абстрактных ценностях («свобода», «равенство», «братство», «закон», «социальная справедливость» и т. д.). В связи с этим антигосударственность интеллигенции нельзя путать с анархизмом, отвергавшим не только самодержавную, но и любую государственную конструкцию. Иными словами, интеллигенция отрицала не государство вообще, а лишь исторически сложившуюся в России монархическую властную модель.

Крайне негативное отношение либеральной и социалистической части российской общественной мысли к русской православной монархии проявилось в национально-государственном безразличии. Даже наиболее близкая к

крайне правому лагерю партия октябристов, с которой черносотенцы пытались блокироваться на выборах, демонстрировала присущую всем находившимся левее партиям черту: «По их учению, царь может быть даже не русский. Не православный; это для них все равно. А за какую веру они стоят? Это для них тоже все равно; для них все веры одинаковы. Эти политические недоноски, т. е. “октябри”, понимают народность по-своему: по их толкованию, всякий, живущий в пределах Российской империи, есть русский, в том числе и еврей, и японец, и китаец, – все равно»³⁴. Объясняя причины подобного отношения, историк и мыслитель Г. П. Федотов в конце 1920-х гг. писал: «Для интеллигенции русской, т. е. для господствовавшего западнического крыла, национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью»³⁵.

Правомонархисты указывали, что, подвергая с морально-этических позиций самодержавие жесточайшей критике, интеллигенция нередко переходила черту, где, по существу, смыкалась с анархизмом. Отражением этого настроения русского образованного слоя к исторической русской власти являлся Л. Н. Толстой. На его примере крайне правые публицисты дали резкую оценку политической наивности и неискушенности всей русской интеллигенции, проявлявшейся в критике тех черт самодержавной монархии, которые были присущи всем государственным образованиям. Деля выпады против царя, заявляя, что «право грабежа утверждается помазанием маслом главного грабителя», а Церковь «узаконяет, освящает и помазует грабеж», Л. Н. Толстой отверг государство как основанное на жертвах и страданиях, видя в нем источник зла и насилия. Признавая всякую власть узаконенным «правом грабежа властителями народа», Л. Н. Толстой рассматривал правительство «сложным, освященным преданием и обычаем учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации»³⁶.

По мнению черносотенцев, великий старец дал анархическим инстинктам русского народа морально-нравственное оправдание, став одним из виновников массовых кровопролитий в 1905 – 1907 гг. В работе «О значении русской революции» Л. Н. Толстой признал «подчинение всякой власти безнравственным делом», призвал крестьян «не давать податей», «не давать своих сыновей в солдаты», чем открыто подстрекал людей к бунту и неповиновению властям³⁷. Радикальный настрой охватил определенную часть интеллигенции, считавшей возможной коренную ломку государственных институтов не в среднесрочной перспективе, а в данный момент: «Настолько усиленно и успешно в этом направлении работали враги русского народа, что внешними, для всех видимыми успехами даже сами они, враги, обманулись: им показалось, что к 17 октября 1905 г. все уже было приготовлено к ниспровержению Руси...»³⁸.

Крайне правые отказывались верить в то, что деструктивные проявления русской интеллигенции мотивированы ясными представлениями о прин-

ципиально новом государстве, которое должно прийти на смену «кровавой тирании». Демонстрировавшие интеллектуальной элитой разрушительные инстинкты по отношению к традиционной государственности и Церкви не поддавались разумному объяснению, а потому черносотенцы отвергли мысль о самостоятельном характере теории и практики ее политической борьбы. В годы первой российской революции в консервативных кругах окончательно утвердилось мнение, что русская интеллигенция пала жертвой масонского ордена, намеренно заразившего ее антихристианскими учениями либерализма и социализма и использовавшего ее в качестве инструмента по завоеванию власти³⁹. «Жидомасоны настолько хитры, что руками русских “ослов” и изменников разрушают Россию, о чем кричат факты русской общественной и государственной жизни, которые всем известны и которые прекрасно иллюстрируют инородческое и жидовское засилье или, что одно и то же, осуществление исподволь колоссального заговора всемирного жидовства, чтобы свалить православную и самодержавную Россию по той программе, которая подробно изложена в “Сионских протоколах”», – писала в мае 1911 г. черносотенная пресса⁴⁰.

Реализация масонского заговора по ниспровержению самодержавия была невозможна без наличия «коллорационистов» в среде русского народа. Основную функцию в выполнении планов мировой закулисы по завоеванию власти, по мнению черносотенцев, осуществляла русская интеллигенция, имевшая невысокий уровень политической подготовки и опыта. Издеваясь над «образованиями» и отождествляя их с известными литературными персонажами (Онегиным, Печориным, Рудиным, Базаровым), правые публицисты указывали, что наивные романтики, мечтавшие о справедливом переделе мира, оказались не способными тягаться с искушенными врагами человечества, которые, опутав их своими сетями, вовлекли в противогосударственную деятельность: «Прошло 50 лет, – писало «Русское знамя, – а интеллигенция осталась таким же младенцем в понимании международной и политической жизни государства»⁴¹.

Показателем эффективности воздействия «вольных каменщиков» на русские образованные слои стало возникновение в конце XIX в. освободительного движения, а с ним и целого ряда разнонаправленных политических организаций, ставивших общую цель свержения самодержавия и действовавших в рамках единого, разработанного кагалом плана, где каждая партия (от октябристов и кадетов до социал-демократов и анархистов) играла конкретную роль: «Жид прет! Кадеты с восторгом ведут его под руки, октябристы деловито выметают пред ним дорогу, левые “товарищи” нагло гремят в иерихонские трубы: расступись и поклонись, русский народ! Подчинись власти избранного племени! Это твоя судьба!»⁴².

Роль тарана в сломе основ исторической русской власти выполняли либеральные и революционные партии. Внедренные масонами в массовое сознание идеи свободы, конституции, парламентаризма, равноправия, всеоб-

Самарское отделение партии кадетов. Самара. Начало XX в.

щего избирательного права и т. д. имели результатом первую российскую революцию: «Что бы ни говорили гг. Горькие, Ходские и разные их сподвижники, с каким бы усердием ни приписывали они себе первенствующую роль в “русской” революции, будущий историк таковой все-таки должен будет признать с документами на руках, что... громадное большинство русских деятелей освободительного движения были не более как бессознательными марионетками в руках ловкого и пронырливого иудина племени»⁴³.

Ссылаясь на «Протоколы сионских мудрецов», черносотенцы утверждали, что «сионские мудрецы» уже взяли под контроль все политические силы общества, в том числе и находившиеся в противоборстве друг с другом. Проникновения мировой закулисы не удалось избежать и «святая святых» – руководству Союза Русского Народа во время происходившего в 1909 – 1911 гг. раскола Главного совета Союза Русского Народа на так называемых обновленцев и дубровинцев, враждующие стороны обвиняли друг друга в сговоре с масонами и продажности «сановным шабесгоям». Обвиняя обновленцев, основатель и почетный председатель Союза Русского Народа А. И. Дубровин заявлял в открытом письме: «Парламентский дух в лице некоторых господ ворвался в Главный совет Союза Русского Народа и стремится превратить Союз в полное политическое ничтожество. Это предприятие

“обновленного” Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных источников...”⁴⁴.

Черносотенцы утверждали, что после окончания первой российской революции масоны сменили тактику, отойдя от прямого натиска к естественному вращению в общественный организм для разложения его изнутри. Они действовали под прикрытием различных общественных, просветительных, образовательных, благотворительных учреждений и печатных органов, оказывавших значительное влияние на массовое сознание. «Они заполнили наши школы, газеты, театры, искусство, науку, литературу, отчасти даже кафедры церковных проповедников...», – была тревогу газета «Русское знамя»⁴⁵. Данная тактика получила у крайне правых название «белой революции» – по цвету эмблемы «Всероссийской лиги и международного союза борьбы с туберкулезом» – «Белой Лилии» (в отличие от «красной» – открытого противостояния властям)⁴⁶. Борьба с туберкулезом, по их мнению, была лишь благовидным прикрытием истинной цели этого общества – подрывной деятельности. На это указывал и руководящий состав (лица с еврейскими фамилиями во главе с сестрой графа Витте – Софьей Юльевной), в революционных симпатиях которого сомнения не было. Форма «мирного завоевания» несла серьезную опасность: она усыпляла бдительность русской государственной власти при постепенном захвате власти масонством.

Анализ форм социального действия либеральной интеллигенции приводил крайне правых к выводу об ее революционности, проявлявшейся во внесении идейного разброда и замешательства в умы простого народа. По заявлению газеты «Русское знамя», идеология государственного отступничества, ставшая отличительной чертой русского интеллигентского мировоззрения, заключалась в подрыве традиционных устоев, а именно: «полном разрушении всех идей, которыми жило человечество, и всего существующего социального, экономического и политического строя»⁴⁷. Более развернуто и полно данная мысль была высказана во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий в августе 1906 г.: «Крамольная интеллигенция... твердо укрепившись во всех правительственных, земских и городских учреждениях, на железных дорогах, пароходах, крупных торгово-промышленных предприятиях и в особенности в печати, усердно подготавливала в сфере своей деятельности, с конца шестидесятых годов, почву для революции; а всех правительственных лиц с русской душой, желавших честно исполнить свой долг, она немедленно убивала, убивает теперь и будет убивать дотол, пока окончательно не будет водворен порядок в России законною, беспощадною силой»⁴⁸. Все это создавало в обществе неблагоприятный психологический фон, способствовавший поражению страны в Русско-японской войне: «Неудачи Японской войны... во многом вызваны крамольною интеллигенцией и послужили ей наиболее удобным моментом для революционных действий»⁴⁹.

БЕСПОЧВЕННОСТЬ (БЕЗНАЦИОНАЛЬНОСТЬ)

Под беспочвенностью русской интеллигенции крайне правые понимали агрессивную форму космополитизма, проявлявшуюся в бескомпромиссном отрицании национальной религии, государства, культуры и народного быта.

Истоки беспочвенности русской интеллигенции крайне правые вели с 60-х годов XIX века, давших резкий всплеск попыткам представителей русской интеллектуальной элиты найти перспективы России через реализацию западного пути развития. Внедрением данного термина делалась попытка противопоставления образованного слоя сохранявшему верность традиционным ценностям народу. Презрение русской интеллигенции к уникальному в мировой истории государственному механизму проявилось в практически полном отсутствии теоретических трудов об основах и истории Русской православной монархии. Наоборот, бурный рост предложений по внедрению западного вектора развития сопровождался дискредитацией истории и прошлого страны, следствием чего стало игнорирование русской самобытности и отрицание очевидных для всего мира достижений Российской империи в различных областях социальной жизни (науки, культуры, искусства и т. д.). «Вся культура и цивилизация ...названа “самодурством правящих классов”, сравнена с пирамидами и сералями древневосточных деспотов... Культура и цивилизация отождествлены с “порабощением и развратом”, наука уличена в коварных целях оправдать “цивилизованное рабство и разврат”...», – давали оценку творческим проявлениям западнического крыла интеллигенции черносотенцы⁵⁰.

В отличие от консерваторов и правомонархистов, видевших перспективы страны в развитии и углублении самобытности русской цивилизации, российская интеллигенция в целях реализации различных концепций «западного проекта» ставила первостепенную задачу именно в преодолении русской «самости», отрицании особого пути развития России и ее духовной миссии в мире как носительницы Православия. Причину беспочвенности российской интеллигенции черносотенцы находили в том, что ее генезис проходил в условиях болезненных процессов, обусловленных петровскими преобразованиями и двухвековой идеологической агрессией Запада. Рассматривая самобытность как атавизм, требовавший нейтрализации путем перехода к западноевропейским духовным, политическим и социальным стандартам, интеллигенция утверждала подражательскую сущность России, становясь приверженцем концепции «догоняющего развития». Явно проявившаяся у русского образованного общества проблема собственной духовной и культурной самоидентификации давала черносотенцам основание рассматривать его как «людей, не признающих Отечества», характерными признаками которых являлось отсутствие «самоуважения, самоуверенности, гордости»⁵¹.

Корень беспочвенности интеллигенции крайне правым виделся в тенденциозности и односторонности полученного образования, следствием чего яв-

лялось плохое знание русской истории. «...Если бы она дала себе труд хоть немного почитать русскую историю, но при этом хорошенько продумать и вникнуть в самую сущность вещей, а не ограничиваться теми жалкими сведениями, которые приобретены ею в детские годы...», – заявлялось в распространенной в ноябре 1905 г. листовке Союза Русского Народа⁵². В июле 1908 г., за год до появления «Вех», «Русское знамя» раскрыло истоки мирозерцания «просвещенной общественности»: «Интеллигенция преобразованной России с детства воспитывается в таком духе, который сразу парализует в ней интерес ко всему родному. Много лет тому назад, говорят ей, был у нас великий император Петр I, который сказал, что люди до него на Руси жили плохо и поэтому надо преобразовать Россию и сблизиться с Европой. Но до сих пор нам далеко до Европы. И вот совесть русского ребенка начинает культивироваться в таком духе, из неверной посылки начинают вытекать следующие неверные выводы. Если нам светоч – Западная Европа, а не сама Истина, то, следовательно, на Руси до Петра была тьма и глупость. Поэтому надо сблизиться с Европой как можно скорей, заимствовать ее быт, ее государственное право, которое является необходимым условием прочности западноевропейского прогресса. Следовательно, и Православие, и самодержавие как основы жизни древнего Московского царства, отжили свой век и негодны. Надо их уничтожить и ввести свободу вероисповеданий и институты верховной власти Западной Европы. К жизни во Христе и Царству Небесному не надо стремиться, надо стремиться к созданию своей жизни на манер Западной Европы и показать себя перед Европой в духе европейского, а не самобытного просвещения. Он уже не ищет одобрения своих поступков собственной совестью, а думает о том, что скажет Европа. Таким образом, у просвещенного русского “интеллигента” составляется чрезвычайно логическая и последовательная программа стремлений, но, конечно, не к Царствию Божьему на земле, а именно: вместо православного самодержавного строя надо создать конституционную монархию, при которой произвол монарха должен ограничиваться народной волей. Равенство пускай заключается в политической правоспособности граждан, основанной на имущественном цензе, т. е. плутократии и религиозной веротерпимости или, верней, индифферентизме, так как все равно Бога нет. Братство на земле – недостижимо; нужна борьба партий, где и выяснится, кто прав... А прогресс сам собой должен идти вперед, что мы и видим на Западе. Своей русской жизнью преобразованный интеллигент мало интересуется, браня огулом правительство, ругая косность русского народа и его дикость и обращая внимание главным образом на политическую жизнь Западной Европы и все переоценивая в ней в лучшую сторону»⁵³.

Тема разнополярности мировоззрений «образованного класса» и народа, ставшая причиной взаимного непонимания и социальной разобщенности, многократно поднималась черносотенцами на страницах своих газет. Отрицание самобытности России неизбежно вело образованный слой к идейной зависимости от Запада, ставшего для него единственным центром мировой

цивилизации, а собственная страна расценивалась как недоразвитая периферия. Крайне правые указывали, что «сбитая с толку и слабая духом “интеллигенция”» делала ошибку за ошибкой, пытаясь навязать собственному народу под видом «общечеловеческих ценностей» чуждую западную культуру западноевропейских народов. Уничтожение интеллигенцией черт национальной самобытности в процессе собственной самоидентификации давало основание утверждать, что русская интеллектуальная элита порвала духовную связь с сохранившими верность традиционным устоям народными массами⁵⁴. В результате интеллигенция «сама по всей справедливости может быть названа грязью или коростой на лице народа»⁵⁵.

Черносотенцы констатировали, что тонкая прослойка интеллигенции в начале XX в. практически полностью находилась под влиянием прогрессивных идей. Будучи убеждены, что образованные слои не могли отказаться от традиционных ценностей без внешнего вмешательства, крайне правые выдвинули версию о том, что источником вредных идейных воздействий на русский образованный класс стали занимавшие все более прочное положение в «интеллигентных профессиях» евреи. «Они отняли у нас крупнейшую торговлю, адвокатуру, университеты, консерваторию, они посягают уже на веру Христову, потому что отбирают у нас, отнимают у нас литературу», – утверждал представитель Русского Собрания В. И. Веножинский* в мае 1912 г.⁵⁶. Мощным средством влияния на сознание образованных слоев стала литература, где правые фиксировали чрезмерное представительство еврейских авторов. «Еврейская печать капля за каплей растлевает душу народа», – утверждал один из ораторов на IV Всероссийском съезде Союза Русского Народа и V Всероссийском съезде Русских людей в мае 1912 г.⁵⁷.

Как указывал Ю. Табак, процесс изменения отношения к евреям как протест против всего, что связано с репрессивной политикой самодержавия, захватил значительную часть интеллигенции. Открыто против правовой дискриминации евреев, а также возводимых на евреев обвинений в совершении ритуальных убийств, организации «всемирного заговора» выступали русские религиозные философы В. Соловьев, С. Булгаков, В. Ильин и другие⁵⁸. Особо ярко раскол русского общества по еврейскому вопросу и в отношении к евреям проявился во время процесса Бейлиса 1911 – 1913 гг. О бескомпромисности борьбы свидетельствует заявление газеты «Русское знамя»: «Адвокат Маклаков... навеки запятнал себя, приняв участие в защите жидов-хасидов, за подозренных в том, что они построили свою синагогу на крови, выточенной из живого русского мальчика»⁵⁹.

* Вячеслав Иосифович Веножинский (1880 – 1938) – выпускник Императорской Николаевской Царскосельской гимназии, юрист, исследователь революционного террора, ставший впоследствии жертвой этого террора. В его труде «Смертная казнь и террор» рассматривались история смертной казни, руководители и исполнители террористических актов, содержалась критика договоров, приводимых противниками смертной казни за террор. Приговорен к расстрелу Комиссией НКВД за контрреволюционную деятельность, расстрелян 29. 01. 1938 г.

Крайне правые ставили «предавшую интересы русского народа» интеллигенцию в один ряд с их масонскими нанимателями. В Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа, указывалось, что наиболее зловерной для русской народности силой является еврейское племя и «все проникнувшие его духом хотя бы русского происхождения»⁶⁰. В феврале 1911 г. газета «Русское знамя» официально объявила заклятыми врагами России наряду с международными жидомасонскими организациями также «русских жидов и наших близоруких конституционалистов», как сообщников и послушных исполнителей их преступных замыслов⁶¹.

Оторвавшимся от «родной почвы» представителям русской интеллигенции, ставшим трансляторами чуждых для традиционной Руси идей, отказывалось в принадлежности к русской народности. Либеральная интеллигенция и «прогрессивное» чиновничество награждались следующими эпитетами: «русские, ненавидящие все русское», «изменники и предатели», «еврействующие, продавшие совесть», «забывшие Бога», «изменившие самодержавному государю»⁶², «наемные продажники», «жидовские прихвостни», «масонские наймиты»⁶³. В обобщенном виде русской интеллигенции было дано название «секта жидовствующих»⁶⁴. В многочисленных монархических документах утверждалось, что русская интеллигенция «всегда составляла важнейший оплот еврейского засилья», так как ее характеризует «оторванность от родного народа и преданность еврейским идеалам»⁶⁵.

По мнению крайне правых идеологов, вовлечению русского интеллигента в масонские игры способствовали характерные особенности его психологии. Сравнивая черты типичного представителя еврейского и русского образованного слоя, газета «Русское знамя» отмечала следующее. Еврейский интеллигент хитер, артистичен, умеет слушать оппонента, оставаясь при своем мнении. Проявляет необычайную настойчивость в достижении цели. Боек, обладает пробивными качествами. Высшей целью ставит личный интерес над общественным. Получив казенную должность, неизменно превращает ее в доходную. Неразборчив в выборе средств, для достижения желаемого готов попортить моральные и нравственные нормы⁶⁶.

Русский интеллигент в массе образованней и умнее еврейского, но не имеет внутреннего стержня и стойких убеждений. Отсутствие сильных религиозных и национальных чувств обуславливает его внушаемость и легкое попадание под пагубное влияние. Зависимость от общественного мнения и страх прослыть отсталым делает его невольной игрушкой в руках «товарищей». Проявляет конформизм, с легкостью меняет свои убеждения. В массе своей не обладает пробивными качествами, ожидая предложений по службе и протекции вышестоящих. Не дождавшись реализации ожиданий, легко впадает в отчаяние, на почве чего рождается ощущение несправедливости существующих порядков. Выход из состояния бессилия находит в «либеральничании» и критике установленных норм, становясь легким объектом вербовки⁶⁷.

Хорошо владевшие пером и словом русские романтики являлись находкой для оппозиционных газет, где их таланты находили признание. «Следствием такой “поддержки” является горячее ратоборство за еврейское равноправие на страницах “Биржевки”...», – писала черносотенная пресса⁶⁸. Несмотря на утрату базовых качеств, определявших принадлежность к русской народности, русский интеллигент тем не менее сохранял свою самобытность. Это давало основание черносотенцам не ставить до конца знака равенства между русским представителем образованного слоя и еврейским: «Специфические жидовские свойства последнего всегда клали границу между обеими разновидностями интеллигента»⁶⁹.

В период третьеиюньской монархии крайне правые акцентировали внимание на критике деятельности интеллигенции в духовном поле. Появление новых направлений в науке, литературе, искусстве и театре свидетельствовало о переносе борьбы с баррикад в идеологическую и культурную плоскость, а именно: на страницы печати, театральные подмостки, в литературу и т. д.

На правом фланге политического спектра серебряный век русской поэзии и литературы воспринимался как результат злонамеренных духовных инъекций носителей антихристианских взглядов, призванных расшатать идеологические основы жизни народа. Писатели новой волны обвинялись в покушении на русскую литературу XIX в. «... Небезызвестный писатель, который раздут, конечно, еврейской кагальной печатью, Максим Горький, вооружился не только против всех инакомыслящих современников, но и против почивающего уже много лет Федора Достоевского. Он даже на него замахнулся. Они не только современникам запретят думать иначе, как они, но даже великих мертвецов хотят упразднить!», – возмущался на заседании Думы лидер обновленного Союза Русского Народа Н. Е. Марков* в октябре 1913 г.⁷⁰.

Черносотенцы воспринимали литературу начала века не как проявление собственно русского искусства, а как своего рода вид еврейской культуры, вносившей «духовное растление в русскую жизнь и искажающей русские понятия и идеалы». «Еврейство, господа, отнимает у нас этот свет, и вот – вместо чистых лучей русских писателей – в душу русской молодежи, русского общества и народа полились ушаты помоев из таких сочинений, как “Яма” А. И. Куприна, “Иуда” Леонида Андреева и прочих бесчисленных измышлений еврейских упадочников-писак. Но ведь они русские, может заметить мне наивный неопытный человек или умный жид. “Поскоблите их хорошенько”, – отвечу я. – Нет, господа, они не русские: русские писатели со словом так не обходятся, русские литераторы так не писали, не пишут и не могут писать. ...Куприны и Андреевы – это литература евреев на ломаном русском языке. Это литература торгашей, овладевших Олимпом», – возмущался представи-

*Марков Николай Евгеньевич (1866 – 1945) – политический и общественный деятель, публицист, председатель Главного Совета Союза русского народа, лидер фракции правых III и IV Гос. Думы, видный монархический деятель в годы Гражданской войны и эмиграции, руководитель Союза Верных, председатель Высшего Монархического Совета.

тель Русского Собрания В. И. Веножинский на заседании съезда в мае 1912 года⁷¹.

Серьезной критике подвергся и классик русской литературы Л. Н. Толстой, который, по мнению крайних правых, был искусственно разрекламирован и возведен на роль кумира либеральной печатью. Л. Н. Толстого упрекали в отрыве от православных корней и формировании идейной основы для новой смуты: «Первым и величайшим виновником современной народной дикости является... Л. Н. Толстой, ибо он своим авторитетом провел в русскую жизнь принцип непротивления злу, прекратив тем борьбу со злом на Святой Руси, совершив тем самым нелепое и преступное, что когда-либо совершал смертный. От сотворения мира искони велась борьба между добром и злом: и если первое временами торжествовало, то только потому, что оно неукоснительно всеми мерами боролось со злом и побеждало его, как победил Бог дьявола и сверг его с неба в преисподнюю»⁷².

Оценивая творчество русских писателей применительно к русской народности, черносотенцы в противовес современной им литературе приводили в пример А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова: «Мы видели мировую скорбь в произведениях Достоевского и слышали последнюю лебединую песнь литературы XIX века в психологических, изящных рассказах Антона Чехова. Но до позора русская литература не могла дожить»⁷³.

К началу XX в. ослабление национального самосознания и потеря чувства патриотизма либеральной частью общества проявились в моральном терроре в его печатных изданиях, направленном на носителей по отношению к носителям традиционалистских взглядов. Степень угасания национального инстинкта ярко проявилась во время Русско-японской войны: «До чего дошло вытравление патриотизма – видно из того, что находились такие “русские” люди, которые радовались победам японцев и злобно скорбели от наших побед. До страшного цинизма дошло петербургское студенчество, которое послало японскому императору телеграмму, которой поздравляло его с победой над... русскими»⁷⁴. Доказывая степень негативного влияния интеллигенции на трудящиеся слои населения, крайние правые указывали на факты забастовок на пороховых и оружейных заводах, прекращение железнодорожного движения, подрыв и уничтожение мостов во время Русско-японской войны. Диссонансом звучали примеры японского воодушевления в годы войны, когда «народ с радостью приносил жертвы во имя любви к своей родине»⁷⁵.

По результатам революции черносотенные идеологи утверждали, что важнейшей ее причиной был «упадок в народной душе патриотизма»⁷⁶. Настроения русской интеллигенции начала XX в. живо описал очевидец бурливших в России событий С. Л. Франк: «Все мы выросли и жили в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идеи национализма и патриотизма, лозунги о защите государства от внешних и внутренних врагов казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятий и вождедений власти, и над ними было принято только смеяться. Славяно-

фильство, культивировавшее национальное сознание, скоро сошло со сцены или начало вырождаться; все оппозиционное общественное мнение стало “западническим”, а западничество – если не принципиально, то фактически – постепенно сливалось с индифферентизмом к проблеме государственно-национального бытия России»⁷⁷.

Черносотенцы резко отвергли принятое в либеральной литературе мнение, что, являясь интеллектуальной элитой, «мозгом нации», интеллигенция берет на себя инициативу формулирования общественных потребностей, а потому выступает выразительницей народного мнения. Несанкционированная «приватизация» интеллектуальным меньшинством права на выражение воли всего российского социума приводила к неверному отражению настроений и извращению его реальных нужд перед властями. «Выдавая совершенно ложно свой голос за голос народа, она, произведя смуту в стране, потребовала якобы для водворения мира и порядка, – парламентского образа правления», – говорилось во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий в августе 1906 года⁷⁸.

В споре с Н. А. Бердяевым после выхода «Вех» газета «Русское знамя» указывала на заблуждение интеллигенции, отождествлявшей собственные взгляды с народными и не видевшей огромной пропасти в мировоззренческих основах между двумя частями единого целого: «Решив, что перечисленные нами силы [Православие, самодержавие, народность. – М. Р.] уже не имеют никакого обаяния над народом и способны “только на одно насилие”, г. Бердяев чересчур поторопился и очевидно принял настроения русской интеллигенции за выражение “воли народа”. Из того обстоятельства, что “курсистки не веруют в Бога” и рабочие по складам читают Лафарга и Бебеля, еще не следует, что основная масса русского народа безбожна, что религиозный пафос в ней угас и религиозные идеалы ее умерли»⁷⁹.

Здесь оценки черной сотней интеллигенции совпадали и с позицией «великого отвергателя» Л. Н. Толстого, который цитировался на страницах ее изданий: «...либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих, – называя и считая себя представителями народа, не имеют на это звание никакого права. Люди эти представляют правительству во имя народа требования свободы совести, свободы собраний, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, представительства и т. п. А спросите народ... и настоящий народ... – не имеет никакого интереса к этим требованиям, ...они представляют только себя»⁸⁰.

На фоне слабости и пассивности пропагандистского аппарата Русской Православной Церкви и государства либеральная интеллигенция установила доминирующее положение в области формирования общественного мнения, громко заявив о своем предназначении трансформировать Россию в часть западной цивилизации. С одной стороны, это создавало возможность, прикрываясь тогой общего блага, вводить в соблазн коренной перестройки

государства значительные массы различных классов и социальных групп общества⁸¹. Обращаясь к результатам деятельности Л. Н. Толстого, крайне правые утверждали, что он своим учением превратил русский народ из «верующего, добродушного и простосердечного в дикарей, для которых нет ни Бога, ни царя, ни властей, ни родителей, ни семьи, ни нравственности». «Проповедь Толстого, искажившего смысл славы Христа, есть, поистине, проповедь Антихриста. Он как дьявол посеял на Руси зло, и оно выросло до ужасающих пределов: вместо любви, истекавшей из учения Спасителя, извращение Его Святого учения посеяло среди людей ненависть и все исходящие из нее пороки и преступность», – возмущалась черносотенная пресса⁸².

С другой стороны, выступая от имени всех классов и социальных групп общества, в союзе с либеральной бюрократией, интеллигенция пыталась убедить царя, что духовный строй народа изменился, и народ перестал видеть в царе выразителя нравственного начала – правды, а видит в нем только начальство и барина. А раз так, то самодержавие перестало быть нужным и лучше упразднить его⁸³. Этой мысли следовал классик русской литературы Л. Н. Толстой, заявлявший в 1902 г. в письме Николаю II: «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением»⁸⁴.

Черносотенная пресса указывала, что, возвысившись над народом своей образованностью, русская интеллигенция приобрела такие черты, как хамское самодовольство, мещанское высокомерие и презрение к своему народу⁸⁵. Характерной ее чертой являлось отсутствие к себе критического отношения при наличии огромного числа пороков, главным из которых была признана гордыня. Обращаясь к Л. Н. Толстому, черносотенная пресса с сарказмом писала об истоках рождения новой религии: «...просто из любопытства, взявши в руки в первый раз Евангелие и прочитавши в 5-й главе от Матфея слова Спасителя: “не противьтесь злу”, вы ничтоже сумняшеся, помыслили собственное евангелие с заповедями, во главе которых поставили вышеозначенную заповедь, – “о непротивлении злу”»⁸⁶. При этом указывалось, что вся предшествующая жизнь новоявленного пророка была далека от церковной чистоты: «А вы сами же в своей автобиографии признавались, что молодость свою провели в плотских пороках, а Евангелие до старости и в руках даже не держали. Откуда же могла взяться у вас Божественная, богопроповедническая премудрость?»⁸⁷.

Исследователь русского консерватизма А. В. Репников отмечал, что представители консервативного направления русской философии видели причину смуты в слепой самоуверенности интеллигенции, ее неспособности подчиняться законам жизни, но в стремлении перекраивать их по-своему, нежелании учиться у народа, но учить народ, а также в недостатке «серьезно вы-

работанных умов в образованном классе, вследствие чего вся умственная работа этого класса отличается очень невысоким качеством»⁸⁸.

Как и консерваторы⁸⁹, черносотенцы невысоко оценивали деловые качества претендовавшей на управление государством русской интеллигенции. Проведенный ими сравнительный анализ деятельности законодательных учреждений образцовых «демократий» того времени – Англии и Франции – выявил следующее. Если во французском парламенте преобладали представители т. н. «свободных профессий» – резонеры и политики, то в английском – представители деловых классов – земледельцы, промышленники, торговцы. В результате Англия, несмотря на многие неудачи, с непоколебимой твердостью вела свою внешнюю и внутреннюю политику, не зная серьезных потрясений. Не в пример ей, Франция представляла собой очаг непрекращающейся острой политической борьбы, на почве которой разыгрывались то «травля националистов, то панамский кризис, то дрейфусиада, то преследование католицизма, то доносы в армии!.. С Англией считаются народы всего мира, к ее голосу все прислушиваются, зная, что за правительством стоит весь народ. Франция же должна сама дрожать за свою неприкосновенность и даже за свой государственный строй. Бесперывные смены министерств, не имеющих прочной опоры, – это последствия теоретического переустройства государства с адвокатами во главе...», – писала в июле 1907 г. газета «Русское знамя»⁹⁰.

Крайне правые прогнозировали, что при получении кадетами власти российской государственность будет разрушена, так как ее члены не только являлись носителями рожденных в иных социокультурных условиях идей и концепций, но и не обладали необходимыми деловыми качествами. За семь лет до февральских событий 1917 года черносотенная пресса предупреждала: «Когда такие люди, как Милюков, получают власть, они своим космополитизмом наносят величайший вред тому государству, которое имело неосторожность допустить их ко власти»⁹¹. В обращении к правительству состоявшегося в августе 1915 г. в Саратове совещания представителей монархических организаций указывалось: «Правительство не имеет права передавать благополучие русского народа и будущность России в руки людей беспочвенных, от народа оторванных, не понимающих его мирозерцания, всеми силами добивающихся навязать несвойственные ему, а значит – вредные для него формы правления. Такими людьми являются большинство нашей интеллигенции, не могущих даже своих дел устроить как следует, а не только управлять государством...»⁹².

Неспособность либеральной интеллигенции к государственному устройению на примере кадетской партии подчеркивал в своей записке на имя царя член Главного совета Союза Русского Народа А. А. Римский-Корсаков, указывая на ее внутреннюю противоречивую природу: «Наиболее сильной и деятельной является партия кадетов, ведущая на поводу все остальные; но если приглядеться к ней не в смысле писанных программ, а в смысле бытовых

черт самого ее существования и последовательного хода ее возникновения, то придется признать, что эта партия сильна лишь своей слабостью. Нося название демократической, а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народоправства и отрицания собственности. Имея в составе своем значительное число так называемых земских деятелей, владельцев земли, кадетская партия первым пунктом своей программы поставила отчуждение земли, окончательное разорение собственных своих сочленов; конечно, руководители ее не были искренни в этом случае и к этому вовсе не стремились, весьма охотно выпустив этот пункт из программы созданного и руководимого ими Прогрессивного блока, но не является ли это лучшим доказательством того, что они не верят в собственное свое самостоятельное существование и ищут сочувствия извне путем уступок и жертв; без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой, не ихней колоды карт кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств – и ничего более»⁹³.

Отрицательное отношение к интеллигенции базировалось на негативном влиянии, которое та оказывала на государственные институты и органы местного самоуправления, превращая их в очаги сопротивления монархической власти. В мае 1911 года крайне правая пресса констатировала, что земские самоуправления в предреволюционный период становились насадителями антиправительственных настроений: «Самоуправления способствовали революции, пропуская в народ социалистические издания и крамольных учителей, а интеллигентные руководители самоуправлений старались внушить народу безбожие, неповиновение власти, презрение к власти и подготавливали таким образом аграрные беспорядки»⁹⁴. Неспособность земской интеллигенции к ежедневной кропотливой созидательной работе проявилась в игнорировании возложенных на нее функций по обустройству быта населения на местах и постоянных попытках расширить собственные полномочия посредством ухода из-под правительственной опеки, что неизбежно подрывало вертикаль власти, создавая основу для формирования немыслимого при самодержавии двоевластия: «Чтобы постепенно и более незаметно отделаться от правительственной власти... требуют... отдания в их руки переселенческого дела, уничтожения предельности обложения...»⁹⁵.

Признавая важность и необходимость для дела государственного строительства земских органов самоуправления, черносотенцы вынуждены были требовать существенного ограничения их прав только потому, что доминирующее положение в них заняли представители оппозиционных сил. «Земства основаны на выборных буржуазных началах, представляют собою довольно сплоченную и всегда однородную массу с либерализмом умеренного характера, но все-таки с ярко выраженной тенденцией совершенной независимости в своих делах», – давала характеристику органам местного самоуправления правомонархическая пресса⁹⁶. Это подвергало смертельной опас-

ности институт земского самоуправления, так как для нейтрализации исходящей от него опасности черносотенцы предлагали не допускать расширения их хозяйственной самостоятельности (запрет земских банков, уменьшение земских налогов и т. д.), а также создание условий их материальной зависимости от правительства и государственного банка. В перспективе усиление властной вертикали должно было сопровождаться всемерным ограничением земского самоуправления. Черносотенцы предлагали упразднить земские управы с сохранением губернских земских собраний как совещательных съездов о нуждах местного населения⁹⁷.

Помимо отсутствия опыта в деле государственного строительства, неспособности к кропотливой, усердной и радетельной работе на благо страны, крайне правые отмечали и такую характерную черту социального портрета русской интеллигенции, как безответственность: «Да ведь легко быть гражданином вселенной, что ни к чему не обязывает, чем верным сыном своей родины, что налагает массу обязанностей, вплоть до обязанности защищать ее до последней капли крови»⁹⁸. В страстной борьбе за переустройство общества отсутствие социальной ответственности интеллигенции проявлялось в нежелании прогнозировать возможные последствия реализации их теоретических мудрствований на практике. Выдвигая свою религию непротivления, Л. Н. Толстой совратил на путь духовной и физической гибели сотни своих последователей. В частности, газеты сообщали о семи тысячах адептов толстовской секты, которые переселились в Америку и, будучи одержимы верой, в зимнее время «босые и нагие путешествовали по американской пустыне навстречу грядущему Христу». Многие замерзли, другие тяжело заболели и сошли с ума⁹⁹. Черносотенная пресса так описывала результаты идеологически-разрушительной деятельности Л. Н. Толстого: «Тысячи крестьян, рабочих и прочих горемычных тружеников России брошены “художеством” нечестивого старца в объятия государственного бунта против власти, против собственности, против податей, воинской повинности... Их секли кнутами, заточали в тюрьмы, вешали, ссылали... А злохудожник все продолжал безнаказанно сеять по Руси свои “художества” и воздвигал все новые и новые горы и холмы из окровавленных и изуродованных тел!»

Русская интеллигенция не представляла собой однородной по социальному положению массы. Социальная дифференциация проникла и в ее среду, разделив «образованное общество» на высший и низший слой. Если в период первой российской революции черносотенцы считали, что участие интеллигенции в смуте является результатом ее идейных заблуждений, то впоследствии они поняли, что каждый из указанных слоев преследовал свои эгоистические цели. Высшим слоям образованного слоя только республиканская форма правления могла обеспечить прочное социальное положение за счет появления парламентских государственных институтов и замещения образовавшихся вакансий после изгнания царской бюрократии: «...сытые адвокаты, инженеры, доктора, профессора, журналисты весьма мало интересуют

ся материальными стремлениями трудовых классов, которые им непонятны и которые они считают низменными, но зато видят свет в расширении штатов, в увеличении sinecur, в усложнении формальностей судопроизводства, в бесконечных постройках, в политических осложнениях, в отделении церкви от государства, в расширении всяких прав, конечно, при минимуме обязанностей и т.п. Это два противоположных полюса. Одним нужен хлеб, другим всякие права без обязанностей»¹⁰⁰.

Незадолго до краха империи черносотенцы поняли, что высшие слои русской интеллигенции наконец обрели своего хозяина в лице крупной финансовой и промышленной буржуазии, лоббирование интересов которой сулило изрядный денежный куш. В обращении к правительству состоявшегося в августе 1915 г. в Саратове Сопровождающего представителей монархических организаций указывалось, что за спиной интеллигенции стоят «синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи, рассчитывающие при помощи подкупных и безответственных депутатов (членов Госдумы) издавать подходящие для себя законы для обдирания населения, как это мы видим во Франции, Америке и других парламентских странах»¹⁰¹. Черносотенцы срывали с интеллигенции тогу выразительницы «воли народа», показывая, что за ширмой «свободы, равенства и братства» кроются вполне меркантильные интересы буржуазии: «Банки и другие спекулянты будут всегда стремиться прижать и скупить за бесценок произведения земледельца; хозяева – дать меньшую плату служащему и т.д. Богатый класс, захватив власть через подставных и купленных членов Думы, никогда не позволит провести закон, который заставил бы их, например, щедро платить служащим, или не теснить зависимых от них, или, например, не спаивать народ, хотя это им и выгодно»¹⁰².

Крайне правые составили подробный социальный портрет и низшего слоя интеллигенции, чьи социально-психологические особенности были связаны с трудностями социальной адаптации: «Малообразованные и малоразвитые люди и в силу этого редко достигающие сносного материального положения, эти полуинтеллигенты вечно ропщут на общество, не сумевшее оценить их несуществующих талантов и качеств»¹⁰³. Неспособность добиться достойного положения в обществе бросала профессионально непригодных недоучек в жернова революции в надежде компенсировать социальную неустроенность: «им терять нечего или... очень мало». Для некоторой части низшей прослойки интеллигенции революция стала профессией, дававшей возможность социализироваться в постоянной борьбе и обрести смысл существования. Они были радушно приняты в среду пролетариата, составив офицерский корпус революционной армии: «Выучившись говорить по “трафарету” митинговые речи, смутьяны легко повели за собой всю, так называемую, “сознательную”, т. е. одурманенную и опоенную часть рабочих»¹⁰⁴. Провоцировавшиеся «полуинтеллигентами» многочисленные забастовки тяжело отозвались на экономике страны, приводя к разорению как предпринимательские слои, так и рабочих.

Очередным подтверждением непостоянства и переменчивости взглядов интеллигенции стало появление в 1909 г. сборника «Вехи», авторами которого выступили разочаровавшиеся в революции представители либерального сегмента общественной мысли. Выход «Вех» констатировал раскол в либеральном лагере, авторы которого, по оценкам идеологов черной сотни, ослабляли оппозицию, «уменьшая до крайности таким путем ее шансы на победу или, в лучшем случае, отдаляя ее момент и влияя на ее полноту»¹⁰⁵. Либералы предприняли запоздалую попытку приватизировать патриотизм, который давно уже находился в руках у черной сотни. П. Б. Струве лишь «погладил еврея против шерстки, заговорил о “национальном лице” и “национальном отталкивании от еврейства”», – язвила в мае 1909 г. правая пресса¹⁰⁶.

Авторы сборника «Вехи» вынуждены признать во многом правильную оценку русской революции, даваемую их политическими противниками из крайне правого лагеря. Высказанное в сборнике покаяние черносотенцы оценили как половинчатое и неполное: «Они отстали от воров и не пристали к панам». Для утверждения на началах традиционных ценностей сменовеховцам предлагалось почитать изданные несколько лет назад правомонархические газеты. Сменовеховцев газета «Русское знамя» охарактеризовала как «бывших людишек», которые не столько изменили свои взгляды, сколько решили заняться политической коммерцией, найдя новых хозяев в лице правительства: «Людишки порвали с щедрым иудеем в надежде на безотлагательное получение казенного восполнения...». Черносотенная пресса от-

неслась с презрением к подобной выходке сменовеховцев, предупреждая их, что «путь оппортунизма наклонен и скользок, ступившему на него недолго докатиться до дна, на котором нет места ширмам принципиальности и идейности и где нет удержу оголенному ненасытному властолюбию и наглому мародерству»¹⁰⁷.

Несмотря на вызванный сборником широкий общественный резонанс, серьезного влияния на мировоззренческие установки русской интеллигенции «Вехи» не оказали. Это явно проявилось в отношении к крайне правому сегменту политического спектра России, воззрения которого продолжали оцениваться как «человеконенавистническая реакционная доктрина». Собственно, сама идеология крайне правого лагеря как воззрения традиционалистской части населения России глубоко не исследовалась. В частности, попытка Н. А. Бердяева в опубликованной в сборнике статье «Черная анархия» обратиться к рассмотрению правомонархической системы взглядов являла собой лишь набор уже известных критических штампов, которыми либеральная печать награждала крайне правых на протяжении всего периода их существования. «Русское знамя» писало: «Идея выставить Союз Русского Народа революционерами справа или анархистами – не нова, и не господину Бердяеву принадлежит честь ее изобретения, но г. Бердяев, непризнанный философ, выступает со своими злыми глупыми выходками под видом якобы не политического противника монархистов, а нравственного». «Ничего нового в речах Бердяева нет, – но в них все старое, вся беспардонная ложь, посевавшаяся еврейской печатью против СРН, собрана в один фокус, – под который шулерски подведен “философский” фундамент. Возражать Бердяеву? Возражать шулеру, уличаемому собственными краплеными картами, – нечего»¹⁰⁸.

Развязанный либеральной и революционной печатью моральный террор против черной сотни был весьма эффективным. В послереволюционное время православная интеллигенция стала менее охотно вступать в крайне правые партии, а иногда и покидать их. Председатель Одесского филиала Русского собрания в сентябре 1909 г. в речи по случаю годовщины отдела вынужден был отметить: «Самый позорный факт в жизни “Русского собрания” – это бегство из него профессоров»¹⁰⁹. Степень третирирования в либеральной прессе носителей традиционных взглядов достигла такого масштаба, что вынудила лидеров черной сотни прибегнуть к угрозам: «...будет резня. Слышите, бывшие люди: резня между нами и вами. И не по нашей вине: вы ее накликаете, вы сеете ненависть к нам, а когда мы предлагаем вам, оставив демагогию, перейти на почву спокойных объяснений, – вы отказываетесь под предлогом отвращения к нам»¹¹⁰.

Крайне правые знали, о чем говорили. Обращаясь к фактам массовых избиений представителей образованных слоев в октябре 1905 г., черносотенцы указывали на то, что простым народом русская интеллигенция не воспринималась как носительница его мировоззрения и культуры¹¹¹. По мнению исто-

рика Л. В. Селезневой, российские либералы знали культуру и быт русского народа «пожалуй, в меньшей степени, чем опыт иностранных демократий»¹¹², а потому «вольнo или невольнo экстраполировали практически на всю нацию свой менталитет, вынуждены были адаптировать классическую теорию либерализма к российской реальности, свою систему ценностей, в которой доминировали свобода личности, возможность самореализации и совершенствования»¹¹³. В противостоянии с оппонентами правомонархисты не столько настраивали низы общества против образованных слоев, сколько констатировали факт враждебного к ним отношения. В годы между двумя революциями черносотенцы предупреждали интеллигенцию, что, заигрывая с революцией, она «готовит себе петлю...»¹¹⁴. Утверждалось, что если интеллигенция не пересмотрит своего негативного отношения к базовым ценностям русской цивилизации, то наступившая передышка закончится новым социальным взрывом, в ходе которого первой жертвой революционного террора станут именно образованные слои общества.

Крушение монархии и последовавшие за ней события отчасти показали правоту предсказаний черной сотни. По следам революционных событий 1917 г. один из оппонентов правомонархистов из либерального станa, П. Б. Струве, сделал запоздалое признание: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непрерываемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 г. событий. Между тем один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере “режим” низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, с другой – в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях. Не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями»¹¹⁵. Русской либеральной интеллигенции понадобилось пройти большой путь, чтобы признать правоту предсказаний их политических противников из крайне правого лагеря, сделанных задолго до революционных потрясений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87 – 88; Осипов И. Д. Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сборник статей. Выпуск 1. Под ред. Ю. Н. Солонина, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 115.

² К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полуптом 1. М. – Пг., 1923. С. 111.

³ *Осипов И. Д.* Аксиология русского консерватизма // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*. С. 115.

⁴ *Булгаков С. Н., прот.* Героизм и подвижничество. // *Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909 – 1910*. М., 1991. С. 49 – 50.

⁵ *Последние дни императорской власти.* / Сост. А. Блок. М., 2005. С. 130.

⁶ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия // *О России и русской философской культуре*. М., 1990. С. 287.

⁷ *Русское знамя.* 1913. 7 февраля.

⁸ Там же. 1911. 18 марта.

⁹ *Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // *Вехи. Интеллигенция в России*. М., 1991. С. 318.

¹⁰ *Русское знамя.* 1916. 25 декабря.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 1908. 25 июля.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 618. Л. 2.

¹⁶ *Русское знамя.* 1911. 24 июня.

¹⁷ Там же. 18 мая.

¹⁸ Там же. 1909. 10 сентября.

¹⁹ Там же. 1908. 25 декабря.

²⁰ Там же. 1911. 22 мая.

²¹ Там же. 1909. 10 сентября.

²² Там же. 1916. 25 декабря.

²³ Там же.

²⁴ Там же. 1 декабря.

²⁵ Там же. 1911. 18 марта.

²⁶ Там же. 1908. 25 декабря.

²⁷ Там же. 1911. 9 марта.

²⁸ Там же. 1908. 28 августа.

²⁹ Там же. 1911. 18 марта.

³⁰ Там же. 1908. 28 августа.

³¹ Там же. 22 июля.

³² Там же. 28 августа.

³³ Там же. 22 июля.

³⁴ Там же. 1907. 30 сентября.

³⁵ *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? // *О России и русской философской культуре*. М., 1990. С. 452.

³⁶ *Русское знамя.* 1908. 28 августа.

³⁷ Там же.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

³⁹ *Степанов С. А.* Черная сотня в России. 1905 – 1914. М., 1992. С. 44 – 47.

⁴⁰ *Русское знамя.* 1911. 27 мая.

⁴¹ Там же. 18 мая.

⁴² Там же. 1907. 29 июля.

⁴³ Там же. 27 июля.

- ⁴⁴ *Куда временщики ведут Союз русского народа.* Спб., 1910. С. 614 – 615.
- ⁴⁵ *Русское знамя.* 1907. 25 декабря.
- ⁴⁶ Там же. 1911. 26 мая.
- ⁴⁷ Там же. 1908, 22 июля; 1907. 16 февраля.
- ⁴⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Русское знамя.* 1908. 28 августа.
- ⁵¹ Там же. 1907. 4 октября.
- ⁵² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1100/28.
- ⁵³ *Русское знамя.* 1908. 25 июля.
- ⁵⁴ Там же. 1916. 25 декабря.
- ⁵⁵ Там же. 1908. 5 марта.
- ⁵⁶ *Вестник Союза русского народа.* 1912. № 102.
- ⁵⁷ *Прямой путь.* 1912. Вып. V (май).
- ⁵⁸ *Табак Ю.* Отношение Русской Православной Церкви к евреям: история и современность // *Диа-Логос*, 1998 – 1999. М., 1999.
- ⁵⁹ *Русское знамя.* 1916. 25 декабря.
- ⁶⁰ *Прямой путь.* 1912. Вып. V (май).
- ⁶¹ *Русское знамя.* 1911. 4 февраля.
- ⁶² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ⁶³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 58804.
- ⁶⁴ *Русское знамя.* 1910. 15 января.
- ⁶⁵ Там же. 1909. 10 сентября.
- ⁶⁶ Там же. 1907. 26 сентября.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. 1909. 10 сентября.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 150 – 151.
- ⁷¹ *Вестник Союза русского народа.* 1912. № 104.
- ⁷² *Русское знамя.* 1910. 20 января.
- ⁷³ *Вестник Союза русского народа.* 1912. № 104.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 191. Л. 5.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Франк С. Л.* Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве // *Франк. С. Непрочитанное.* М., 2001. С. 573.
- ⁷⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁷⁹ *Русское знамя.* 1916. 25 декабря.
- ⁸⁰ Там же. 1908. 28 августа.
- ⁸¹ Там же. 25 июля.
- ⁸² Там же. 1910. 20 января.
- ⁸³ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁸⁴ *Лев Толстой и русские цари.* М., 1995. С. 106.
- ⁸⁵ *Русское знамя.* 1907. 2 декабря.
- ⁸⁶ Там же. 1908. 22 июля.
- ⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Репников А. В. Консервативная модель переустройства России // Вестник Фонда развития политического централизма. Июнь 2000. № 2 (23). Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 2. М., 2000. С. 4 – 28.

⁸⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 87 – 88.

⁹⁰ Русское знамя. 1907. 12 июля.

⁹¹ Там же. 1909. 30 мая.

⁹² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.

⁹³ Последние дни императорской власти. С. 127 – 128.

⁹⁴ Русское знамя. 1911. 6 мая.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. 20 января.

⁹⁷ Там же. 6 мая.

⁹⁸ Там же. 1907. 24 октября.

⁹⁹ Там же. 1908. 22 июля.

¹⁰⁰ Там же. 1907. 12 июля.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.

¹⁰² Там же. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.

¹⁰³ Русское знамя. 1907. 24 октября.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. 1909. 1 мая.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. 10 сентября.

¹¹⁰ Там же. 1909. 1 мая.

¹¹¹ Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905 – 1914 гг. (на материалах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Ярославль, 2001. С. 29 – 31.

¹¹² Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995. С. 174.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Русское знамя. 1907. 9 июля.

¹¹⁵ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 279.

Размолодин Максим Львович, 1972 года рождения, уроженец г. Ярославля, выпускник исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, в настоящее время – военнослужащий. В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905 – 1914 гг.», а в 2012 г. – докторскую по теме: «Идеология правомонархических организаций в России в начале XX в.». Область научных интересов – история России кон. XIX – XX вв. Автор более сорока научных работ по исторической тематике.

Евгений Германович Водолазкин (род. 21. 02. 1964 г., Киев) – доктор филологических наук [тема докторской диссертации 2000 г. – «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеинного повествования XI – XV вв.)»], ученик Д. С. Лихачёва, сотрудник Пушкинского дома, литературовед, писатель.

В главах из романа Е. Г. Водолазкина «Лавр», предлагаемых читателю «ДС», главный герой Арсений предстает в ипостаси юродивого. Лекарь от Бога, он боролся с чумой, язвой, моровыми поветриями, был любим и востребован. В его жизни случился переломный момент: умерла его возлюбленная Устина, и Арсений принял решение жить вместо нее.

Знакомых с житием петербургской юродивой, ныне почитаемой всем православным миром Ксенией Блаженной, этот сюжетный ход не удивит: Арсений принимает имя покойной, становится Устином. Канва «Лавра» почерпнута из житийных историй. Прототипом Арсения

стал святой Варлаам Керетский. По мнению критика Е. Коробковой, роман Е. Водолазкина «Лавр» удовлетворит не только простого читателя, но и искушенного филолога, т. к. главная удача романа – стилистическая. Водолазкин пошел на рискованный шаг, смешав древний житийный язык с современным молодежным сленгом. Главная мысль романа – смерти нет. Читатель проваливается в безвременье, натываясь в середине XV века на пластиковую бутылку в лесу или следя, как вертолет Ми-8 поднимает статую на шпиль Петропавловской крепости... Впрочем, по предлагаемым главам наш читатель сам имеет возможность оценить как оригинальность, так и художественные открытия автора в его свободном обращении с пространством, временем и словом в границах созданного им текста. В любом случае, мы, читатели, должны быть благодарны автору за обращение его к русской истории, ибо история, по бессмертному слову Н. М. Карамзина, «отверзает гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созида Царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; её творческою силою мы живем с людьми всех времён, видим и слышим их, любим и ненавидим; ещё не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают уми или питают чувствительность».

ЛАВР

Он проснулся от пения птиц. Это было настоящее весеннее пение, хотя приход весны был еще не очевиден. На некоторых могилах лежал снег. Птицы способствовали таянию снега. Под их пение снег превращался в воду и просачивался к покойникам, принося и им благую весть о весне. Весна во Пскове наступала раньше, чем в Белозерске. Белозерцы всегда считали псковичей южанами. И продолжают считать таковыми по сей день.

Кладбище, на котором провел ночь Арсений, было монастырским. Он понял это, увидев ходивших по кладбищу монахинь. Когда сестры спросили его, кто он такой, Арсений по своему обыкновению назвался Устином. Большого он им, конечно, не сказал. Сестры же сообщили ему, что он находится на земле Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря. Они не были уверены, что Арсений их понял. Посоветовавшись, вынесли Арсению миску рыбного супа. Когда Арсений съел суп, они взяли его под руки и вывели за ограду.

Весь день Арсений бродил по берегу реки Великой. Увидев подошедший паром, он решил пересечь реку в обратном направлении. На сей раз паромщик не требовал у него денег. Он сказал:

Плавай, аще хочещи, человеце Божий. Мню, яко посещение твое благо есть.

На том берегу Арсения встретил юродивый Фома.

Ага, вскричал Фома, вижу, что ты есть самый настоящий юродивый. Настоящий. У меня, будь покоен, нюх на сей счет первоклассный. Но знаешь ли ты, друже, что каждая часть земли псковской держит одного лишь юродивого?

Арсений молчал. Тогда юродивый Фома схватил его за руку и потащил за собой. Они почти бежали вдоль кремлевской стены, и Арсений не видел возможности это движение остановить: Фома оказался очень цепок. Перед ними появилась еще одна река. Это была Пскова, которая несла свои воды в реку Великую.

Там, за Псковой, сказал юродивый Фома, живет юродивый Карп. Речь его скудна и неразборчива. Иной раз токмо имя свое часторечением извещает: Карп, Карп, Карп. Очень достойный человек. Тем не менее по среднему счету раз в месяц мне приходится бить ему морду. Сие происходит в те дни, когда он пересекает реку и приходит в город. Я же, нанося юродивому Карпу кровавые раны, побуждаю его не покидать Запсковье. Твой удел, учу я его, Запсковье. Оно, учти, остается без тебя сиротой, в то время как в моей части города образуется нашего брата избыток. Избыточность же порочна и приводит к духовному опустошению... Явился не запылится!

Отрывок печатается с разрешения автора по изданию: Водолазкин Е.Г. Лавр: роман / Евгений Водолазкин. – Москва: АСТ, 2014. Гл: 13 – 20 из «Книги отречения» и 1 – 3 «Книги пути».

Юродивый Фома сложил руки на груди и смотрел на противоположный берег. Оттуда ему грозил кулаком юродивый Карп.

Грози, говнюк, грози, прокричал юродивый Фома без злобы. Аще же ты zde единожды обрящу, сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнеши.

Они принимают меня за юродивого, сказал Арсений Устине.

А за кого же тебя еще принимать, удивился Фома. Посмотри на себя, Арсение. Ты и есть юродивый, иже избра себе житие буйственное и от человек уничиженное.

И он знает мое крестильное имя. Фома засмеялся:

Как же его не знать, когда оно у каждого крещеного человека на лбу

написано? Вот про Устина догадаться, конечно, сложнее, но про него ты и сам всем сообщаешь. Так что юродствуй, дорогой мой, не стесняйся, иначе своим почитанием они тебя в конце концов достанут. Их поклонение с целыми твоими несовместимо. Вспомни, как было в Белозерске. Оно тебе надо?

Кто сей знающий тайны мои? Арсений повернулся к Фоме:

Ты кто?

Ты спрашиваешь о второстепенных вещах, – ответил Фома. А я скажу тебе о главном. Возвращайся в Завеличье, где на будущей Комсомольской площади стоит монастырь Иоанна Предтечи. На монастырском кладбище ты, подозреваю, сегодня уже ночевал. Оставайся там и верь: в этом монастыре могла быть Устина. Полагаю, что она туда просто не дошла. Зато дошел ты. Молись – о ней и о себе. Будь ею и собой одновременно. Бесчинствуй. Быть благочестивым легко и приятно, ты же будь ненавидим. Не давай псковским спать: они ленивы и нелюбопытны. Аминь.

Фома размахнулся и ударил Арсения по лицу. Арсений молча смотрел на него, чувствуя, как по подбородку и шее стекает из носа кровь. Фома обнял Арсения, и лицо его тоже стало кровавым. Фома сказал:

Отдавая себя Устине, ты, я знаю, изнуряешь свое тело, но отказ от тела – это еще не все. Как раз это, друг мой, и может привести к гордыне.

Что же я могу еще сделать, подумал Арсений.

Сделай больше, прошептал ему в самое ухо Фома. Откажись от своей личности. Ты уже сделал первый шаг, назвавшись Устином. А теперь откажись от себя совершенно.

Храм св. Иоанна Предтечи в Пскове в XIII веке

С того самого дня Арсений поселился на кладбище. У одной из стен он увидел два сросшихся дуба, и они стали первой стеной его нового дома. Второй стеной стала стена кладбищенская. Третью стену соорудил сам Арсений. Пройдя вдоль реки, он собрал валявшиеся там бревна, кирпичи из разрушенных стен, обрывки сетей и много других предметов, незаменимых для строительства. Четвертая стена Арсению не понадобилась: на ее месте был вход.

За этой работой следили монахини, но ничего Арсению не говорили. С его стороны они также не слышали никаких слов. Строительство велось по обоюдному молчаливому согласию. Когда оно было закончено, к дому Арсения в сопровождении нескольких сестер пришла настоятельница монастыря. Увидев Арсения, лежащего на желтой прошлогодней траве, она сказала:

Зде живущий имеет себе одр землю, а покров небо.

Да, такое строительство нельзя назвать полноценным, подтвердили сестры.

Просто главный свой дом он строит на небесах, сказала настоятельница. Моли Господа о нас, человече Божий.

По приказу настоятельницы Арсению вынесли миску с кашей. Едва Арсений почувствовал теплоту миски, руки его разжались. Миска упала с глу-

хим стуком, но не разбилась. Трава медленно поглотила кашу. Стало заметно, как сквозь ее желтые лохмы уже пробивалась первая зелень.

Эта зелень, сказал Арсений Устине, тоже нуждается в корме. Пусть растет, прославляя нашего мальчика.

Еще не единожды впоследствии ему выносили кашу, и всякий раз с ней происходило то же самое. Арсений доедал лишь то, что ему оставляла трава. Он осторожно вынимал остатки пищи из травы, проходя сквозь нее пальцами, как граблями. Иногда через пролом на кладбище забегали собаки и слизывали кашу своими длинными красными языками. Арсений собак не отгонял, потому что понимал, что им тоже нужно есть. Кроме того, они напоминали ему Волка его детства. Кормя их, он как бы кормил и его. Память о нем. Собаки съедали то, что когда-то не успел съесть Волк. Когда они уходили, Арсений кричал им вдогонку слова прощания и просил передать Волку привет.

Вы один род, кричал Арсений, и я думаю, вы знаете, как это сделать.

Видя особенности питания Арсения, сестры стали выкладывать ему еду на траву. Он кланялся, не поворачиваясь к ним, и, когда они уходили, не провожал их взглядом. Он боялся, что в лицах приходивших к нему не разглядит черт Устины.

Первые недели своей псковской жизни Арсений вставал с рассветом и отправлялся ходить по Завеличью. Он присматривался к живущим там людям. Остановившись, устремлял на них особый взгляд того, чье умонастроение отличается от общепринятого. Заглядывал за заборы. Прижимался

лбом к окнам и наблюдал сокровенную жизнь псковичей. В целом она не вселяла в него отрады.

В домах Завеличья стоял дым, смешанный с паром. Там сушилась одежда и кипели щи. Там били детей, кричали на стариков и совокуплялись в общем для всех пространстве избы. Перед едой и сном молились. Иногда сваливались спать без молитвы – наработавшись до потери сил. Или напившись. Ноги в сапогах

забрасывали на подложенную женами ветошь. Громко храпели. Вытирали текущие во сне слюни и отгоняли мух. Со звуком терки водили рукой по лицу. Матерно ругались. С треском портили воздух. Все это не просыпаясь.

Идя по улицам Завеличья, в дома благочестивых людей Арсений бросал камни. Камни отлетали от бревен с глухим деревянным стуком. Из домов выходили их обитатели, и Арсений кланялся им, крестясь. К домам же людей развратных или ведущих себя неподобающе Арсений подходил вплотную. Он опускался на колени, целовал стены этих домов и что-то тихо говорил. И когда многие удивились поступкам Арсения, юродивый Фома сказал:

Ну что же здесь, если разобраться, удивительного. Брат наш Устин глубоко прав, ибо камни бросает лишь в дома людей благочестивых. Из сих домов бесы изгнаны ангелами. Они боятся войти внутрь и цепляются, как показывает практика, за углы домов. Юродивый Фома показал на один из домов. Видите ли многочисленных бесов на углах?

Не видим, ответили собравшиеся.

А он видит. И забрасывает их камнями. У людей же неправедных бесы сидят внутри дома, поскольку ангелы, данные на сохранение души человеческой, там жить не могут. Ангелы стоят у дома и плачут о падших душах. Брат же наш Устин обращается к ангелам и просит их не оставлять свою молитву, дабы души не погибли окончательно. А вы, сукины дети, думаете, что он разговаривает со стенами...

Среди слушателей юродивый Фома заметил юродивого Карпа. Карп подставлял лицо солнцу. Он слушал Фому и безмысленно улыбался. Он наслаждался жарким весенним днем и своим присутствием в этой части города. Перехватив гневный взгляд Фомы, Карп вспомнил о нарушении запрета. Он попытался потихоньку скрыться, хотя и понимал, что задача эта не из простых. Стремясь пробраться к мосту через Пскову, Карп стал обходить толпу приставными шагами. Ему казалось, что движение боком способно прикрыть его истинные намерения. Уже через несколько мгновений он заметил, что отрезан от моста Фомой.

Карп, Карп, Карп, зарыдал юродивый Карп и приставными шагами двинулся в противоположную сторону.

Но юродивый Фома оказался быстрее юродивого Карпа. С неестественно громким шлепком его ладонь обрушилась на шею нарушителя.

Мог ли я ожидать от сего иных действий, крикнул Карп и бросился бежать в направлении моста.

Фома подгонял его пинками. Достигнув середины моста, Карп остановился. Когда преследователь приблизился, бежавший с размаху дал ему затрепину. Юродивый Фома снес ее кротко, ибо это уже была земля юродивого Карпа.

Вы мои верные друзья по борьбе с плотью, сказал Арсений комарам. Вы не даете плоти диктовать мне свои условия.

На берегу реки Великой, где стоял монастырь, комаров было множество. За кладбищенской же стеной, куда не доставал береговой ветер, комаров было даже больше, чем у самой воды. Такого их количества еще никто не видел. Кровососущие являлись порождением необычно жаркой весны.

Открытыми у средневекового человека были лишь лицо и кисти рук, но и этого оказалось достаточно, чтобы жителей Пскова лишить терпения. Псковичи чесались, плевали на ладони и размазывали слюну по коже, полагая, что так облегчат себе страдания от укусов. Не довольствуясь открытыми частями тела, рассвирепевшие насекомые прокусывали даже плотную одежду.

Арсения же комары не огорчали. Теплыми сырыми ночами, когда воздух превращался в гудящее месиво, он раздевался донага и становился на мостовую плиту перед своим домом. Проводя рукой по телу, он испытывал необычное ощущение. Ему казалось, что кожа его покрылась густой, как у Исава, растительностью. Когда он к ней прикасался, растительность обращалась в кровь. В темноте Арсений не видел крови, но чувствовал ее запах и слышал хруст раздавленных насекомых. Чаще же не обращал на них внимания, поскольку во время ночных стояний усердно молился за Устину.

Так стоял он лишь в темное время суток, которое было хотя и коротким, но достаточным для полного обескровливания. Арсений, однако же, обескровлен не был. Надоела ли его кровь комарам, или – ввиду необычайной щедрости Арсения – кровососущие решили проявить сдержанность, только ночное стояние не отняло у него жизни. Не однажды по утрам находили его бездыханным, но всякий раз он в конце концов приходил в себя.

Совлечся одеяний тленных и облечся в ризу бесстрастия, говорила в такие дни настоятельница, отвернувшись от его наготы.

С течением времени комаров стало меньше, но бодрствование Арсения по ночам не прекратилось. Оно и не могло прекратиться, поскольку ночь оставалась для Арсения единственным спокойным временем для молитвы. День был полон забот и тревог.

Арсений обходил Завеличье и следил за течением его жизни. Он забрасывал бесов камнями и разговаривал с ангелами. Знал обо всех крещени-

ях, венчаниях и отпеваниях. Знал о рождении в Завеличье новых душ. Стоя у дома новорожденного, предвидел его судьбу. Если век его предполагался долгим, Арсений смеялся. Если ему надлежало вскорости умереть, Арсений плакал. В те дни никто, кроме юродивого Фомы, еще не знал, отчего смеется и плачет Арсений. Фома же не торопился никому этого объяснять, да и в Завеличье бывал редко.

Однажды юродивый Фома пришел в Завеличье и потребовал, чтобы Арсений следовал за ним через реку.

Мне нужна твоя консультация, сказал он Арсению. Случай не из простых, только потому я и веду тебя в свою часть города.

У сотника Пережоги занемог младенец Анфим. Он лежал в своей люльке и молча смотрел вверх. В такт немому его покачиванию двигалось десять пар глаз. Люльку Анфима обступила ближайшая родня. Когда Арсений взял дитя на руки, оно отчаянно закричало. Глаза Арсения наполнились слезами, и он положил Анфима обратно в люльку. Лег на пол. Скрестил на груди руки. Закрыв глаза.

Брат наш Устин видит, что дитя умрет, сказал юродивый Фома. Медицина бессильна.

Анфим перестал дышать на вечерней заре. Прощаясь с Арсением у порога, юродивый Фома дал ему затрещину.

Это за появление на моей территории. Но так ведь тебе легче, а?

На середине реки Арсений кивнул. Конечно, легче. В полумраке было видно, как на речной ряби вспыхивали неяркие искры. Самый большой их сноп медленно двигался по гребню волны, и Арсений подумал, что это душа усопшего ребенка. Вышедшая из маленького тела на ночь глядя.

Три дня тебе еще предстоит провести здесь, сказал душе Арсений. Принято считать, что первые три дня души пребывают там, где они жили. Знаешь, Псков – хороший город, так отчего же не покинуть мир именно отсюда? Посмотри: в домах на берегу реки зажглись огни, там готовятся ко сну. А небо на западе все еще светится. На нем застыли облака с неровными алыми краями. Двигаться до утра они уже не собираются. На вечернем посвежшем ветру мелко дрожат липы. Одним словом, стоит теплый летний вечер. Ты покидаешь все это, и тебе может быть страшно. Ведь, увидев меня, ты закричал от этого страха, правда? Мой вид сказал тебе, что смерть близка. А ты не бойся. Чтобы ты не чувствовал себя одиноким, я проведу эти три дня с тобой, хочешь? Я живу на кладбище монастыря, это очень спокойное место.

И Арсений повел душу Анфима на кладбище.

Он читал молитвы три дня и три ночи. На исходе третьего дня губы Арсения уже не двигались, но чувство любви к ребенку не притупилось. И оно говорило Арсению: бодрствуй. Говорило: если сядешь на землю, то уснешь. Арсений не садился, но позволил себе облокотиться о сросшиеся дубы, которые составляли стену его дома. Он не хотел оставлять ребенка наедине с его смертью.

Прощаясь с душой Анфима, Арсений прошептал:

Послушай, хочу тебя попросить. Если встретишь там мальчика, он еще меньше тебя... Ты его легко узнаешь, у него даже имени нет. Это мой сын. Ты ему... Арсений прижался лбом к дубу и почувствовал, как в него вливается деревянность. Ты его поцелуй от меня. Просто поцелуй.

Утро юродивого Карпа начиналось так. Сложив руки за спиной, он стоял у дома калачника Самсона.

Карп, Карп, Карп, говорил проходящим юродивый Карп.

Когда Самсон выходил на улицу с лотком на ремне, Карп зубами хватал полуденежный калач и бросался прочь. Для человека, держащего в зубах калач, он бежал очень быстро. По необходимости молча. Не размыкая рук за спиной. За юродивым бежали небогатые люди, которые знали, что калач в конце концов упадет. Когда калач падал, они его подбирали. То, что оставалось во рту у юродивого, и было его дневной пищей.

Калачник Самсон за юродивым Карпом не бежал. Даже если бы и хотел бежать, с тяжелым лотком это было невозможно. Но калачник не хотел бежать. На юродивого Карпа он не сердился. Потому что после встречи с юродивым ему хорошо торговалось и его калачи расходились очень быстро. Если же юродивый ввиду своей занятости запаздывал, калачник Самсон терпеливо ждал его у своего дома в Запсковье.

Не таким был калачник Прохор из Завеличья. Человеком он слыл мрачноватым и к раздаче калачей не склонным. Поскольку Завеличье находилось в сфере ответственности Арсения, ему пришлось столкнуться с калачником Прохором. Это произошло в конце лета.

Увидев Прохора с его калачами, Арсений смутился душою. Он смотрел на Прохора в упор, и взгляд его становился все горячее.

Что ты, юроде, спросил Прохор.

Не произнося ни слова, Арсений ударил снизу по лотку. Калачи дружно спрыгнули с лотка и шлепнулись в августовскую пыль. Прохожие хотели было отряхнуть калачи и взять себе, но Арсений не дал. Изделия калачника Прохора он стал разламывать на мелкие куски, пинать ногами и втаптывать в пыль. Когда калачи превратились в комья грязи, Прохор будто очнулся. Он медленно двинулся к Арсению, и каждый кулак его был как калач. Не делая особого замаха, он ударил Арсения кулаком в лицо. Арсений упал на землю, и калачник ударил его ногой.

Не тронь его, он человек Божий, закричали прохожие.

А рассыпать мои калачи – не Божий? А топтать их ногами – не Божий?

С каждым вопросом калачник Прохор наносил Арсению удар ногой. От этих ударов лежавший отлетал, как груды тряпья. Может статься, он и был грудой тряпья, ибо тела в нем уже почти не оставалось. С воплем калачник прыгнул на спину Арсения обеими ногами, и все услышали хруст ребер. Тогда мужчины бросились на калачника Прохора и вывернули ему за спину руки. Кто-то связал их своим ремнем. Сильный Прохор пытался стряхнуть скрутивших его и снова рвался к Арсению.

Уходи, человеке Божий, сказали Арсению окружающие.

Но Арсений не уходил. Он не двигался. Лежал, раскинув руки, и под его волосами растекалась бурая лужа. Все смотрели на калачника Прохора, который понемногу затихал. Со стороны паромы шел юродивый Фома.

Отныне имя ти не калачник, но кулачник, крикнул Прохору Фома. Вас же, засранцев (он обвел стоявших глазами), ознакомлю со следующими фактами. Минувшей ночью сей фрукт совокуплялся с женой. Потом, не омывшись, месил тесто и лепил свои калачи. Утром хотел продавать нечистый продукт православным и, если бы не брат наш Устин, как пить дать продал бы.

Это правда, спросили присутствующие.

Калачник Прохор не отвечал, но его молчание тоже было ответом. Все знали, что юродивый Фома говорит только правду. Прохора решили отвести в земляную тюрьму. Наказание ему отложили до выяснения судьбы Арсения. Сказали:

Аще человек Божий умрет, грех сей на ти будет.

Арсения же положили на рогожу и двинулись в Иоаннов монастырь.

В воротах монастыря сестры встретили их плачем, поскольку успели привязаться к Арсению. Они уже знали о случившейся беде. Взяв рогожу за края, сестры осторожно понесли Арсения по монастырю, чтобы не причинить ему лишней боли. Но Арсению не было больно: он ничего не чувствовал. Сестры несли его, стараясь идти мелкими шагами и в ногу, а голова Арсения слегка покачивалась.

Настоятельница сказала:

В своем народе чужой, все с радостью претерпел ты Христа ради, взыскуя древнего погибшего отечества.

Лицо настоятельницы было закрыто руками, и голос ее прозвучал глухо, но внятно.

Для Арсения освободили одну из отдаленных келий, где мужское присутствие не могло бы смутить ни одну из паломниц. Сами же сестры не смущались, поскольку юродивый Устин был в их глазах беспол и до некоторой степени бесплотен. Внося больного в дальнюю келью, они надеялись на его выздоровление и готовились к его кончине.

Приходится с горечью констатировать, сказала настоятельница, что травмы пострадавшего мало совместимы с жизнью. Впрочем, смерть для бра-

та нашего Устина не является предметом совсем уж незнакомым: брат наш Устин мертв себе еще в житии состави. Благоюродивый Устин яко оплакания достоин хождаше, обаче внутренний человек в нем обновися. Прожив бездомно, сей брат наш кущи своя на небесех водрузи.

В случае смертельного исхода сестры предназначали Арсению то место у стены кладбища, где он обосновался еще весной. Жилище Арсения казалось им почти готовым склепом. Сооружением уютным и обжитым.

Но Арсений выжил. Через несколько дней он пришел в сознание, и кости его стали понемногу срастаться. Их сращение Арсений ощущал так же явственно, как прежде разлом. Оно было беззвучно, но очевидно.

Сестры кормили Арсения с ложечки. Он молча открывал рот, и по щекам его текли слезы. Слезы текли и по щекам сестер. Мыть Арсения, который не вставал, приглашали плотника Власа.

Первого сентября к Арсению пришел юродивый Фома и поздравил его с новолетием. В подарок он принес дохлую крысу. Фома держал ее за хвост, а крыса грустно раскачивалась.

Положив крысу у изголовья Арсения, юродивый Фома прижал ей передние лапы к морде и обратился к больному:

Душевно рад, коллега, что ты не принял сего безотрадного образа. А ведь все к тому шло. Поздравляю же тебя с новым, 6967 годом, который мы по старой памяти празднуем в этот светлый сентябрьский день за тридцать три года до года семитысячного.

Появлением крысы сестры остались недовольны, но возражать Фоме не посмели. Увидев же улыбку Арсения, они перестали сердиться. Это была первая его улыбка за много месяцев. Когда юродивый Фома кончиком крысиного хвоста пощекотал Арсению ноздри, тот чихнул.

Больному требуется свежесть, крикнул Фома, а у вас здесь, как, простите, у черта в жопе. Тащите его к реке. Там течение воды и воздуха. Это поможет его излечению.

Отвернувшись, настоятельница закатила глаза, но сделала сестрам знак выполнить приказание юродивого. Они (Арсений застонал) переложили больного на холстину, которую (он застонал еще раз) осторожно подняли.

Скрипи, скрипи, сраный веник, хмыкнул юродивый Фома, и настоятельница снова отвернулась.

Сестры вынесли Арсения к реке. Фома указал место, на котором следовало больного разместить. Со всеми предосторожностями Арсений был уложен на траву.

А теперь линияйте отсюда, вертихвостки, сказал юродивый Фома сестрам.

Сестры, не говоря ни слова, двинулись в сторону монастыря. Ветер трепал края их облачений, а Арсений и Фома смотрели им вслед. То, как удалялись сестры, показывало, что на юродивого Фому они, в сущности, не в обиде. Почти не в обиде.

Когда сестры скрылись за воротами, юродивый Фома сказал:

Я выполнил твою просьбу относительно Прохора. Если я правильно понял тебя через реку, ты не хотел, чтобы власти его наказывали.

Я просто о нем молился, сказал Арсений Устине. Просил: Господи, не постави ему в грех сего, не ведает бо, что творит. Молись о нем и ты, любовь моя.

Юродивый Фома кивнул:

Насчет твоей молитвы завеличские уже в курсе, я им говорил. (Он показал рукой на успевших собраться завеличских, и те подтвердили сказанное.) Боюсь только, что молитва в таком роде у тебя не последняя. Рыло тебе, дружке, еще начистят – и не раз.

Не обязательно, возразили завеличские. Всякий на Руси знает, что юродивых бить, это самое, нельзя.

Фома громко рассмеялся:

Поясняя свою мысль, прибегну к парадоксу. Юродивых потому и бьют, что бить их нельзя. Известно ведь, что всякий бьющий юродивого – злодей.

А кто же еще, согласились завеличские.

То-то, сказал юродивый Фома. А русский человек благочестив. Он знает, что юродивый должен претерпеть страдание, и идет на грех, чтобы обеспечить ему это страдание. Кто-то же должен быть злодеем, а? Кто-то же должен быть способен побить или там, допустим, убить юродивого, как вы считаете?

Ну, это самое, заволновались завеличские. Бить – еще куда ни шло, но убивать – разве же это благочестие? Смертный, если можно так выразиться, грех.

Твою дивизию, в сердцах воскликнул юродивый Фома. Так ведь русский человек – он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще он бессмыслен и беспощаден, и всякое дело может у него запросто обернуться смертным грехом. Тут ведь грань такая тонкая, что вам, сволочам, и не понять.

Завеличские не знали, что ответить. Не знал этого и юродивый Карп, стоявший в толпе. В полнейшем недоумении он слушал юродивого Фому с открытым ртом.

Ага, и ты здесь, грешник, закричал юродивый Фома, и юродивый Карп заплакал. Давненько я не бил тебе морду.

Фома стал пробираться к Карпу, но тот уже пятился в сторону монастыря, и толпа перед его спиной расступалась.

О, горе мне, кричал юродивый Карп.

Выбравшись из толпы, он бросился к монастырским воротам. Ворота оказались закрыты. Карп барабанил в них что было сил и с ужасом наблюдал, как к нему приближался Фома. Не дождавшись открытия ворот, Карп заложил руки за спину и бросился к реке. Когда же ворота открылись, мимо пробежал Фома. Выглянувшим из ворот сестрам Фома показал язык и побежал дальше. Сестры переглянулись как привыкшие не удивляться.

Не говорил ли тебе: седи в Запсковье, кричал юродивый Фома юродивому Карпу.

Карп закрыл лицо руками и продолжал бежать дальше. Его босые ступни громко шлепали по траве. У самой реки он остановился. Отняв от лица ладони, увидел, что его догоняет Фома.

Карп, Карп, Карп, закричал юродивый Карп.

Он ступил на поверхность воды и осторожно пошел. Несмотря на дувший ветер, волны на реке Великой были в тот день невысоки. Вначале Карп шел медленно и как бы неуверенно, но шаг его постепенно ускорялся.

Фома подбежал к реке и попробовал воду большим пальцем ноги.

Сокрушенно покачав головой, он также ступил на воду. Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим. Они слегка подпрыгивали на волнах и смешно махали руками, удерживая равновесие.

По воде они, стало быть, только ходят, сказали завеличские. А бегать пока еще не научились.

На середине реки юродивый Карп остановился. Дождавшись юродивого Фому, он с размаху ударил его по щеке. Звон оплеухи долетел по воде до стоявших на берегу.

Имеет право, развели руками завеличские. Это уже его территория.

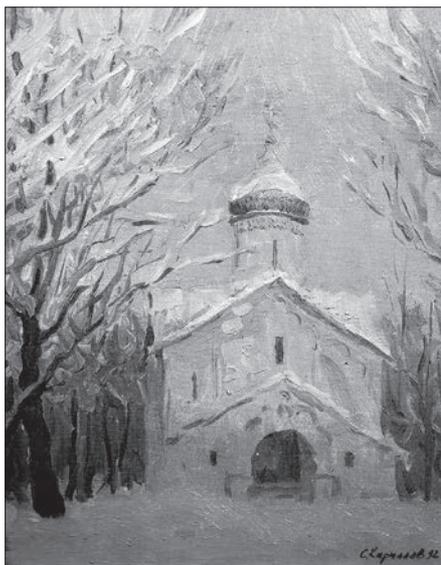
Ни слова не говоря, юродивый Фома развернулся и направился к своей части города. В лучах низкого осеннего солнца обозначилась неравномерность течения реки. Зеркальная поверхность чередовалась с рябью и волнами. При долгом взгляде на воду казалось, что река потекла в обратную сторону. Оттого, может быть, что она отражала бег облаков. В такт общему движению по поверхности реки скользили, расходясь, две маленькие фигурки. На месте оставался только Арсений и окружавшие его жители Завеличья.

[...]

Наступившая зима была страшной. Таких зим не помнили ни псковичи, ни тем более Арсений. Впрочем, Арсений не помнил и того, сколько зим прошло со времени его прибытия в Псков. Может быть, одна. А может быть,

все зимы слились в одну и больше не имели отношения ко времени. Стали зимой вообще.

Сначала город засыпало снегом. Снег шел днем и ночью, он потрясал своим избытком в воздухе и на земле, превращая Божий мир в единый молочный сгусток. Снег заносил хлеба, дома и даже невысокие церкви. Они превращались в огромные сугробы, поверх которых иногда виднелись кресты. Снег продавливал крыши старых домов, и они обрушивались с сухим треском. Люди оказывались под открытым небом, с которого безостановочно летел снег, заполнявший поврежденные дома в течение дня. Снег шел три недели, а потом ударил мороз.

Мороз был беспощаден. Сила его утраивалась ветром, от которого не было спасения. Ветер сбивал прохожих с ног, забирался в дверные щели и свистел из неплотно пригнанных бревен. От него на лету гибли птицы, в мелких реках вымерзали рыбы, а в лесах падали звери. Даже гревшиеся огнем люди по немощи тела не могли вынести этой великой стужи. Тогда в городе, в окрестных деревнях и на дорогах замерзло много людей и скотины. Нищие и странники Христа ради, претерпевая великие бедствия, стонали из глубины сердец своих, и горько плакали, и непрерывно тряслись, и замерзали.

По распоряжению настоятельницы Арсения переместили в дальнюю келью, где ему было велено пережить лютую стужу. По прошествии же трех дней Арсений покинул дальнюю келью и вернулся в свой дом на кладбище. На все уговоры остаться он отвечал молчанием.

Понимаешь, сказал он Устине, в дальней келье плоть моя отогревается и начинает выдвигать свои требования. Тут ведь, любовь моя, только начни. Дашь ей палец, а она отхватит целую руку. Лучше уж, любовь моя, побуду я на свежем воздухе. Чтобы не замерзнуть, стану, пожалуй, ходить по Завеличью. Буду наблюдать, что происходит на белом свете, ибо никогда еще он не был так бел.

И Арсений стал ходить по Завеличью. И когда он встречал замерзающих, или пьяных, или склонных заснуть в сугробе, то доводил их до домов их. Если же дома у кого не было, то вел он такового в дом для убогих, устроенный на холодное время в старом сарае у стен Иоаннова монастыря.

Идя однажды вдоль замерзшей реки, Арсений увидел на ней юродивого Фому, который сказал ему со льда:

Любезный друг, граница между частями города ныне стерта естественным путем. Следует констатировать, что разделявшая нас преграда скрылась на время под невиданно толстым льдом. Если желаешь собирать замерзающий элемент и на моей территории, ничтоже вопреки глаголю.

После сказанного юродивым Фомой Арсений перестал ограничиваться Завеличьем. Он ходил в город и даже в Запсковье, где обитал юродивый Карп. Об этом говорили следы босых ног, расходившиеся лучами от Иоаннова монастыря. Каждое утро обнаруживались новые следы, по которым жители Пскова узнавали, в какой части города был Арсений прошедшей ночью.

Однажды Арсений отводил домой ночного странника. Тот шел из кабака, и силы его были на исходе. Часто он присаживался на дорогу, требуя от Арсения оставить его в покое. В таких случаях Арсению приходилось тащить незнакомца по снегу силком. Скольжение было плохим, потому что первую часть пути незнакомец, хохоча, загребал носком сапога снег. Через час он промерз, и веселье оставило его. Он беззвучно брел за Арсением, значительно протрезвевший и злой.

В поисках его жилища они ходили кругами по пригородным хуторам. Ближе к полуночи на небе показалась луна, и это решило дело. Оpozнав в

одном из наметенных сугробов свою избу, незнакомец решительно направился к крыльцу. Так же решительно на него поднялся и захлопнул за собой дверь.

Арсений осмотрелся. Длительное блуждание сбило его с толку, и теперь он не мог сообразить, в какой же стороне город. Луну снова затягивало тучами. Арсений понимал, что если сделает несколько шагов от избы, то потеряет даже ее. Он чувствовал, что и сам больше не может обойтись без тепла.

Сейчас такой момент, любовь моя, что мне нужно хотя бы час побыть в тепле, сказал Арсений Устине. Ты можешь за меня не волноваться, ничего, как видишь, страшного не происходит. Требуется лишь перевести дыхание, любовь моя, и я смогу возвратиться.

Арсений попытался улыбнуться, но понял, что не чувствует ни губ, ни щек. Поколебавшись, вернулся к избе и взошел на обледенелое крыльцо. Постучал в дверь. Ему никто не открыл, и он постучал еще раз. Дверь открылась. На пороге стоял его знакомый. Он отступил назад, как бы освобождая Арсению пространство. Арсений же опечалился, потому что понял, что в действительности этому человеку требуется разбег. Открывший с криком разбежался и двумя руками толкнул Арсения с крыльца.

Когда Арсений пришел в себя, снова светила луна. Он взял пригоршню снега и потер застывшее лицо. Выброшенный им снег был в крови. При свете луны Арсений увидел очертания дальних домов. Покачиваясь, он пошел к ним. Дома были ветхими, и Арсений понял, что в них живут бедные люди. На его стук люди вышли с палками. Они сказали:

Иди и умри, юрودة, где бо от тебе несть нам спасения.

Не обнаружив в этих людях сострадания, Арсений покинул их. Он пошел вдоль домов и в конце улицы заметил покосившийся сарай. Когда глаза его привыкли к темноте, он разглядел в углу сарая несколько пар глаз. В глазах отражался лунный свет, проникавший сквозь щели в кровле. На Арсения смотрели большие собаки. Он встал на четвереньки и подполз к собакам. Собаки глухо заворчали, но не причинили Арсению вреда. Он лег между ними и задремал. Когда очнулся, собак рядом с ним уже не было.

Насколько же я гадок, сказал Арсений Устине. Я оставлен Богом и людьми. И даже собаки, раз они ушли, не хотят иметь со мной дела. И самому мне мерзко мое грязное и посиневшее тело. Все это указывает на то, что телесное существование мое бессмысленно и подходит к концу. Так что не по моим молитвам ты, любовь моя, будешь помилowana.

Арсений сел на корточки, обхватил голову руками и спрятал ее в колени. Он осознал, что не ощущает уже ни головы, ни рук, ни колен. Слабо слышалось одно лишь сердце. Только сердце еще не было сковано морозом, потому что находилось глубоко внутри тела. Хорошо, подумалось Арсению, что с частью тела я уже простился. Проститься с тем, что еще не замерзло, будет, судя по всему, гораздо легче.

И когда Арсений так подумал, он ощутил, что постепенно его наполняет изнутри тепло. Открыв глаза, Арсений увидел перед собой юношу, прекрасного вида. Его лицо светилось, как солнечный луч, и в своей руке он держал ветвь, усыпанную алыми и белыми цветами. Эта ветвь не была похожа на ветви тленного мира, и красота ее была неземной.

Прекрасный юноша, державший в руке ветвь, спросил:

Арсение, где ныне пребываешь?

Сию во тьме, окован железом, в сени смертной, ответил Арсений.

Тогда юноша ударил Арсения ветвью по лицу и сказал:

Арсение, прими жизнь непобедимую всему твоему телу и очищение и прекращение твоих страданий от великой сей стужи.

И с этими словами в сердце Арсения вошло благоухание цветов и жизнь, дарованная ему во второй раз. Когда же он поднял глаза, то обнаружил, что юноша стал невидим. И Арсений понял, кто был этот юноша. Он вспомнил животворное слово песнопения: идеже Господь восхождет, побеждается естества чин. Потому что по чину естества Арсений должен был умереть. Но, улетающий в смерть, был подхвачен и возвращен в жизнь.

С тех пор время Арсения окончательно пошло по-другому. Точнее, оно просто перестало двигаться и пребывало в покое. Арсений видел происходящие на свете события, но отмечал и то, что они странным образом разошлись со временем и больше от времени не зависели. Иногда они двигались одно за другим, как и прежде, иногда принимали обратный порядок. Реже – наступали без всякого порядка, бессовестно путая очередность. И время не могло с ними справиться. Руководить такими событиями оно отказывалось.

Тут выяснилось, что события не всегда протекают во времени, сказал Арсений Устине. Порой они протекают сами по себе. Вынутые из времени. Тебе-то, любовь моя, это хорошо известно, а я вот сталкиваюсь с этим впервые.

Арсений наблюдает, как тает весенний снег и мутные воды по пробитому сестрами желобу стекают в реку Великую. Каждую весну сестры этот желоб чистят, потому что осенью он забивается листьями – дубовыми и кленовыми. Эти листья ветер наматает и в дом Арсения, и Арсений не отвергает такой перины, поскольку рассматривает ее как нерукотворную.

Арсений видит, как после ночного дождя выглядывает раннее июньское солнце. Вода все еще дрожит на листьях. Отделяется облачками пара от купола Иоанна Предтечи и исчезает в неправдоподобно синем небе. Облокотясь на метлу, за испарением воды наблюдает сестра Пульхерия. Теплый ветер касается пшеничной пряди ее волос, выбившейся из-под плата. Сестра Пульхерия задумчиво расчесывает родинку и умирает от заражения крови. Она лежит в свежей могиле в нескольких сажнях от дома Арсения. Ее могилу заносит снегом.

В разгар листопада к Арсению подходит настоятельница. Она говорит:

Приспе время еже преставитися ми от суетнаго мира сего к нестареемому вечному пребыванию. Благослови мя, Устине.

Листья с шорохом скользят по ее облачению. Арсений благословляет настоятельницу.

Нет у меня такого права – благословлять, говорит он при этом Устине. Так что, любовь моя, делаю это не по праву, но по дерзости, поскольку жена сия об этом просит. Между тем, путь ее действительно далек и она об этом знает.

Настоятельница умирает.

Жарким летним днем у храма Иоанна Предтечи, облокотясь на метлу, стоит сестра Агафья. Она смотрит на купол храма, и рука ее тянется к родинке на лице. На полпути руку сестры Агафьи останавливает рука Арсения. Он успел вовремя.

Будет жить, думает, удаляясь, Арсений.

Твердой походкой он идет в дом к иерею Иоанну. Рывком распахивает дверь. За Арсением врывается шершавый язык стужи. Иерей Иоанн и его семья сидят за столом. Жена иерея готовится подавать на стол. Она вглядывается в мутное окно, за которым нет ничего, кроме снега. Иерей Иоанн смотрит перед собой, как бы пытаясь высмотреть грядущую свою судьбу. Попадья делает беззвучный жест, приглашая Арсения разделить с ними трапезу. Жест отделяется от попадьи и вылетает в открывшуюся дверь. Арсений его не замечает. Дети вжимаются в лавку и устремляют взор на свои

руки, лежащие на коленях. Пальцы теребят грубое полотно рубах. Арсений для них подобен шаровой молнии, виденной однажды их отцом. Отец учил их, что, когда влетает шаровая молния, лучше не двигаться и не выдавать себя. Выдохнуть и замереть. Они замирают. Арсений хватает со стола нож и бросается к иерею Иоанну. Иерей Иоанн продолжает смотреть перед собой и как бы не замечает Арсения. На самом же деле он все видит, но сопротивляться судьбе не считает нужным. Арсений машет ножом у самого лица иерея Иоанна. Иерей по-прежнему не двигается и думает, возможно, о шаровой молнии. О том, что она его все-таки обнаружила. Арсений бросает нож на пол и выбегает из избы. Иерей Иоанн не испытывает облегчения. Он понимает, что произошедшее – это предсказание. Это только зарница, и он ждет прихода молнии. И догадывается, что на этот раз разминуться с ней будет непросто.

Арсений идет по Запсковью, и его подстерегают мальчишки. Они валят его на доски мостовой. Несколько пар рук прижимают его к доскам, хотя он не сопротивляется. Тот, чьи руки остались свободными, прибавляет края Арсениевой рубахи к доскам. Арсений смотрит, как смеются мальчишки, и тоже смеется. Всякий раз, когда мальчишки прибавляют его рубаху к мостовой, он смеется вместе с ними. И беззвучно просит, чтобы Бог не поставил им этого в вину. Он мог бы аккуратно оторвать рубаху от гвоздей, но не делает этого. Арсений хочет сделать мальчишкам приятное. Он резко встает, и подол его рубахи с треском отрывается. Мальчишки катаются от хохота по земле. Оставшийся день Арсений ищет среди мусора лоскуты и пришивает их вместо оторванного подола. Увидев новые лоскуты на его рубахе, мальчишки смеются еще больше.

Когда они убегают, становится тихо. Остается лишь один мальчик, который подходит к Арсению и обнимает его. И плачет. Арсений знает, что этот мальчик его жалеет, но стыдится показать это перед всеми, и у Арсения сжимается сердце. Ему хочется, чтобы этот ребенок радовался, потому что в его чертах он узнает черты другого ребенка. И Арсений плачет. Он целует мальчика в лоб и убегает, потому что сердце его готово разорваться. Арсений захлебывается от рыданий. Он бежит, и рыдания сотрясают его, и слезы летят с его щек в разные стороны, прорастая на обочинах разными неброскими растениями.

По весне река Великая поднимается, и кое-где всплывают деревянные мостовые. В Запсковье грязь. По дороге к дому ее месит иерей Иоанн. Жирное чавканье грязи он слышит у себя за спиной. Медленно оборачивается. Перед ним стоит человек с ножом, весь в грязи. Иерей Иоанн молча прижимает руку к груди. В голове его мелькает воспоминание о предвидении Арсения. В сердце его звучит молитва, которую он не успевает произнести. Человек наносит ему двадцать три ножевых удара. При каждом замахе он кричит и стонет от натуги. Иерей Иоанн остается лежать в грязи. Там же теряются следы человека. Говорят, что будто бы и человека не было, а был лишь всплеск

грязи. Взметнувшийся за спиной иерея Иоанна и тут же растекшийся по дороге. Через малое время раздается нечеловеческий крик. Он перелетает через реку Великую и реку Пскову, распространяясь над всем городом Псковом. Это кричит попадаья.

Приезжают от посадника Гавриила. Говорят:

Ты, Устине, человек особенный, и посещение твое благотворно. У жены посадника третью неделю болят зубы, так не можешь ли ты ей помочь? К ней приходили уже многие врачи, а облегчения фактически никакого. И посадник зовет тебя к себе, надеясь на твою помощь.

Арсений смотрит на пришедших от посадника Гавриила. Они ждут. Они говорят, что посадница и сама

могла бы приехать к нему на кладбище, но как раз на кладбище ей ехать не хочется. Арсений качает головой. Он лезет рукой в рот, вытаскивает из десны зуб мудрости и вручает его пришедшим. Те понимают, что это и есть ответ блаженного на их просьбу. Со всей осторожностью они приносят зуб Арсения посаднице. Посадница кладет его себе в рот, и зубная боль проходит.

Посадник Гавриил со свитой приезжает к Арсению. Он привозит ему дорогие одежды и просит Арсения в них облачиться. Арсений облачается. Ему и посаднику Гавриилу подносят по чаше фряжского вина. Посадник пьет, Арсений же кланяется и, повернувшись к северо-востоку, медленно выливает свою чашу на землю. Струя вина, образуя при падении спираль, сверкает полированными гранями. Драгоценная влага жадно впитывается травой. Солнце стоит в зените. Посадник Гавриил хмурится.

Неужели же ты не понимаешь, спрашивает посадника юродивый Фома, почему раб Божий Устин вылил на северо-восток твое вино?

Посадник не понимает и даже не склонен этого скрывать.

Да ты, человек, говорит юродивый Фома, попросту не в курсе того, что в Великом Новгороде днесь пожар, и раб Божий Устин стремится залить его подручными средствами.

Посадник Гавриил посылает своих людей в Великий Новгород, чтобы достоверно узнать о происходящем. Вернувшись, люди докладывают посаднику Гавриилу, что утром означенного дня в Новгороде и в самом деле разгорелся сильнейший пожар, но около полудня неведомою новгородцам силою угас. Посадник ничего не отвечает. Он делает пришедшим знак выйти, и они,

кланяясь, уходят. Посадник возжигает лампаду. До стоящих за дверями доносятся глухие слова его молитвы.

Арсений в подаренной ему одежде идет в корчму. Посетители корчмы раздевают Арсения и на вырученные за одежду деньги намереваются пить три дня и три ночи. У Арсения с собой узелок со старой одеждой, которую он тут же надевает. Он вздыхает с облегчением. Посетители корчмы заказывают по первой кружке. Видя это, Арсений выбивает кружки у них из рук. Кружки катятся с оловянным звуком, разливая содержимое по полу. Посетители заказывают по второй кружке, но Арсений опять не дает им выпить. Один из них хочет ударить Арсения по лицу, но корчмарь возбращает ему это сделать. Корчмарь знает, что за побои придется отвечать ему, и выталкивает посетителей пинками. Посетители расходятся по домам трезвые и при деньгах. Отнимая деньги, родные возвратившихся не могут найти явлению разумного объяснения. Они остаются в полном недоумении.

А знаешь ли, спрашивает Арсения юродивый Фома, сколько лет прошло со времени твоего появления здесь?

Арсений пожимает плечами.

Ну, так и не надо тебе этого знать, говорит юродивый Фома. Живи покамест вне времени.

Арсений забрасывает комьями грязи некоторых почтенных жителей Запсковья. За их спинами он безошибочно различает крупных и мелких бесов. Жители недовольны.

Утешение лишь в том, сообщает Арсений Устине, что бесы недовольны еще больше.

Иногда он бросает камни в двери церковей. Там тоже скапливается достаточное количество бесов. Войти внутрь храма они не дерзают и жмутся у входа.

Глядя, как Арсений по ночам молится, новая настоятельница говорит:

Во дни раб Божий Устин миру смеется, ночью же мир оплакивает.

В монастырь приносят Евпраксию, дочь плотника Артемия. Два месяца назад на Евпраксию упала потолочная балка в амбаре, и с тех пор она лежит без движения. Болезнь не дает ей вернуться к жизни, но и не отпускает в смерть. И окружающим Евпраксию непонятно, к какому из двух состояний она ближе.

Евпраксию определяют в гостевую келью и читают над ней молитвы. В погожие дни ее выносят в монастырский двор и читают молитвы на свежем воздухе. Ветер шевелит волосы Евпраксии, но сама она остается неподвижна. К постели Евпраксии во дворе подходит Арсений. Он берет Евпраксию за руку.

Жизнь не полностью оставила ее, говорит Арсений Устине. Я чувствую, что она может проснуться. Ей надо только в этом помочь.

Арсений кладет Евпраксии ладонь на лоб. Губы его шевелятся. Евпраксия открывает глаза. Она видит Арсения и обступивших ее сестер. Стоит теплый летний день. Тени деревьев резки. Они перемещаются в такт движению солн-

ца. Листья лип клейки и едва заметно дрожат на ветру.

Мы празднуем возвращение Евпраксии, говорит новая настоятельница, но помним и о том, что оно временно, ибо временно все на этой земле.

А мне хотелось поговорить с ней еще хотя бы раз, говорит плотник Артемий. И теперь я буду говорить с ней постоянно. В том смысле, конечно, что временно. Я плачу при мысли о безграничной милости Божьей и благодати, ниспоспешшей на раба Божьего Устина. И все мы, стоящие (без исключения), способны вдыхать запахи теплого летнего дня и слушать щебетание птиц. Без исключения, потому что, если бы не Арсений, этим исключением могла быть дочь моя Евпраксия.

Плотник Артемий становится перед Арсением на колени и целует ему руку. Арсений руку выдергивает, и переходит реку Великую по льду, и оказывается в Запсковье. Ранним утром калачник Самсон выносит свой товар. Он ждет юродивого Карпа, который должен похитить у него один калач. Юродивый Карп появляется, хватает полуденежный калач и несется, заложив руки за спину, прочь от калачника Самсона. Калачник улыбается доброй калачной улыбкой. Пар из его рта оседает инеем на бороде. Он проводит по бороде рукой и говорит:

Человек Божий, понимаешь. Блаженный.

Для полного выражения чувств калачнику (как всегда) не хватает слов. Юродивый Карп (как всегда) роняет калач, и его подбирают небогатые люди. Карп пережевывает оставшееся у него во рту.

Когда рот его становится свободен, он кричит:

Кто ми будет спутник до Иерусалима?

Поднявшие калач люди недоумевают. Они говорят:

Благодуродствует наш Карп. Кто же пойдет из Пскова во Иерусалим?

Кто ми будет спутник до Иерусалима, кричит собравшимся юродивый Карп.

Собравшиеся отвечают:

Иерусалим, это самое, далеко. Как туда добраться?

Юродивый Карп не мигая смотрит на Арсения. Арсений молчит, но не отворачивается. У него комок в горле. Ему хочется насмотреться на юродивого Карпа, он за этим пришел. Карп ежится, втягивает голову в плечи и уходит.

Карп, Карп, Карп, говорит он задумчиво.

В монастырь приносят расслабленного Давыда. Давыд болеет от дней юности своей. Он неспособен двигаться и даже не может удержать свою голову. Когда Давыда кормят кашей, голову его приподнимают. Иногда каша выпадает из его рта. Тогда ее собирают ложкой с подбородка и отправляют опять в рот. Давыда несут на монастырское кладбище. Осторожно укладывают на могильном холме рядом с домом Арсения. Говорят:

Помози нам, Устине, аще можеш.

Арсений ничего не отвечает. Голыми руками он рвет на могилах крапиву и складывает ее в пучок. Когда пучок готов, Арсений хлещет пришедших по лицу и по рукам. Они чувствуют, что их присутствие здесь нежелательно. Уходят, оставив Давыда лежать на могиле. Подумав, Арсений хлещет крапивой и его. Давыд морщится, но продолжает лежать, поскольку другого выхода у него нет. Солнце закатывается быстрее обычного. На небе появляется луна.

Арсений становится рядом с Давыдом на колени и касается его руки. Осматривает белую и почти неживую кожу Давыда. Эта кожа создана для лунного света. Арсений поглаживает ее пальцами и начинает с силой мять. Переходит на другую руку. Переворачивает расслабленного на живот. Что есть силы мнет его омертвевшую плоть, словно закачивая в нее жизненные силы. Трет Давыду спину вдоль позвоночника. Разминает ноги Давыда, от чего, свесившись с могильного холма, подрагивают Давыдовы руки. Больной напоминает большую куклу. Дважды за ночь новая настоятельница выходит на кладбище и дважды видит непрекращающуюся работу Арсения. С первыми лучами рассвета Давыд медленно встает на ноги. Он делает несколько деревянных шагов в сторону храма, где его уже ждут его близкие. Силы оставляют Давыда, потому что мышцы его еще не привычны к ходьбе. Близкие бросаются к Давыду и подхватывают его под руки. Они понимают, что первые шаги – самые главные. Но и самые трудные.

Что сие, спрашивает новая настоятельница у присутствующих, но прежде всего у самой себя. Результат ли терапевтических мероприятий брата нашего Устина или чудо Господне, явленное помимо человеческого воздействия? В сущности, отвечает сама же настоятельница, одно другому не противоречит, ибо чудо может быть результатом труда, помноженного на веру.

У реки Великой и в псковских лесах Арсений собирает травы. Псковские земли южнее белозерских и рожают большее количество трав. Есть здесь даже те, что в свое время не были описаны Христофором. Об их действии Арсений догадывается по запаху и форме листьев. Такие травы он сушит в монастырском сарае и испытывает на себе. Сушит он и другие травы.

Некие христороубцы вылавливают в реке Великой большую рыбу и дарят ее иерею Константину. Матушка Марфа готовит рыбу к ужину. Она предупреждает мужа, что у большой рыбы большие кости и призывает его быть осторожным. Иерей Константин, человек беспечный, ест рыбу рассеянно, не думая о ее костях. Думая о строящейся приходской церкви. Он пытается в очередной раз счесть количество закупленных материалов и тревожится, что их не хватит. Иерей Константин не сразу замечает, как с нежной рыбьей плотью в его горло входит дугообразная кость с обломком хребта. Он кашляет, и из его рта летят куски рыбы – все, кроме кости.

Кость цепляется за горло тремя точками. Она не идет дальше вниз, но и не поднимается наверх. Ушла слишком глубоко, чтобы можно было достать пальцами. Матушка Марфа бьет мужа по спине, но кость сидит неподвижно. Иерей Константин ложится животом на стол и, свесив голову почти к полу, пытается кость выкашлять. Из рта течет слюна с кровью, но кость не сдвигается ни на вершок.

К иерею Константину приводят врача Терентия. Терентий просит больного открыть рот и подносит ко рту свечу. Но и при свете свечи кости не видно. Терентий пытается засунуть больному в горло свои длинные пальцы, но даже они не способны нащупать кость. Иерей Константин безмолвно сотрясается от рвотных движений и в конце концов вырывается из рук врача. Матушка Марфа выставляет Терентия из избы.

Они отказываются от медицинской помощи, говорит собравшимся на улице врач Терентий. И положила руку на сердце, они правы, ибо глубина залегания кости превосходит возможности современной медицины.

После ночи страданий иерея Константина везут через реку в Запсковье. Придя на кладбище Иоаннова монастыря, иерея ставят перед Арсением. Но больной уже не может стоять, он садится на могильную плиту. Горло его распухло, и он задыхается. В глазах страдание и скорбь: ему кажется, что его уже хоронят. Он боится, что боль его не пройдет и после смерти.

Арсений садится перед иереем Константином на корточки. Он прощупывает его шею двумя руками. Иерей тихо стонет. Внезапно Арсений хватается за ноги и приподнимает над землей. Трясет с неожиданной силой и яростью. Ярость Арсения направлена против болезни. Из горла больного исходят вопль, красная слизь и кость.

Иерей лежит на земле и тяжело дышит. Полузакрытыми глазами смотрит на причину своего страдания. Некие из случившихся на кладбище хотят его поднять, но он останавливает их рукой: ему нужно отдышаться. Матушка Марфа становится перед Арсением на колени. Арсений наклоняется и хватается матушку за ноги, пытается поднять и ее. Матушка кричит. Она слишком тяжела, а у Арсения уже не так много сил.

Практически неподъемна, перешептываются присутствующие, качая головами.

Арсений оставляет матушку Марфу и покидает кладбище. Матушка заворачивает кость в платок на благодарную семейную память.

У посадника Гавриила погибает дочь Анна. На шестнадцатом году своего жития. Поскользнувшись на пароме, Анна падает в воду и камнем идет ко дну. За ней бросаются несколько человек. Они ныряют в разных направлениях, пытаются угадать, куда повлекло тело девицы. Выныривают, задыхаясь, набирают в легкие воздуха и вновь погружаются в воду. С трудом достигают дна реки Великой, но и там не могут обрести дочери посадника. Вода мутна. Вода быстра и полна водоворотов. Один из нырявших едва не

тонет, но усилия ныряльщиков тщетны. Тело утопленницы находят ниже по течению несколько часов спустя, когда его прибывает к камышам.

Посадник Гавриил вне себя от горя. Он хочет похоронить дочь в Иоанновом монастыре и едет к настоятельнице. Настоятельница говорит ему, что Анну лучше похоронить в скудельнице. Посадник Гавриил хватается за плечи и трясет ее продолжительное время. Настоятельница смотрит на сотника без страха, но с печалью. Она позволяет посаднику хоронить его дочь в монастыре. Сотник распоряжается надеть на Анну золотые и серебряные украшения, дабы и мертвая она не потеряла своей красоты. Паром с телом встречают жители Завеличья и других частей Пскова. Все они в слезах. Надгробное рыдание творящие, Анну предадут земле. Уходят все, кроме посадника. Он остается и несколько часов лежит на свежей могиле. Когда спускается ночь, посадника уводят. Прислонившись к сросшимся дубам, на кладбище остается лишь Арсений. Кажется, что он тоже с ними сросся, переняв цвет их коры и неподвижность.

Это впечатление ошибочно, так как суть Арсения не древесна, но вечна и молитвенна. Внутри него стучит сердце, а губы его шевелятся. Он просит о небесных дарах для новопреставленной Анны. Глаза его широко открыты. В них отражается огонек свечи, неуверенно пересекающий кладбище. Огонек огибает кресты и приподнимается на кочках. Достигнув могилы Анны, останавливается. Невидимая рука укрепляет его на пне рядом с могилой. Другая рука обламывает ветку осины и прикрывает ею огонек со стороны монастыря. В мерцающем круге свечи появляется лопата. Она без труда срезает могильный холм. Свежая земля не требует усилий. Копаящийся уже по колено стоит в могиле. Стоит по пояс. Его лицо оказывается на одном уровне со свечой. Арсений узнает это лицо.

Жила, говорит он тихо.

Жила вздрагивает и поднимает голову. Он никого не видит.

Если ты, Жила, войдешь в эту могилу по грудь, то уже никогда из нее не выйдешь, говорит Арсений. Не сказано ли в украденных тобой грамотах: смерть грешников люта?

Жилу трясет. Он смотрит в темное небо.

Ангел ли еси?

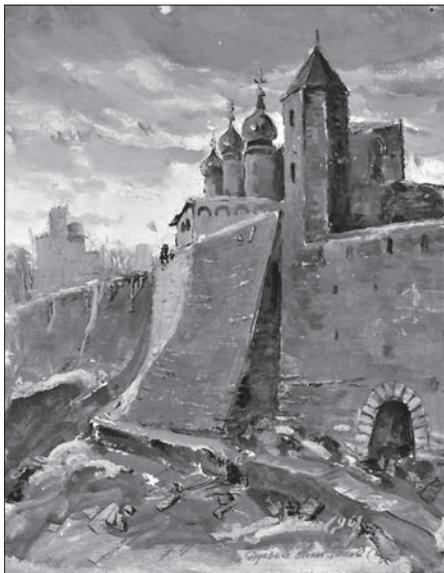
Разве имеет значение, кто я, отвечает Арсений, ангел ли, человек ли. Прежде ты грабил живых, а теперь стал могильным вором. Получается, что еще при жизни ты приобретаешь земляные свойства и оттого можешь в одночасье стать землею.

Так что же мне делать, спрашивает Жила, если я сам себе в тягость?

Молись непрестанно, а для начала закопай могилу.

Жила закапывает могилу.

Если бы ты не был ангелом, ты бы не знал, как меня зовут, говорит он кому-то сверху. Потому что во граде Пскове я сегодня первый день.

Мало-помалу слава о врачевательном даре Арсения разносится по всему Пскову. К нему приходят люди с самыми разными болезнями и просят дать им облегчение. Глядя в голубые глаза юродивого, они рассказывают ему о себе. Они чувствуют, как в этих глазах тонут их беды. Арсений ничего не говорит и даже не кивает. Он внимательно их выслушивает. Им кажется, что его внимание особое, ибо тот, кто отказывается от речи, выражает себя через слух.

Иногда Арсений дает им травы. Сестра Агафья, порывшись в его мешке, находит соответствующую грамоту Христофора и зачитывает больному вслух. Получившему траву *куколь* предписывается варить ее в воде с корнем: вытянет гной из ушей. Покусанному пчелами выдают траву *пырей* и велят натереться. Арсений молча внимает чтению сестры Агафьи, хотя значение предлагаемых трав переоценивать не склонен. Врачебный опыт подсказывает ему, что медикаменты в лечении – не главное.

Арсений помогает не всем. Чувствуя свое бессилие помочь, он выслушивает больного и отворачивается от него. Иногда прижимается лбом к его лбу, и из глаз его текут слезы. Он делит с больным его боль и в какой-то степени смерть. Арсений понимает, что с уходом больного мир не останется прежним, и сердце его наполняется скорбью.

Если бы был во мне свет, я исцелил бы его, говорит Арсений о таком больном Устине. Но я не могу его исцелить по тяжести грехов моих. Это грехи не дают мне подняться на ту высоту, где лежит спасение этого человека. Я, любовь моя, виновник его смерти и оттого плачу о его уходе и о своих грехах.

Но и те больные, которых Арсений не может вылечить, чувствуют благотворность общения с ним. После встреч с Арсением боль, как им кажется, становится меньше, а вместе с ней уменьшается и страх. Неисцелимые видят в нем того, кто способен понять глубину страдания, ибо в исследовании боли он опускается до самого ее дна.

К Арсению приходят не только больные. На кладбище появляются беременные. Он смотрит на них сквозь слезы и кладет им ладонь на живот. После встречи с юродивым они чувствуют себя лучше, а роды проходят легко. Приходят кормящие, у которых исчезло молоко. Арсений

дает им траву *чистяк*. Если трава не помогает, Арсений ведет женщин в один из завеличских хлевов и велит доить корову. Смотрит, как сквозь красные от напряжения пальцы сочится белая влага. Как колеблется тугое коровье вымя. Сзади в дверях стоят хозяева. Они тоже смотрят. Они знают, что приход юродивого и женщины является благословением. Арсений знаком показывает, чтобы кормящая выпила молока. Она пьет и чувствует, как набухают ее собственные соски. И спешит к своему дитяти.

Арсений переходит реку Великую. Замечает по ходу следования, что льда уже нет, но вода все еще холодна. Речным непрогретым ветром с самого утра веет на Запсковье, выстуживая эту часть города. Юродивый Фома, щурясь, смотрит куда-то вдаль. Бороду его выворачивает ветром. Юродивый Карп стоит, закрыв лицо руками. Вполоборота к юродивому Фоме. Калачник Самсон не заставляет себя долго ждать и появляется с лотком калачей. С доброй улыбкой на устах. Юродивый Карп устало отнимает руки от лица и сжимает их в замок за спиной. На виске его бьется синяя жилка. Он уже, в сущности, немолод. Черты лица его тонки. Мягкой балетной походкой юродивый Карп подходит к калачнику Самсону и берет зубами ближайший калач. Сделав шаг от лотка, юродивый Карп оборачивается. Жалобно смотрит на Самсона. Самсон, не меняясь в лице, снимает лоток и бережно ставит на землю. Делает несколько шагов по направлению к юродивому Карпу. Ладная фигура калачника ломается. Рука его съезжает к голенищу сапога. Там блестящее, холодное и острое. Калачник подходит вплотную к Карпу. Карп вытягивается в струну. Он выше калачника и ощущает его дыхание шеей. Нож медленно входит в тело юродивого. Силы небесные, шепчет калачник Самсон, сколько же я ждал этого дня.

КНИГА ПУТИ

Амброджо Флеккиа родился в местечке Маньяно. На восток от Маньяно, в дне пути верхом, лежал Милан, город святого Амвросия. В честь святого назвали и мальчика. Амброджо. Так это звучало на языке его родителей. Напоминало, возможно, об амброзии, напитке бессмертных. Родители мальчика были виноделами.

Подрастая, Амброджо стал им помогать. Он послушно выполнял все, что ему предписывалось, но в труде его не было радости. Флеккиа-старший, не раз наблюдавший за сыном украдкой, все более в этом убеждался. Даже топчача виноград в чане босыми пятками (что может быть радостнее для ребенка?), Амброджо оставался серьезен.

Потомственный винодел, Флеккиа-старший и сам не любил избыточного веселья. Он знал, что брожение вина – процесс неспешный, даже меланхолический, а потому и в виноделе допускал определенную степень задумчивости. Но отрешенность, с которой подходил к производству вина его сын,

была чем-то другим: в глазах отца она граничила с равнодушием. Настоящее же вино (стряхивая с пальцев жмых, Флеккиа-старший вздыхал) способен делать только человек неравнодушный.

Помощь мальчика семейному делу пришла с неожиданной стороны. За пять дней до большого сбора винограда Амброджо сообщил, что виноград следует собирать немедленно. Он сказал, что утром, когда он открыл глаза, но по-настоящему еще как бы не проснулся, ему предстало видение грозы. Это была страшная гроза, и Амброджо описал ее в подробностях. В описании присутствовали внезапно сгустившийся мрак, завывание ветра и со свистом летящие градины величиной с куриное яйцо. Мальчик рассказывал, как спелые гроздья винограда бились мочалкой о стволы, как круглые льдинки на лету дырявили мечущиеся листья и добивали на земле упавшие ягоды. Вдобавок ко всему с небес спустился синий звенящий холод и место катастрофы укрылось тонким слоем снега.

Такую грозу Флеккиа-старший видел лишь единожды в жизни, а мальчик не видел никогда. Однако все подробности рассказа в точности сходились с тем, что в свое время наблюдал отец. Не склонный к мистике, Флеккиа-старший после колебаний все же послушался Амброджо и приступил к сбору винограда. Он ничего не сказал соседям, потому что боялся осмеяния. Но после того как пять дней спустя над Маньяно действительно разразилась страшная гроза, Флеккиа оказались единственным семейством, собравшим в тот год урожай.

Смуглого отрока посещали и другие видения. Они касались самых разных сфер жизни, но от виноделия были уже довольно далеки. Так, Амброджо предсказал войну, развернувшуюся в 1494 году на территории Пьемонта между французскими королями и Священной Римской империей. Сын винодела ясно видел, как с запада на восток мимо Маньяно промаршировали перодовые французские части. Местное население французы почти не трогали, лишь отобрали для пополнения провианта мелкий скот да двадцать бочек пьемонтского вина, показавшегося им неплохим. Эта информация поступила к Флеккиа-старшему в 1457 году, то есть очень заранее, что, в сущности, и не позволило ему извлечь из нее возможную пользу. О предсказанных боевых действиях он забыл уже через неделю.

Амброджо предсказал также открытие Христофором Колумбом Америки в 1492 году. Это событие тоже не привлекло внимания отца, поскольку на виноделие в Пьемонте существенного влияния не оказывало. Самого же мальчика видение привело в трепет, ибо сопровождалось зловещим свечением контуров всех трех Колумбовых каравелл. Нехорошим светом был тронут даже орлиный профиль первооткрывателя. Генуэзец Коломбо, перешедший в силу обстоятельств на испанскую службу, был, по сути, земляком Амброджо. Не хотелось думать, что 12 октября 1492 года такой человек занимался чем-то неподобающим, и оттого световые эффекты ребенок был склонен объяснять чрезмерной наэлектризованностью атлантической атмосферы.

Когда Амброджо подросток, он выразил желание уехать во Флоренцию, чтобы учиться в тамошнем университете. Флеккиа-старший ему в этом не препятствовал. К тому времени он окончательно убедился, что сын его создан не для виноделия. В сущности, всем в Маньяно было уже понятно, что Флеккиа-младший – отрезанный ломоть, так что его отъезда из местечка ожидали со дня на день. Отъезд, однако, был отложен по решению самого Амброджо, который сумел предвидеть, что ближайшие два года во Флоренции будет свирепствовать чума.

В конце концов юноша оказался во Флоренции. В этом городе все было по-другому: он был совершенно не похож на Маньяно. Амброджо застал его оправляющимся от чумы, великолепие там все еще было смешано с растерянностью. В университете Амброджо изучал семь свободных искусств. Постигнув предметы тривиума (грамматика, диалектика, риторика), он перешел к квадривиуму, включавшему в себя арифметику, геометрию, музыку и астрономию.

Как это нередко бывало в университетах прежних времен, процесс учебы оказался длительным. Он включал в себя несколько лет тщательного обучения, которые перемежались годами столь же тщательного осмысления изученного, когда посещение университета приостанавливалось, и Амброджо отправлялся в путешествия по Италии. На деле же связь студента с *alma mater* не прерывалась никогда, даже в дни поездок в самые отдаленные уголки его родины – по счастью, не такой уж большой.

Из всего, с чем Амброджо довелось познакомиться во время учебы, больше всего он полюбил историю. Как отдельный предмет историю в университете не рассматривали: в рамках тривиума она изучалась как составная часть риторики. Над историческими сочинениями юноша готов был просиживать часами. Направленные в прошлое, они (и это роднило их с видениями, направленными в будущее) были для него уходом от настоящего. Движение по обе стороны настоящего стало необходимо Амброджо как воздух, ибо разомкнуло одномерность времени, в которой он задыхался.

Амброджо читал историков античных и средневековых. Читал анналы, хроники, хронографы, истории городов, земель и войн. Он узнавал, как создавались и рушились империи, происходили землетрясения, падали звезды и выходили из берегов реки. Особо отмечал исполнение пророчеств, а также появление и осуществление знамений. В таком преодолении времени ему виделось подтверждение неслучайности всего происходящего на земле. Люди сталкиваются друг с другом (думал Амброджо), они налетают друг на друга, как атомы. У них нет собственной траектории, и оттого их поступки случайны. Но в совокупности этих случайностей (думал Амброджо) есть своя закономерность, которая в каких-то частях может быть предвидима. Полностью же ее знает лишь Тот, Кто все создал.

Однажды во Флоренцию пришел купец из Пскова. Купца звали Ферапонт. На фоне местного населения он выделялся длинной, о двух хвостах бо-

родой и огромным оспяным носом. Помимо связок соболиных шкур Ферапонт привез известие, что в 1492 году на Руси ждут конца света. К этим сведениям во Флоренции отнеслись в целом спокойно. Во-первых, флорентийцы были заняты уймой текущих дел, и думать о вещах, не грозящих непосредственно, у многих просто не было времени. Во-вторых, далеко не все во Флоренции представляли себе местонахождение Руси. Ввиду необычного облика самого Ферапонта (было неясно, все ли на его родине имеют подобные бороды и носы) допускалась возможность нахождения Руси вне обитаемого мира. Это давало населению надежду, что предполагаемый конец света одной лишь Русью и ограничится.

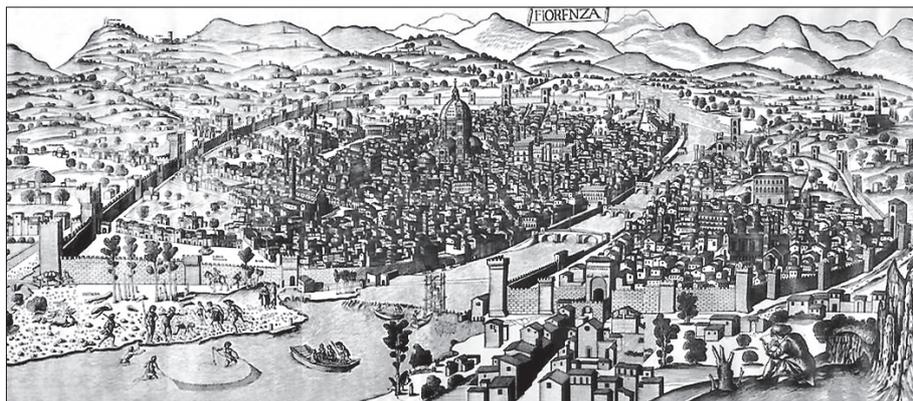
Из всех живших во Флоренции сообщение купца Ферапонта показалось по-настоящему важным только одному человеку – Амброджо. Юноша разыскал Ферапонта и спросил у него, на основании чего им было сделано заключение о конце света именно в 1492 году. Ферапонт отвечал, что это заключение делалось не им, но было услышано от компетентных людей в Пскове. Не будучи способен как-либо обосновать фатальную дату, Ферапонт в шутку предложил Амброджо отправиться за пояснениями в Псков. Амброджо не засмеялся. Он задумчиво кивнул, ибо такой возможности не исключал.

После этого разговора он начал брать у купца уроки (древне)русского. Флеккиа-старший даже не подозревал, на что тратятся его деньги. Амброджо, в свою очередь, благоразумно ничего отцу не говорил: существование Руси показалось бы Флеккиа-старшему еще более сомнительным, чем подробности войны 1494 года, некогда описанные ему сыном.

К этому же времени относится знакомство Амброджо Флеккиа с будущим мореплавателем Америго Веспуччи. По глазам Веспуччи Амброджо без труда понял, куда лежит его курс. Было очевидно, что в 1490 году Америго отправится в Севилью, где, работая в торговом доме Джуаното Берарди, примет участие в финансировании экспедиций Колумба. Начиная с 1499 года, вдохновленный успехами Колумба, флорентиец и сам предпримет несколько путешествий, да так удачно, что вновь открытому континенту присвоят его, а не Колумбово имя. (В том же 1499 году – и об этом Амброджо не мог не сказать купцу Ферапонту – архиепископ Новгородский Геннадий составит первое на Руси полное Священное Писание, названное впоследствии Геннадиевской Библией.)

Амброджо обратил внимание Америго Веспуччи на странное сближение предполагаемых событий 1492 года. С одной стороны – открытие нового континента, с другой – ожидавшийся на Руси конец света. Насколько (недоумение Амброджо) эти события связаны, и если связаны, то – как? Не может ли (догадка Амброджо) открытие нового континента быть началом растянувшегося во времени конца света? И если это так (Амброджо берет Америго за плечи и смотрит ему в глаза), то стоит ли такому континенту давать свое имя?

Между тем занятия с купцом Ферапонтом продолжались. Амброджо читал имевшуюся у купца славянскую Псалтирь и многое, нужно сказать, пони-

Флоренция. XV век. Гравюра

мал в ней, потому что латинский текст псалмов он знал наизусть. С не меньшим интересом он слушал чтение Ферапонта. По его просьбе каждый из псалмов прочитывался неоднократно. Это позволяло Амброджо запомнить не только слова (их он заучивал еще при чтении), но и особенности произношения. К удивлению Ферапонта, мало-помалу юноша становился его речевым двойником. В некоторых из произносимых Амброджо слов русские образцы угадывались не сразу, но порой – и это случалось все чаще – Ферапонт невольно вздрагивал: из уст итальянца исходили чистейшие интонации псковского купца.

Настал день, когда Амброджо понял, что готов отправиться на Русь. Последним, что от него услышали флорентийцы, оказалось предсказание страшного наводнения, которому суждено было обрушиться на город 4 ноября 1966 года. Призывая горожан к бдительности, Амброджо указал, что река Арно выйдет из берегов и на улицы хлынет масса воды объемом 350 000 000 куб. м. Впоследствии Флоренция забыла об этом предсказании, как забыла она и о самом предсказателе.

Амброджо отправился в Маньяно и сообщил о своих планах отцу.

Но ведь там предел обитаемого пространства, сказал Флеккиа-старший. Зачем ты туда поедешь?

На пределе пространства, ответил Амброджо, я, может быть, узнаю нечто о пределе времени.

Флоренцию Амброджо покидал не без сожаления. В те годы там обреталось немало достойных людей (Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти и Микеланджело Буонаротти), чья роль в истории культуры была ему в целом ясна уже тогда. Ни один из них, однако, не мог внести ни малейшей ясности в вопрос о конце света – единственно значимый для Амброджо. Этот вопрос не тревожит их, отмечал про себя Амброджо, ибо они творят для вечности.

В последние дни своей жизни во Флоренции Амброджо удостоился нескольких – больших и малых – видений. Видения были ему не вполне понятны, и он о них никому не рассказывал. Они не касались всеобщей истории. Виденные им события касались историй отдельных людей, из которых, думалось Амброджо, и складывается в конечном счете история всеобщая. Одно из видений – наименее им понятное – касалось той большой страны на севере, в которую он стремился. По некотором размышлении Амброджо решил рассказать его купцу Ферапонту. Состояло оно вкратце в следующем.

В 1977 году Юрий Александрович Строев, без пяти минут кандидат исторических наук, Ленинградским университетом им. А.А.Жданова был послан в археологическую экспедицию в Псков. Диссертация Юрия Александровича, посвященная раннему русскому летописанию, была почти окончена. Не хватало лишь содержащего выводы заключения, которое диссертанту почему-то не давалось. Как только он приступал к выводам, ему начинало казаться, что они неполны, упрощают его работу и в каком-то смысле сводят ее на нет. Возможно, диссертант просто переутомился. По крайней мере так считал профессор Иван Михайлович Нечипорук, его научный руководитель. Который, собственно, и включил Строева в состав археологической экспедиции. Профессор полагал, что диссертанту нужно немного отдохнуть и выводы его выстроятся сами собой. У профессора был большой опыт руководства.

В Пскове участников экспедиции разместили на частных квартирах. Квартира Строева находилась в Запсковье, на улице Первомайской, недалеко от храма Спаса Нерукотворного Образа, построенного в великий мор 1487 года. Квартира состояла из двух комнат. В большей жила молодая женщина с сыном пяти лет, а в меньшую поселили Строева. Женщину, как ему сообщили, звали Александрой Мюллер, и она была русской немкой.

Немка представилась Строеву как Саша. Так же звали ее сына, который встречал гостя вместе с ней. Мальчик обнял ее ногу, и ситцевое платье Александры превратилось в обтягивающие брюки. Погруженный в мысли о диссертации, Строев все же отметил, что у Александры стройные ноги.

Дом Строеву понравился. Это был старый купеческий дом красного кирпича. Окна его по вечерам светились желтоватым электрическим светом. Когда Строев первый раз вернулся с раскопок, он остановился у крыльца, чтобы полюбоваться их сиянием. Это сияние отражалось на автомобиле *Победа*, стоявшем у дома. И на круглых булыжниках мостовой.

Войдя, Строев увидел, что Александра с сыном пьют чай. И он пил чай вместе с ними.

Чем занимается ваша экспедиция, спросила Александра.

За стеной кто-то начал играть на скрипке.

Мы исследуем фундамент собора Иоанна Предтечи. За прошедшие столетия он значительно опустился. Строев медленно приблизил ладони к столу.

Ладони мальчика также едва касались стола. Заметив взгляд Строева, он стал водить пальцами по узорам клеенки. Это были сложные и мелкие узоры, но пальцы мальчика были еще мельче. С этой геометрией они легко справились.

При Иоанновом монастыре жил юродивый Арсений, называвший себя Устином, сказала Александра. У кладбищенской стены.

Сейчас там нет стены.

Нет даже кладбища. Александра подлила Строеву чая. Кладбище стало Комсомольской площадью.

А как же покойники, спросил мальчик. Что ли они стали комсомольцами? Строев наклонился к самому уху ребенка:

Это выяснится в ходе раскопок.

На следующий вечер они отправились гулять. Пересекли улицу Труда, дошли до Гремячей башни и там сидели на берегу Псковы. Мальчик бросал в реку камешки. Строев нашел несколько осколков кафеля и пустил их по речной поверхности *лягушкой*. Самый большой подпрыгнул на воде пять раз.

В другой раз они отправились в Завеличье. Перейдя реку Великую по мосту Советской армии, направились в сторону Иоаннова монастыря. Подошли к собору и долго стояли на краю раскопа. По лесенке осторожно спустились вниз. Гладили древние камни, согревшиеся августовским вечером. Впервые за многие века согревшиеся. И впервые за многие века их кто-то гладил. Так думала Александра. Она представляла у этих камней древнего юродивого и не могла себе ответить, действительно ли верит тому, что о нем читала. А был ли, вообще говоря, юродивый? А была ли, спрашивается, его любовь? И если была, то во что же она превратилась за сотни ушедших лет? И кто тогда ее чувствует, если любившие давно истлели?

Мне хорошо с ними обоими, сказал Строев в сердце своем, потому что в них обоих я чувствую нечто родственное. Определенное, можно сказать, созвучие, несмотря на ее немецкое происхождение. Она спокойна, русоволоса, и черты лица ее правильны. Почему она одна со своим мальчиком, и где ее муж? Что делает она здесь, в русской провинции, среди вросших в землю подслеповатых окон, старых автомобилей, льняных (с накладными карманами) рубах навывпуск и дождями омытых, посыпанных пылью (ветер едва заметно колышет под ними ковыль) морщинистых и желтолицых обитателей досок почета? Не знаю, сам же ответил, что делает, ибо для этого мира она неорганична. И он представил Александру Мюллер на бурлящей ленинградской улице или, например, в театре им. С.М. Кирова, раскрасневшуюся, перед третьим звонком, и сердце его дрогнуло, потому что перенести ее туда было в его силах.

Потом они вернулись домой и пили чай, и за стеной опять зазвучала скрипка.

Это Пархоменко играет, сказал мальчик. Мы любим его слушать.

Александра пожала плечами.

Строев пытался увидеть их – всех троих, в окне, в желтом электрическом свете – мысленным взором с улицы. А может быть, даже взором из Ленинграда. Он уже сейчас знал, что будет тосковать по этой кухне, по автомобилю *Победа* у окна, булыжной мостовой и невидимой скрипке Пархоменко. Он уже рассматривал их, сидящих, как дорогую фотографию, и оконная рама была ее рамой, и свет люстры заливал ее желтизной времени. Почему я (думал Строев) тоскую заранее, предопределяя события и обгоняя время? И как это я всегда знаю наперед, что буду тосковать? Что же рождает во мне это щемящее чувство?

Я преподаю в школе русский язык и литературу, сказала Александра, но это здесь мало кого интересует.

Строев взял из вазы печенье и прижал его к нижней губе.

А что их интересует?

Не знаю. Помолчав, она спросила:

А почему вы выбрали средневековую историю?

Трудно сказать... Может быть, потому, что средневековые историки не были похожи на нынешних. Для объяснения исторических событий они всегда искали нравственные причины. А непосредственной связи между событиями как бы не замечали. Или не придавали ей большого значения.

Как же можно объяснять мир, не видя связей, удивилась Александра.

Они смотрели поверх повседневности и видели высшие связи. А кроме того, все события связывало время, хотя такую связь эти люди не считали надежной.

Мальчик держал печенье у нижней губы. Александра улыбнулась:

Саша копирует ваши жесты.

Через две недели Строев вернулся домой. Начинался семестр, и, вопреки ожиданиям, первое время он не чувствовал тоски. Не чувствовал он ее и позднее, потому что все осенние месяцы был занят окончанием диссертации и подготовкой ее к защите. В самом конце года Строев успешно защитился. Его диссертацией были довольны все, в особенности же профессор Нечипорук, убедившийся, что решение послать диссертанта на раскопки оказалось единственно правильным. В январь нового года Строев вошел, сбросив груз, висевший на нем долгое время и порядком, откровенно говоря, отравлявший его существование. Душа его стала легкой. В этом невесомом, почти парящем состоянии она ощутила отсутствие Александры Мюллер.

Это не значит, что Строев стал постоянно думать об Александре. И уж тем более что-то предпринимать, чтобы ее увидеть, поскольку действие не было сильной его стороной. Но перед сном, в тот трепетный миг, когда дневные дела уже отошли, а сновидения еще не приблизились, он вспоминал Александру. Перед ним проплывала ее кухня, матерчатый абажур над столом и расписанный листьями чайник. Лежа в своей постели, Строев вдыхал запах старого псковского дома. Он слышал шаги прохожих за окном и обрыв-

ки их бесед. Видел жесты мальчика, оказавшиеся его собственными жестами. Строеву становилось спокойно, и он засыпал.

Однажды он рассказал об Александре своему другу и коллеге Илье Борисовичу Уткину.

Возможно, это любовь, сказал, поколебавшись, Уткин.

Но любовь (Строев взмахнул руками) – это такое всепоглощающее чувство, от которого, как я понимаю, просто судорогой сводит. Колбасит практически. А я такого не чувствую. Мне ее не хватает – да. Мне хочется быть рядом – да. Слушать ее голос – да. Но не безумствовать.

Ты говоришь о страсти, которая действительно род безумия. А я говорю о любви осмысленной и, если угодно, predetermined. Потому что когда тебе кого-то не хватает, речь идет о недостающей части тебя самого. И ты ищешь воссоединения с этой частью.

Звучит очень романтично, подумал Строев, но каково оно с такими понятиями в реальной жизни? Вот у Александры, допустим, сын, очень милый мальчик. Но это не мой сын. О его отце я ничего не знаю. Строев пожевал губами. И, строго говоря, не хочу знать. Не исключаю, что с этим человеком связаны какие-то мрачные истории. Какие-то, чего доброго, бездны в жизни самой Александры. Да дело по большому счету и не в нем. Я просто боюсь, что не смогу поладить с самим мальчиком.

Примерно через месяц он сказал Уткину:

Я все думаю о ребенке. Не будет ли он стоять между мной и Александрой? Разве она уже согласилась быть твоей женой?

А ты думаешь, не согласится?

Я этого не знаю. Позвони, спроси.

Такие вещи не решаются по телефону.

Значит, поезжай.

Ну, ты тоже скажешь, Илья... К этому я еще не готов.

Я сам не знаю, чего хочу, признался Строев сам себе. У меня много разных мыслей и чувств, но я опять не могу сделать выводы.

В марте Уткин сам спросил Строева об Александре.

Я боюсь, сказал Строев, что она может выйти за меня только для того, чтобы уехать из провинции. Или чтобы у ее ребенка был отец.

А ты не хочешь, чтобы она уехала из провинции и чтобы у ее ребенка был отец?

Почему ты меня об этом спрашиваешь?

Потому что ты еще не смотрел на происходящее ее глазами. Если у тебя получится это сделать, значит, ты ее любишь и тебе нужно к ней поехать.

В конце мая Строев сказал Уткину:

Знаешь, Илья, я, пожалуй, поеду.

Строев сел в поезд и отправился в Псков. В окно вагона врвался тополиный пух. Строев ехал и думал, что Александру он там уже не застанет. Подойдет к двери, а ему никто не откроет. Он прижмется лбом к стеклу кухон-

ного окна. Приложит ладони к вискам, чтобы не мешало отражение, и увидит остатки прежнего счастья. Абажур, стол. На столе пусто. Сердце сожмется. Из соседней двери выйдет укоризненно Пархоменко (а я вам, понимаете, играл), плечистый, коротконогий. Вот что, оказывается, стояло за музыкой. Их нет, скажет Пархоменко, уехали навсегда. На-всег-да. Вы слишком долго собирались. В сущности, дело ведь здесь и не во времени, ибо настоящая любовь вне времени. Она может ждать хоть целую жизнь. (Пархоменко вздохнет.) Причина текущих событий в отсутствии внутреннего огня. Ваша беда, если хотите, в том, что вам не свойственно приходиться к окончательным выводам. Вы боитесь, что принятое решение лишит вас дальнейшего выбора, и это парализует вашу волю. Вы и сейчас не знаете, зачем приехали. Между тем вы упустили лучшее, что готовила вам жизнь. У вас, доложу я вам, были все условия, какие только может предоставить человеку природа: жилье на тихой псковской улице, старые липы у окна и хорошая музыка за стеной. Из перечисленного вы не воспользовались ничем, и ваша нынешняя поездка, как, впрочем, и предыдущая, – пустая трата времени.

Пустая трата времени, задумчиво сказал Амброджо.

Пустая трата времени, повторил купец Ферাপонт.

На Руси Амброджо Флеккиа появился то ли в 1477-м, то ли в 1478 году. В Пскове, куда его направил купец Ферапонт, итальянца встретили сдержанно, но без враждебности. Его принимали как человека, чьи цели не вполне ясны. Когда же убедились, что конец света является единственным его интересом, к нему стали относиться теплее. Выяснение времени конца света многим казалось занятием почтенным, ибо на Руси любили масштабные задачи.

Пусть выясняет, сказал посадник Гавриил. Опыт мне подсказывает, что признаки конца света у нас будут самыми очевидными.

Познакомившись с итальянцем поближе, посадник Гавриил стал ему покровительствовать. Без этого покровительства Амброджо пришлось бы нелегко, потому что он ничего не производил и ничем не торговал. Своей неплохой, в сущности, жизнью в Пскове он был всецело обязан щедрости посадника.

Гавриилу нравилось беседовать с Амброджо. Итальянец рассказывал ему о бывших в истории знамениях, о признаках конца света, о знаменитых битвах и просто об Италии. Рассказывая о своей родине, Амброджо сокрушался, что не может передать волнистой голубизны гор, влажной солёности воздуха, а также многих других вещей, делающих Италию прекраснейшим местом на свете.

И не жаль тебе было покидать такую землю, спросил его однажды посадник Гавриил.

Жаль, конечно, ответил Амброджо, но красота земли моей не давала мне сосредоточиться на главном.

Все свое время Амброджо посвятил чтению русских книг, в которых он пытался найти ответ на волновавший его вопрос. Многие люди, зная о его поисках, спрашивали о времени конца света.

Мню, яко единому Богу се ведомо есть, уклончиво отвечал Амброджо. В чтых мною книгах многажды о сем речено, обаче несть в них численного согласия.

Разноречие источников приводило Амброджо в смятение, но попыток выяснить дату конца света он не оставлял. Его удивляло, что, несмотря на указание семитысячного года как наиболее для конца света вероятного, приближения грозного события не чувствовалось. Как раз напротив: большие и малые видения Амброджо касались лет куда более поздних. В сущности, он был этому даже рад, но недоумения его от этого увеличивались.

В лето 6967 (читал Амброджо) грядет рожество Антихристово, и будет в рожении его трус, иже николиже не бывал прежде времени сего окаянного и лютого, и будет плач велик тогда по всей земли вселеньской.

Да (думал Амброджо), Антихрист должен появиться за тридцать три года до конца света. Но 6967 год от Сотворения мира (он же 1459 от Рождества Христова) давно прошел, а знамения пришествия Антихристова все еще не ошутимы. Следует ли из этого, что конец света откладывается на неопределенный срок?

В один из дней посадник Гавриил сказал ему:

Мне нужен человек, который добрался бы до Иерусалима. Я хочу, чтобы в память моей погибшей дочери Анны он повесил в храме Гроба Господня лампаду. И этим человеком мог бы быть ты.

Что ж, ответил Амброджо, я мог бы быть этим человеком. Ты много для меня сделал, и я отвезу лампаду в память твоей погибшей дочери.

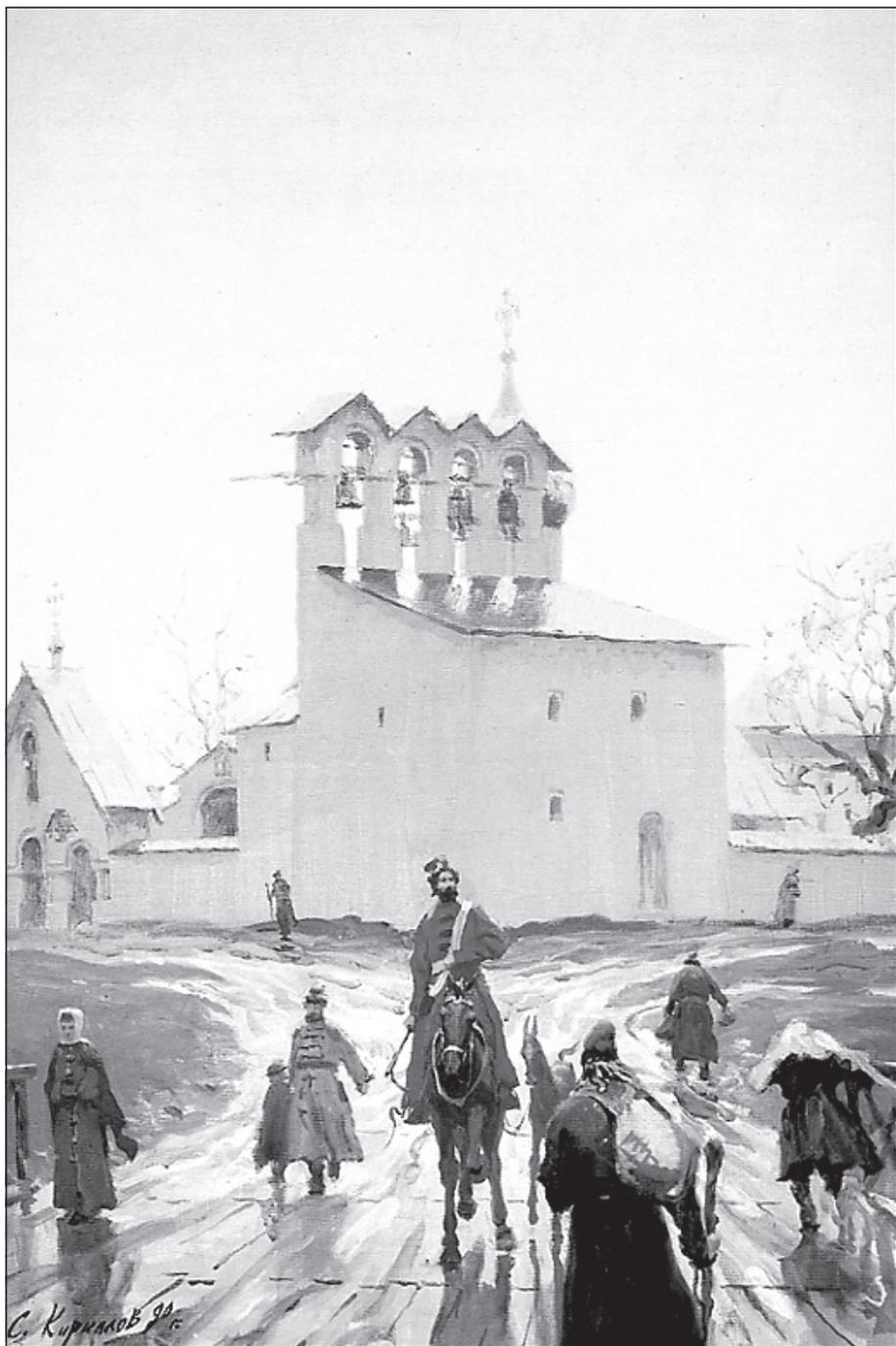
Посадник Гавриил обнял Амброджо.

Знаю, что ты ждешь здесь конца света. Я думаю, до того времени ты успеешь вернуться.

Не волнуйся, посадник, сказал Амброджо, ибо если ожидаемое произойдет, то оно будет заметно повсюду. А посещение Иерусалима благодатно.

По улице вели связанного калачника Самсона.

Славные, милые мои хлебобулочные изделия, говорил, плача, калачник. Я любил вас паче жизни моей и чужой, ибо умел вас взлелеять как никто другой в целом граде Пскове. Юродивый же Карп хватал вас своим нечистым ртом и валял по земле, он раздавал вас тем, кто горбушки вашей не стоит, а все улыбались, мня, яко добро творит. И я улыбался, ибо что же мне оставалось делать, когда все числили меня добрым человеком, да я и был таким, если разобраться. Просто мера ожидавшегося от меня превышала меру моей доброты, так бывает, что тут удивительного. И вот, доложу я вам, зазор между ожидаемым и имевшимся заполнялся во мне просто-таки свинцовой злостью. Зазор увеличивался, и злость увеличивалась, а на устах моих цвела улыбка, которая была для меня, верите ли, родом судороги.

Знаешь ли, сколько времени ты уже провел во Пскове, спросил Арсения юродивый Фома.

Арсений пожал плечами.

А я знаю, возликовал юродивый Фома. Ты отработал уже за Лию, и за Рыхиль, и еще за кого-то третьего.

Только не за Устину, сказал в сердце своем Арсений.

Фома показал на уводимого стражей калачника Самсона и закричал:

С уходом Карпа в твоём молчании больше нет смысла. Ты мог молчать, потому что говорил Карп. Теперь у тебя нет такой возможности.

Так что же мне теперь делать, спросил Арсений.

Карп звал тебя в Небесный Иерусалим, а ты не стал ему попутчиком. Это и понятно: ты не пойдешь туда без Устины. Но отправься в Иерусалим земной, чтобы попросить о ней у Всевышнего.

Как же я доберусь до Иерусалима, спросил Арсений.

Есть тут у меня одна идея, ответил юродивый Фома. Пока же, приятель, отдай мне мешок с грамотами Христофора. Он тебе больше не понадобится.

Арсений отдал юродивому Фоме мешок с грамотами Христофора, но внутренне был скорбен. Отдавая мешок, Арсений подумал, что у него, оказывается, оставалась привязанность к имуществу, и устыдился своего чувства. Юродивый же Фома понял, что творится в душе Арсения, и сказал ему:

Не скорби, Арсение, поскольку собранная Христофором мудрость войдет в тебя бесписьменным путем. Что же касается описаний трав, то для тебя, я считаю, это уже пройденный этап. Исцеляй болящих, принимая их грехи на себя. Как ты, надеюсь, понимаешь, для такого лечения не требуются травы. И еще: отныне ты не Устин, но, как прежде, Арсений. Готовься же, товарищ, в путь.

В оформлении рубрики использованы работы художников: Кириллова С. А., Андрияки С. Н., Будкеева М. Я., Маркова В.

«Духовный Собеседник» в 2015 году

Публикации, посвященные 1000-летию преставления крестителя Руси, святого равноапостольного великого князя Владимира и 1200-летию со дня рождения св. равноап. Мефодия, первоучителя славянского, 70-летию Победы русского народа в Великой Отечественной войне.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого, молитве Иисусовой и добродетельном житии.

Продолжение публикации наследия митрополита Мануила (Лемешевского).

В рубрике «Историческая память» труд М. Размолодина «Первенство русского народа как условие защиты национальных государственных устоев».

Статьи А. М. Величко о русском расколе и синодальном периоде.

Интервью с известными богословами, учеными, политологами о насущных проблемах российской действительности.

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть... (Иак. 1, 17).

Всем доброхотам и благотворителям, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2 или 443110, г. Самара, а/я 12892.

Доброхотна дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7).

1-я стр. обложки: Собор во имя равноапостольного князя Владимира в Херсонесе. 1891 г. Архит. Д. И. Гримм.

2-я стр. обложки: Молебен на Владимирской горке в Киеве по случаю празднования 1025-летия Крещения Руси. Фото священника Игоря Палкина. 27. 07. 2013 г.

3-я стр. обложки: Херсонесский колокол – памятник истории г. Севастополя, расположенный в Карантинной бухте Херсонеса. Колокол отлит в Таганроге в 1778 году из турецких пушек, взятых в качестве трофея. На нем изображены покровители моряков – свт. Николай и св. Фока. По указу императора Александра I, колокол отправили в Севастополь. Он предназначался для строящейся церкви свт. Николая. После Крымской войны 1853 – 1856 гг. союзные войска Англии и Франции вывезли колокол из Севастополя в числе трофеев. Возвращение колокола состоялось при большом стечении народа и сопровождалось торжественным Крестным ходом. В 1960-х годах колокол лишился языка. Вновь он зазвучал на Пасху 5 мая 2002 года в восстановленном Владимирском соборе.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви.

№4(78). Отпечатано в типографии ООО «Волга Принт Плюс», адрес: Самарская обл., Пестравский р-н, с. Пестравка, ул. Мира, д. 1Б. Подписано в печать 16.06.2015 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2015 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2015 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
						X		X		X			
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ место литер			на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стоимость		по каталогу		683 руб. 04 коп.						кол-во комп.		1	
		за доставку		руб. коп.									
на 2015 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
						X		X		X			
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **220 рублей** за один экземпляр журнала с учётом доставки до адреса - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с №40702810400000016337 в ОАО «Первобанк» г. Самара

БИК 043601927 к/с 30101810100000000927

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2015 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2015 г.:					
№1(75) Январь - Февраль	№2(76) Март - Апрель	№3(77) Май - Июнь	№4(78) Июль - Август	№5(79) Сентябрь - Октябрь	№6(80) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи _____

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2015 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник